

аврора 3/75

ПРОЗА

Ольга Чайковская	14	Оглянись, моя совушка. Повесть
Иван Соколов-Микитов	27	Клад. Короткие рассказы
Владимир Даненбург	34	Совсем другой счет. Повесть. Окончание

ПОЭЗИЯ

Элида Дубровина	6	Двое на «Стерегушем». «...А дождь звенел, как рожь стеклянная...»
Галина Усова	6	Литейный мост. Котенок
Глеб Горбовский	11	Третья любовь. «Живешь галопом. Скач неистов!» «Не сидели за одной...» На что уповать? «Усни, твой сон подобен скрипке...» «Лежать. Что в мире прощя?..» Есенин — 80 лет. Новый день. Хорошо
Александр Шевелев	26	«Далекой повозки гремящей...» «Тиха вечерняя равнина...» «Мне снова вспомнилась сторожка...» «Говоришь...» На исходе дня
Михаил Квливидзе	33	Поэты «Ты — здесь. Ты — рядом. Только чуду...» «Что делать мне? Как мне о том сказать?..» Монолог ремесленника. Выходят замуж ангелы. «Когда под вечер замыкают звенья...» К. Н. «Пространство — расстояние до Конца...» Дочери моей Наташе. «Я не глупец и не хвастун...» Стихи в переводе Михаила Дудина

ПУБЛИЦИСТИКА

Людмила Славолобова	2	«Русалка плыла по реке голубой»
Петр Ребрин	7	«Есть вещи, которые надо держать в чистоте...»
Яков Киселев	51	Понять другого...
Герман Попов	62	Если бы только мастер ритма...

КРИТИКА

Юрий Андреев	54	Истоки мужества
Владимир Соловьев	56	Можно ли перекричать тишину?
Виктор Никитин	60	За чистое небо
Игорь Михайлов	61	Рязанские мотивы

ИСКУССТВО

Алексей Каплер	66	О Григории Козинцеве — друге юности. Несколько слов о Марке Бернесе. Статьи вторая и третья
Самуил Лурье	74	Цена бессмертия
Геннадий Гор	76	Краски, линии и чувства

«СЛОН»

Юмористический журнал в журнале	77	Выпуск пятьдесят восьмой
---------------------------------	----	--------------------------

© «Аврора» 1975 г.

На титуле — фото Юля Колтуна

Рукописи не возвращаются. Адрес редакции: 192187, Ленинград, Литейный пр., 9. Телефон 73-33-90. М-26048. Сдано в набор 25/XI 1974 г. Подписано в печать 4/II 1975 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. л. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 130 000. Заказ 881. Цена 30 коп. Типография имени Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, вав. р. Фонтанки, 57

Ордена Трудового Красного Знамени
Лениздат

аврора

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ,
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1969 ГОДА

МАРТ 1975

3

ОГЛЯНИСЬ, МОЯ СОВУШКА

ПОВЕСТЬ

Рисунок Светозара Острова

Часы нежным голосом сказали, что уже восемь (часы были фамильные, бронзовые, французской работы), и как только пробили часы, в передней раздался звонок. У Сушилиных был, что называется, открытый дом, и даже сейчас, летом, когда все друзья и знакомые разъехались — кто в отпуск, кто на гастроли, кто в командировку, каждый вечер кто-нибудь да приходил.

Первой пришла Ляля, адвокат, она была худа, как гвоздь, и элегантна, как манекенщица. Когда она села в кресло, серьги ее, большие, ажурные, похожие на вышки высоковольтной передачи, долго еще качались.

Второй пришла Нелли, их новая знакомая, не так давно ее привел к ним Никита. В отличие от Ляли она была тиха и молчалива, у нее были гладкие волосы, изогнутые, как арфа. За ней, разумеется, пришел и сам Никита, долгоязыкий умный физик, он приехал прямо из института.

— Здравствуйте, — сказал он и, как всегда, завалился на диван, а длинные ноги его заняли полкомнаты.

Потом пришел Севка, он был школьным товарищем Никиты и гордостью Ингиной коллекции.

— Ты моя радость, — говорила ему Инга. — Все у меня есть — и физики, и лирики. А вот уголовного розыска, честно говоря, до сих пор еще не было.

— Джеймс Бонд! — закричал Ингин брат Котика. — Агент 07! — Он мнимо прицелился в люстру и два раза согнул палец. — Пок! Пок!

— Братец, — ласково сказала Инга, — вспомни, что тебе пятнадцать, а не пять.

Севка улыбался. Он был застенчив и в общий разговор почти никогда не вступал.

А потом пришла Катя...

Катя — это особое дело. Это чистый алмаз. Вот кого Инга охотно взяла бы себе в друзья! Но Катя держалась замкнуто и к себе не подпускала. Жила она одна, никого не звала в гости и вряд ли к кому-нибудь, кроме Сушилиных, приходила.

— Как жизнь? — спросил Никита у Ляли.

— Хреново, — ответила Ляля.

Никто не удивился — все знали ее штучки, она и матом не брезговала.

— А вот Нелли, — весело блестя глазами, воскликнул Никита, — она всегда себя хорошо чувствует. Правда, Нелли?

— Гав, — сказала Нелли.

Про нее говорили, что она ограничила словарь Эллочки-людоедки двумя словами: «гав» — знак приветия, милой шутки, и «мяу» — жалоба, неудовольствие, желание, чтобы ее пожалели.

— Гав, — сказала Нелли еще раз.

Он сгреб ее в объятия.

— Ах ты, мой Демосфен! — сказал он.

Она сосредоточенно глядела из-под его руки.

Севка, заметив, что пепел на Катиной сигарете вот-вот рухнет, протянул ей пепельницу, но она, повернувшись было в ответ на его движение, вдруг быстро оглянулась на дверь.

«Как это она всегда знает, — подумала Инга, — за минуту знает, когда войдет отец!»

Кирилл Викторович вошел, поздоровался и молча присел на ручку кресла. Все ждали, что скажет хозяин дома, но он молчал, не чувствуя от этого никакой неловкости. Он, знаменитый пианист, привык, слава богу, ко всеобщему вниманию.

Стоя у двери, Инга попробовала взглянуть на отца сторонним взглядом. Замечательно хорош собой, и больше тридцати семи никак не дашь. И особенно хорош, когда улыбается своей прославленной улы-

кой. Может ли он вообще кому-нибудь не нравиться?

Инга попробовала взглянуть на него глазами врага. Глазами Генриха, например. Она и сама удивилась этому повороту мысли. Генрих, любимейший из учеников...

— Сегодня к нам придет новое лицо, — сказала Ляля. — Если хотите, не совсем обыкновенное.

— Ктой-то? — спросил Никита.

— Увидите.

— Ради бога, — сказал Сушилин. — Очень рады.

Все опять замолчали.

— Я вчера слушала вашего Моцарта, — вдруг сказала Сушилину Катя, — и поражалась вашей памяти.

Все переглянулись — такой комплимент знаменитому пианисту казался по меньшей мере странным. Но Кирилл Викторович живо повернулся к ней и ответил:

— Вы говорите о жизненной памяти, я правильно понял?

— Ну уж, наверно, не о вашей способности запоминать ноты!

Она вообще была резка, и никто, кроме нее, не позволил бы себе в таком тоне разговаривать с Сушилиным.

— Чтобы так играть Моцарта, — продолжала она, — нужно иметь особую память на юность, на детство. У вас было счастливое детство?

— О да! — воскликнул он еще живее. — А у вас?

Они разговаривали друг с другом, словно были одни в комнате. Только с отцом Инги Катя становилась такой открытой и ясной, да и вообще, кажется, только с ним она и разговаривала. А так все больше молчала и курила. Глаза ее следили за Кириллом Викторовичем, где бы он ни был, — огромные глаза, похожие на озера с чуть неровными очертаниями берегов. Когда же он уходил из комнаты, она опускала веки, и лицо ее становилось некрасивым.

— Кирилл, тебя к телефону, — сказала мужу Зинаида Константиновна. «Мать недовольна», — отметила Инга; посторонний не мог бы этого разглядеть. Про Зинаиду Константиновну говорили, что у нее истинно петербургский характер, холодный и ровный.

Сушилин ушел. Катя опустила глаза, и лицо ее снова померкло.

В передней раздался звонок.

— Это он! — закричала Ляля и побежала открывать сама.

— Прошу любить и жаловать, — сказала она, — я веду к вам интеллектуального грузчика.

Все с любопытством уставились на интеллектуального грузчика. Это был высокий, широкоплечий, элегантный парень. Во всей его фигуре, костистой и сильной, было что-то конское. Голова его казалась небольшой, потому что он стригся наголо. Лицо грубоватое, а глаза светло-ореховые, в черных ресницах.

— Вы в самом деле грузчик? — спросила Инга.

— И в самом деле интеллектуальный? — лениво спросил Никита.

— Ни то ни другое, — ответил новоприбывший.

— Ну, слесарь, — сказала Ляля, с удовольствием усаживаясь в кресло и глядя на него. — Слесарь, который пишет стихи и никому не показывает. Он усмехнулся.

Тем временем вся компания — Ингин брат Котка, Никита, Нелли и Ляля — начала любимую игру: сочинять стихи, где все слова начинались бы на одну букву.

Катя сидела в своем кресле, курила, молчала. Вдруг новый гость подошел к ней и спросил очень учтиво:

— Мы с вами где-то встречались, вам не кажется?

«Интересно, — подумала Инга, — как она сейчас его отбрест». Но она только покачала головой:

— Я не помню.

— У нашего стихотворения уже есть название, — возвестил Котка. — «Баллада бобра». И первая строка: «Бобр безобразно был близорук».

— Безбожно, — поправил Никита. — «Бобр безбожно был близорук».

— Боже мой, какая белиберда на «бе», — сказала Инга. — Не можете ли вы пойти помочь мне на кухню? — обратилась она к новопришедшему.

— С удовольствием, — отозвался он живо.

— Бобр безбожно был близорук, — сказала Ляля, прицеливая пальцами.

— Бобр... бобр... болотами бегал без брюк, — тихо и застенчиво вставила Нелли и тут же прибавила виновато: — Мяу.

Все захохотали. Катя сидела, курила и, казалось, ничего не слышала.

— Беса тешат, — сказала Инга гостю. — Все за день устали, это разрядка. Никита, когда идет эксперимент, даже ночует в институте. Да и Ляля с ее процессами — знаете, она, говорят, замечательный адвокат. А Котка с его скрипкой?! Все устают. А уж Севка... — Тут она заметила, что Севки нет, — когда же он успел уйти? Впрочем, он редко когда бывал у них подолгу — такая работа.

В кухне гость огляделся.

— Кран у вас течет, — сказал он. — Слесарь у вас халтурщик.

Инга доставала из буфета посуду.

— Вам можно доверить? — спросила она. — Не грохнете?

Он с готовностью подставил огромные руки, сложенные ладонями, как чаша. Когда она в эту глубокую чашу укладывала посуду, он заглянул ей в глаза. Ну... сейчас начнется знатная карусель. Его глаза с ней внятно и сумрачно разговаривали.

— Итак, вы в самом деле слесарь? — сказала она поспешно. — И в самом деле пишете стихи?

— Сказать по правде, я и сам не знаю, чего я пишу. Что я слесарь, это я твердо знаю, потому что зарабатываю на этом кучу денег, а вот стихи...

Когда они возвращались в столовую, Ляля крикнула:

— Клим, у нас нет последней строчки.

Он осторожно поставил посуду на стол.

— Вот послушайте, — продолжала она:

Бобр безобразно был близорук,

Бобр болотами бегал без брюк,

Бобр без боязни бодал безмота...

— тут Ляля снова прицеливала пальцами.

Он быстро повернул к ней голову.

— Войтесь бобров, бороздящих болото, — сказал он и весело взглянул на Ингу, как бы приглашая подвигнуться на всю эту чушь. И снова, когда он повернул свою небольшую голову на сильной шее, он показался ей похожим на красавца коня.

— Bravo! — воскликнул Котка.

Инга взглянула на Катю и сразу поняла, что сейчас войдет отец. Как это называется — телепатия?

Когда вошел отец, Инга представила ему Клима.

— Кто звонил? — взволнованно спросил Котка. — Генрих? Он едет?

— Провалили, — холодно ответил Сушилини. — Генрих не едет.

— Это что — на отборочные в Париж? — спросила Ляля.

— Да, он не едет.

— Эт-то невозможно! — закричал Котка.

— Итак, вас зовут Климом? — сказала Инга, когда он снова к ней подошел.

— Да нет, это мои друзья так переименовали мою фамилию, — ответил он улыбаясь. — Так им удобно. Коротко.

— А мне нравится: Клим, — сказала она, и его глаза тотчас ей отозвались.

— Прошу к столу, — холодно сказала Зинаида Константиновна.

За ужином говорили о том, как ужасно, что Генрих не едет на конкурс в Париж.

— Неужели они не понимают, — говорил Котка, движением указательного пальца водворя очки на переносицу, — что они могут погубить талант!

Кирилл Викторович на него покосился:

— Талант? Не такая уж хрупкая вещь.

— Я в этом не убеждена, — сказала Катя.

Сушилини повернулся к ней.

— Настоящий талант? Живучая вещь.

— А, понимаю, Андерсен, — сказал Котка. — Да, папа? Андерсен?

Инга оглядела гостей. Никто не скучает, все вовлечены в разговор. Даже Нелли пытается принять в нем посильное участие, бедняга. Кем, интересно, она сейчас работает? Была кассиршей, потом, кажется, билетершей. А теперь?

— Это андерсеновская сказка «Самое удивительное», — объяснил гостям Сушилини. — Там король обещал дочь тому, кто сделает самое удивительное на свете. И вот явился юноша, сделавший удивительные часы: с каждым их ударом появлялись живые фигуры; было уже решено, что рука принцессы принадлежит мастеру, и вдруг явился детина с топором, рубанул, и от дивного произведения искусства осталась груда обломков. Все были поражены и громко возвестили, что это всего удивительнее: в секунду уничтожить годы гениального труда. И вот церковь, где детину венчают с принцессой. Полночь. В углу в отчаянии стоит юный мастер. И вдруг... сами собой раскрылись двери, и появились часы. Раздался первый удар...

И тут в самом деле раздался звон: били десять французские часы. Все вздрогнули и рассмеялись.

— Словом, — продолжал Кирилл Викторович, — великие произведения искусства не умирают.

— Рукописи не горят, — сказала Инга и тут же подумала, что Нелли, наверно, не читала Булгакова, и надо бы ей объяснить. Но ее опередил Клим:

— Булгаков в «Мастере и Маргарите», кажется, имел в виду не совсем то.

— Ничего нонича слесаря пошли! — проворчал Никита, и все рассмеялись.

В передней раздался звонок. Инга побежала открывать Генриху.

— Какое безобразие с этим Парижем! — сказала она ему. — Отец просто вне себя.

— В самом деле? — насмешливо спросил он.

До чего же все-таки самовлюбленный и противный тип!

— Я вам говорю: папа просто взбешен.

Генрих только сардонически скривился: «Допустим». Он приглаживал перед зеркалом свои пружинные волосы, а она смотрела ему в затылок и не навидела.

Общий разговор в столовой не прервался, когда они вошли, потому что речь держала Катя.

— А главное, — говорила она, — эта сказка — провидение. Это девятнадцатый век провидел двадцатый. — Она вообще вдруг стала общительна и говорлива, глаза ее светились, на щеках появился румянец. Клим взглянул на нее со вниманием.

Ляля подошла, села рядом с Ингой, обняла ее за плечи и, не спуская глаз с Генриха, сказала тихо:

— До чего же хорош, мать его за ногу!

Инга с изумлением взглянула на нее. Генрих? Хорош? Вот уж поистине о вкусах не спорят!

Когда гости расходились, Клим опять очутился около Инги. Пока он натягивал плащ, его глаза вели с ней свой сумрачный разговор.

— Я все-таки почитаю вам свои стихи, — вдруг сказал он, — если вы, конечно, не воспротивитесь.

Она все же начиналась, карусель.

Катя, уходя, спросила вдруг у Сушилина — правда ли, что после сольного концерта он надолго уедет за границу?

— Да, — ответил он. — Нью-Йорк, Лондон, Рим.

Катя кивнула, как бы что-то прикидывая в уме.

Гости расходились от Сушилиных поздно. Катя сразу от подъезда повернула в сторону, и разговор пошел о ней.

— Все-таки странная особа! — сказала Ляля. — Можно было бы, кстати говоря, и попрощаться.

— Она читала «Социологию» Спенсера, — примирительно сказал Никита. — А чего можно требовать от женщины, которая читала «Социологию» Спенсера?! Она замужем-то когда-нибудь была?

— Насколько я знаю — нет, — ответила Ляля. — Говорят, умна. А кому нужен ум, который не греет?

— А вот у нашей Нелли, — сказал Никита, за плечи притягивая девушку к себе, — так у нее ум всех греет.

— Гав, — сказала Нелли.

Семья Сушилиных, если считать по Зинаиде Константиновне, принадлежала к старинному роду.

— Старинный род! — фыркнул Котька. — Это что, одни семьи произошли давным-давно, а другие вчера от обезьяны? — Тем не менее он очень интересовался своими предками и даже рылся в старых книгах, которые приносил ему из библиотеки отец.

— Кстати, — говорила Инга гостям, — известно ли вам, что наш Котька влюблен в свою прапрабабушку?

— Да, влюблен! — кричал Котька. — И все были в нее влюблены!

Лет сто назад один из предков Зинаиды Константиновны, к ужасу семьи, женился на гувернантке своих сестер — печальной девочке-итальянке, которую звали Кармела. В семье хранилась овальная миниатюра, где воздушными красками по слоновой кости было изображено милое лицо. Котька полгода выклянчивал у матери эту миниатюру и наконец недавно получил ее в день рождения.

— Вот вы меня все ругаете, — говорил он как-то за обедом, — а все потому, что вы — темные люди. В сословном обществе брак с Кармелой был чем-то ужасным. Анна Каренина...

— Разумеется, — сказал Кирилл Викторович и потянулся за горчицей. — Анна Каренина никак не мог-

ла бы выйти замуж за Поликушку. И даже сбежать с ним, как с Вронским, она вряд ли решилась бы.

— Вот видишь, — продолжал Котька. — Значит, в нашем обществе по самой его структуре не может быть неравного брака.

— Не знаю, — холодно сказала Зинаида Константиновна, — я бы не хотела, чтобы моя дочь вышла замуж за... грузчика.

Инга с усмешкой слушала этот разговор. Если бы они знали!

Это было месяц тому назад. Она поздно возвращалась с дачи, шла лесом и вышла на шоссе за полночь, когда последний автобус давно прошел. Кругом стоял черный лес. Инге было не по себе, и когда вдаль зажеглись огни автомобильных фар, она не подняла руки. «Москвич» пронесся мимо нее на необычной ночной скорости, ослепив и оставив во тьме. Но все же до Москвы было километров восемьдесят, приходилось голосовать.

Опять показались огни фар, постояли вдаль, а потом налетели неожиданно быстро. Инга подняла руку. Длинная и еще удлинненная движением «Волга» шина пролетела мимо; но через минуту, медленно свернув на обочину, остановился самосвал с прицепом. Машина дрожала, дышала теплом и казалась надежной, словно сюда, в лес, приехала огромная русская печь. В ребрах капота что-то светилось.

— Садитесь, девушка, — сказал невидимый ей шофер.

Подножка была почти на уровне глаз. Инга кое-как вскарабкалась и оказалась высоко над землей, а лес, бежавший по сторонам, был уже глубоко внизу. Сильно пахло бензином, кожей и гарью, было тепло и покойно. Лица шофера она не видела, свет приборов освещал только руки, спокойно держащие баранку.

На развилке их остановил милиционер. Он открыл дверцу кабины и сказал просительно:

— Подвезешь?

Шофер кивнул с достоинством.

— А ну-ка, девушка, подвигайся, — уже повелительно сказал милиционер. И, плавно нависнув, втиснулся в кабину.

— Это кто у тебя? — Он кивнул на Ингу.

— А это мой завхоз, — ответил шофер, глядя на дорогу.

Милиционер поговорил, пошутил, а потом вдруг сказал: «Ссадишь меня здесь», — и спрыгнул в темноту.

Опять побежал лес, зарыбило шоссе, выбеленное светом фар.

— Завхоз!.. — сказала Инга.

Он, кажется, покосился, усмехнулся и ничего не ответил.

Теперь, в свете фар, Инга его разглядела. Ну, хорошо! Чистый разбойник! За такое лепное лицо дорожку бы дал любой из ее друзей художников.

Когда самосвал сворачивал к ее дому, Инга увидела, что машина огромна и неуклюжа, что она не помещается в переулке и грозит свернуть своим прицепом телефонную будку. Шофер, оглядываясь, быстро крутил баранку. Кое-как объехали и стали. Ни он, ни она не двигались. Ей не хотелось уходить из теплой кабины. Шофер выскочил первым, вышла и она. Черно-белые коробки новых домов стояли немые, ни одного светящегося окна.

— Которое ваше? — спросил он.

— Вы, на пятом.

— Муж небось ждет не дожидется. Куда, думает, жена девалась?

— У меня мужа нет.— Ей и сейчас смешно было вспомнить, как поспешно она это доложила.

Он, задрав голову, смотрел на ее окно.

— Может, мне подняться? — спросил он вдруг.

Ну это уж... Она взглянула на него холодно.

— Сколько я вам должна? — спросила она.

— А сколько у вас есть? — осведомился он весело.

Она вынула из сумки все, что у нее было, — два рубля.

— Ну, это многовато, — сказал он. — Спокойной ночи!

И пошел, ничего не взяв.

Инга поднялась к себе и стала слушать. Мотор дико взревел в ночной тишине. На стенке вдруг вспыхнул яркий переплет окна и поплыл к двери, а потом веером развернулся на потолок. Как видно, прицеп благополучно миновал палисадничек — сейчас шофер, наверно, быстро крутит руль и оглядывается, машина уже на улице.

Вот как это было — небольшое дорожное приключение.

Прошло несколько дней, она ехала в институт троллейбусом.

— Граждане, — раздался голос из динамика, — покупайте абонементные книжечки.

Инге книжечка была не нужна. Она рылась в сумке, отыскивая мелочь. Голос раздавался опять.

— Граждане, а граждане, — сказал он горестно, — покупайте книжечки, а?

В троллейбусе заулыбались: водитель валял дурака.

Она села и стала за ним наблюдать. Он поднял руку и взял что-то на полочке у себя над головой. Рука была похожа. Троллейбус остановился около ее института, но она не вышла. Рука была похожа. Да и голос тот же. Инга пересела поближе и в зеркальце водителя увидела его глаза и брови. В чисто промывом зеркале обычно все выглядит красивым.

Она доехала тогда до самого круга. Да, это был он. Оказалось, что он тоже ее запомнил и что его зовут Петей.

— Вы не против вечером встретиться? — спросил он.

Вот о чем вспоминала она, сидя со своими за обедом.

Впрочем, ей было не до воспоминаний — это был день концерта, а в день концерта никто из них ни о чем другом, кроме концерта, не думал.

А с этим сольным концертом отца происходило уже форменное столпотворение. Телефон, не умолкая, униженными голосами молил о билетах. Стало известно, что после концерта Сушилин уезжает за границу, проведая про то поклонники и поклонницы — их у Кирилла Викторовича было великое множество, а одна из них, старенькая Серафима Петровна, просто следовала за Сушилиным, как тень (было известно, что однажды она, чтобы лететь в Тбилиси на его концерт, продала пальто).

Концерт шел с блеском — кажется, сам Кирилл Викторович не знал до сих пор такого успеха.

Он стоял один против бури аплодисментов — Инга смотрела на него с балкона: будто рука первоклассного графика вычертила черной тушью роуль с поднятой крышечкой и высокую фигуру пианиста во фраке. Эстрада была пуста, только он один стоял тут да две корзины цветов, похожих на взбитую розовую пену.

Инга любила манеру отца выходить на аплодисменты — учтивую и отважную. А что выделывают поклонницы! Что они творят! Серафима Петровна даже, кажется, вскочила на стул.

Программу свою он составил тщательно и строго, а начал, как и просила дочь, Моцартом, ре-минорной сонатой. Первую часть он сыграл радостно-отчетливо и даже щегольски (зал как-то особенно ожил), а вторую... Инга ждала с нетерпением своей любимой темы, но та все равно подобралась незаметно и кончилась слишком рано.

Инга вдруг обернулась и в углу под портретом Рубинштейна увидела Катю, и у нее было такое лицо, что Инга поспешно отвела взгляд. В иные минуты на человека смотреть не нужно.

После концерта Инга через служебный вход прошла в артистическую и на лестнице снова встретила Катю, и снова ее поразило Катюино лицо. «Господи, это же было так прекрасно, — думала она, — зачем же так мучиться?»

Отец стоял, прислонясь плечом к стене, вокруг толпились поздравляющие.

А Катя отцу ничего не сказала, даже не подошла. Она стояла поодаль у дверей и смотрела на него во все свои огромные глаза.

Они шли по улицам Москвы, чисто промытой летними дождями.

— У меня есть брат, ему пятнадцать. Про маму и папу я вам уже рассказывала, а про него еще нет. Он очень смешной парень, очкарик, влюблен в историю. Раскопал, между прочим, нашу дворянскую родословную и влюбился в нашу прапрабабку.

— Моложе не нашел, — заметил Петька.

Они шли по улицам куда глаза глядят.

— Это портрет, — продолжала она, — маленькая миниатюра по слоновой кости. Прапрабабка была итальянкой, красавицей, и умерла, когда ей было двадцать.

Они переходили улицу, и Петька взял ее под руку, и тотчас все мысли ее переместились к тому месту на боку, где чувствовалась его рука.

— А ведь мы с вами тогда в троллейбусе не так уж случайно и встретились, — сказал он. — Я перевелся в Москву на другой, нет, вру, на третий день после того, как мы с вами тогда ехали. Мне, правда, один дружок давно предлагал, да я все никак не мог решиться, а потом...

Да, конечно, она догадалась — и как ей было не догадаться!

— А я вчера слушал вашего отца, — вдруг сказал Петька. — Он по радио играл Чайковского, Первый концерт. Очень замечательно играет.

Эта была старая отцовская запись, заигранная до невозможности, и все же было приятно, что он слушает и различает музыку.

— Гм, — сказал он вдруг и покосился на нее.

— Что? — спросила она улыбаясь. — Ну что?

— Вы смотрите на меня как на лошадь, которая вдруг заговорила.

Она сама взяла его под руку и на минуту прислонилась виском к его плечу. «Приметлив, — думала она. — Тут держи ухо востро!»

Они свернули в знакомый ей проходной двор и теперь шли мимо детской площадки с грибочком, скамейками и качелями на проволоке. Ребятишки лет пяти, все, как на подбор, косоланые, играли в футбол.

— Нет, до чего я ихнего брата люблю! — сказал Петька. — Когда я вижу, как что-нибудь такое с портфелем в школу ползет, так... — И он даже отвернулся.

Перед ними возникла стеклянная коробочка закусочной, и обомл тотчас захотелось есть. И вдруг на

тротуаре перед закусочной она увидела Клима. Он быстро шел ей навстречу, занятый своими мыслями; увидев ее, приостановился на ходу, перешел на другую сторону и пошел не оборачиваясь.

И в сердце ее что-то легонько кольнуло.

Они заказали шашлыки, запивали их красным вином (Инга даже немного захмелела, да и Петька, кажется, разогрелся) и говорили совсем по душам.

— Меня дружок сперва в таксеры звал, — рассказывал Петька, — но я не пошел. У таксистов очень любовь к деньгам разгорается. Я этого не люблю. А вот что самое худшее, он говорит, так это таксистки. Это так-кие бабы! — Он засмеялся и покрутил головой. — Мимо, говорит, пройти нельзя. Хватают нашего брата за все места.

Инга тоже засмеялась. Таких разговоров с мужчинами ей раньше вести не доводилось, ну да сейчас они оба выпили, так что ничего.

— Обычно это нашей сестре от вашего брата проходу нет.

— Так раньше вы в теремах шелками вышивали, а теперь МАЗы водите.

— А хорошо ли это, что мы МАЗы водим?

— Не знаю.

— Я МАЗы не вожу, я учусь в институте иностранных языков.

Инге тут все нравилось — все легкое, стеклянное, кругом люди ходят, машины ездят, светофоры горят.

— А хорошо здесь, — сказала она.

— Тут с ребятами прийти посидеть хорошо, — ответил он. — А наше с вами место совсем не тут.

— Где же?

— А это я вам покажу. Послезавтра, в воскресенье.

Она подумала и сказала:

— Завтра, в субботу.

ГЛАВА II

Старший следователь прокуратуры Дронов, как всегда, торопился. При его колоссальной нагрузке (чтобы не сказать — перегрузке) и, главное, методе работы он иначе не успевал сделать все, что сделать необходимо. Закон отпускает тебе два месяца, чтобы кончить дело. Два месяца. А жизнь, между прочим, подкидывает такие загадки... Если бы дело заключалось в том, чтобы найти след, ну, к примеру, установить идентичность отпечатков пальцев, или однородность группы крови, или еще что-нибудь, что люди несведущие считают главным в работе следователя... Между тем, совсем не это решает дело. Следователь должен узнавать характеры людей, их душевный склад, суть их взаимоотношений. И вот на это времени ему не дано.

Нет времени. Особенно если учесть, что приходится писать, писать и писать. И протоколы писать, и запросы писать, и все самому: и направления писать, и заключения писать.

В одном ему несомненно повезло — относится к нему неплохо, можно сказать, с уважением некоторым. Если к тебе серьезно относятся эксперты, заключения экспертизы будет толковым, пришлют его быстро. И милиция присылает тебе дельных ребят из розыска, а всякому ясно, что без хорошей оперативной разработки серьезное дело не проведешь.

Вот и сегодня прислали совсем молодого — Севку Прохорова. О нем хорошо говорят. Да и на вид ничего мужичок.

Они сидят и как мужчина с женщиной (это пар-

ню лестно) изучают друг друга взглядами. Хорошо бы сразу подключить его к какому-нибудь сложному делу. Собственно, ради одного такого дела Дронов и просил прислать его, но то дело уже распутано — следовательно там еще есть работа, а розыску делать нечего. Вчера пришло к ним одно, но он, Дронов, постарался спихнуть его на С. К. (так у них в прокуратуре называли Сергея Константиновича Шимановского). Женщина покончила с собой, оставила записку — мол, в смерти моей, и так далее... Такое дело — одна возня и писанина, большие ничего.

И тут С. К., легок на помине, вошел к Дронову в кабинет.

— С-с-спасибочки, — сказал он с порога (он заикался).

Михаил Алексеевич улыбнулся не без смущения — речь шла, конечно, об этом самоубийстве.

— А впрочем, небез-з-любопытно, — добавил С. К.

Севка с интересом рассматривал Шимановского: внешне полная противоположность Дронову. Тот крепкий, налитой, а этот тщедушен, тело под пиджаком кажется таким же легким, как у птицы под перьями. И в узком, плотно обтянутом кожей лице тоже есть что-то от благородной птицы. И глаза умные.

С. К. шагнул в комнату, и Севка увидел, что он хромает. Да, ему ребята говорили, что С. К. потерял ногу на фронте, мальчишкой, — ходит, поскрипывая протезом.

— Я думал, что д-д-дневники писали только в прошлом веке, — сказал С. К., — а вот, оказывается, и в наше время...

— А что, она оставила дневник? — с интересом спросил Дронов.

— Сегодня принес муж. Ничего инт-т-тересней и давно не читал.

Зайкаясь, он старательно поднимал брови, словно помогая себе выговаривать слова.

— Знакомьтесь, — сказал Дронов. — Это Прохоров.

С. К. посмотрел на Севку, кивнул и захромал из комнаты.

— Ну, теперь будет неделю читать для собственного удовольствия, — сказал, ухмыляясь, Дронов, и по лицу его было видно, что он С. К. любит.

Когда на следующий день Севка по поручению Дронова зашел к С. К. с какими-то бумагами, он застал его за чтением дневника.

— Х-х-художественное произведение, — сказал С. К., подняв на Севку глаза.

— А мне можно почитать? — спросил Севка, осмелев.

— Отчего же!..

И Севка, примостившись у края стола, начал читать.

«Сегодня весь день была занята делом: очищала в русских романах слова от музыки, как лук от шелухи. Сравнение не то, но работа — именно та. Если бы Вы знали, сколько прекрасных стихов погублено музыкой. Ведь музыка Глинки к пушкинскому «Я помню чудное мгновенье» — это хорошая музыка, но она погребла под собой дивные, несравненные стихи. Попробуйте произнесите их отдельно, и Вы увидите, что никогда их не знали или знали, но позабыли, что у них совсем иной ритм, иное дыхание. Под музыкой они задохнулись. Вы не согласны?»

Севка взглянул на С. К.

— А интересно это у нее написано! — сказал он.

— Я же говорю! — откликнулся С. К.

Севка продолжал читать: «Какое это утомительное занятие — встречаться, здороваться (да еще за руку!). Я знаю, они сердятся, когда я прохожу мимо и не здороваюсь, но мне этот мимолетный контакт

всегда тяжело давался. В чистом поле куда легче дышать. Вы не согласны? Ах, сударь, Вы ничего мне не отвечаете!»

— К кому это она все время обращается? — спросил Севка.

— К мужу, он часто бывал в отъезде, и она очень тосковала.

Севка читал: «Пошла на концерт М. Слушала, как этот пианист, словно постылый проповедник, поучительно разъясняет слушателям то, чего объяснить нельзя, — поэзию Моцарта. Нет уж, меня теперь к нему на концерт калачом не заманишь!»

Дальше следовало что-то густо замазанное чернилами.

Севка был удивлен. М. — знаменитый пианист, он привык преклоняться перед этим именем. А эта — как бритвой режет, никаких авторитетов!

А вот подчеркнутая строка: «Стоит ли жить, если жизнь становится все быстрее и неразборчивее?»

Над этой строчкой другим почерком было написано: «Вот оно!»

— Кто это писал? — спросил Севка.

— Муж, — ответил С. К. — Уже после ее смерти. Это уже, так сказать, для нас — объясняя причину самоубийства.

— А как он объясняет?

— Принадки безумия.

— Она состояла на учете в психдиспансере?

— Никогда. Но сослуживцы утверждают, что она была странной. Она работала переводчиком в НИИ, работала отлично, но была совершенно неконтактной.

«Москва сошла с ума, — читал Севка, — залита солнцем, полна красивых девушек, и всюду продают тюльпаны. А мне в этом воздухе слышится недоумение. Нет, сударь, не подумайте, что мне было грустно — мне было хорошо. Так хорошо, так радостно, что эта радость уже переходила в боль; и тогда уже вообще ничего в себе нельзя понять. Скажите, бывает так, чтобы умирали от счастья? От избытка чувств?»

Последние строчки тоже были отчеркнуты другими чернилами.

— Но как же это все-таки случилось? Он что, был в отъезде?

— Нет, он как раз был дома. Она сказала ему, что очень устала, что примет спотворное и чтобы он не беспокоился, если она утром проспит, — ей с утра на работу не нужно. Незадолго до этого они получили новую квартиру. Жить бы да жить, и вот...

— Можно мне прочесть ее записку?

С. К. вынул из папки и протянул ему листок, на котором было написано: «В смерти моей, разумеется, прошу никого не винить. И прошу оставить в покое моего мужа». Последняя фраза была подчеркнута твердой рукой.

— «Разумеется...» — сказал Севка. — А что говорит экспертиза?

— Она установила полную идентичность почерка.

— Жаль, — сказал Севка.

С. К. улыбнулся.

— А тебе уже виделось кошмарное убийство с подложной запиской?

— Все равно этому мужу простить нельзя. Что же это такое? У него под боком человек с собой кончает — и это ничего? А что он за человек?

— Парень как парень. Переживает. Ходит страшный, небритый. С дневником не хотел расставаться. — С. К. помолчал и добавил: — Одно мне непонятно — как это при таком иступленном горе да при таком благоговейном отношении к дневнику он напи-

сал для нас пометки не на полях, а прямо в тексте, и не карандашом, а чернилами.

— Можно мне взглянуть на фотографии? — спросил Севка.

С. К. вынул их из письменного стола.

Фотограф сперва снимал как положено, издали, — комнату, раскрытую постель и на ней мертвую женщину, лежащую очень прямо, с тонкими руками поверх одеяла.

На второй фотографии уже почти можно было рассмотреть лицо, показавшееся знакомым.

А третий снимок фотограф сделал, как видно, сверху — получился большой портрет, и подушка была ему рамой.

— Господи боже мой! — сказал Севка.

— Ты ее знаешь?

— В том-то и дело, что знаю!

Перед Севкой было лицо той самой Катя, которую он встречал в доме Сушилиных. Катино лицо с закрытыми глазами.

— Что ты можешь о ней сказать?

— Да мужа у нее никогда не было, вот что. Никогда!

Общежитие, где жил Петька, было обыкновенной квартирой в новом доме, в каждой комнате жили по трое; в каждой — шкаф, стол и три кровати.

В одной комнате с Петькой жил его дружок Генка Свешников, тот самый, что сманил его работать в Москву. Был в комнате еще и третий — Савельев, уже пожилой человек небольшого роста, он работал механиком в том же троллейбусном парке, что и Петька. У него было темное лицо в черных точках, словно обожженное пороховым взрывом. Соседство с такими шалопаями, как Генка с Петькой, удовольствия ему не доставляло. Особенно мешал ему яркий свет под потолком, который ребята зажигали, поздно возвращаясь домой (другого света в комнате не было). Он яростно закутывался с головой и долго потом ругался шепотом под казенным одеялом.

Когда Петька пришел, Савельев, конечно, давно уже спал, накрыв голову одеялом, но в комнате горел яркий свет — Генка сидел у стола и ужинал, разложив на газете куски жареной рыбы.

— Ну, силен! — с восхищением сказал он. — Видел я ее, как вы в троллейбус садились. Что лицо, что фигура — все при ней!

А Петьке не хотелось разговаривать, он полон был Ингой и надеялся, что когда все уснут, она к нему вернется.

— Э, слушай, — продолжал Генка, жуя, тороясь и выплевывая кости на клеенку, — а квартира у нее есть?

Петька не ответил. Ему неинтересно было думать про квартиру, жилье он себе найдет всегда. Он ждал, что Инга придет, но она все не шла. Ей, наверно, мешали яркий свет и Генка.

Петька был один со своими мыслями — невеселыми, ксати сказать. До сих пор в отношениях с женщинами он довольно точно знал себе цену. Парень молодой, сильный, интересный — всюду, где бы он ни появлялся, оказывалась девушка или женщина, которая рада была с ним встречаться. А ведь и Инга была рада — он это почувствовал тогда еще, в МАЗе. А уж как она ему понравилась! Глаза зеленые, ресницы медленные, волосы рыжие, спадают сзади на шею роскошным хвостом. И все у них вроде бы пло как по маслу. Не успевал он у нее спросить, когда увидятся, как она тут же отвечала: «Завтра» — и никогда: «Послезавтра». И все же настоящей уверенности у него не было. В течение дня он только и

думал, как встретится с нею, а встретившись, бывало, робел, боялся сказать что-нибудь не то и не так. Ни за что на свете он не отказался бы от радости видеть ее, и все же...

Генка наконец разделся и лег. И заснул сразу же. А Петька даже и не старался уснуть. Он лежал на спине и смотрел в темноту.

Обычно у него как с девушками бывало? Стоит ему протянуть руки и сказать: «Иди ко мне» — и отказу ему не было. А тут, смешно сказать, они до сих пор еще были на «вы».

Он все ждал ее и ждал, лежа в темноте, но она не пришла. Она осталась в своем неведомом ему доме со своими знаменитыми родственниками, о которых он и думать-то боялся.

Неинтеллигентный голос звонил в квартиру Сушилиных не раз, и если к телефону подходила Зинаида Константиновна, она, передавая трубку, говорила холодно: «Инга, тебя».

Дни пошли странные. Каждый день, просыпаясь утром, Инга смотрела, как появляются на стене тени от занавесок, то четкие, словно дворцовые решетки, то расплываясь в матовые туманные узоры, тающие в ничто, в пустую стену, чтобы вновь вспыхнуть желто и радостно. Дни были солнечные, с ветерком и облаками, и каждый был обещанием.

По утрам она смотрела в зеркало — старинное, антикварное, где серебряные листья лежали по краям прямо на стекле. Теперь ей особенно хотелось быть красивой. Теперь шла особая жизнь.

Она была так счастлива, что даже молчать было трудно. Не то чтобы уж непременно нужно было всем разболтать о своей любви, но хотя бы немножко поговорить...

Но поговорить было не с кем. Отец занят предъезными делами. Ляля позвонила и сказала, что надолго «сидится в процесс». Никита занят Нелли и физикой. Севка исчез. Его и Катю она больше всего хотела бы видеть, но и Катя куда-то подевалась, что было совсем уже странно, — отец вот-вот должен был уехать. Даже мать заметила, что Катя не приходит.

— То каждый божий день, а то...

Как-то днем прибежал Севка.

— Ты уже знаешь? — спросил он, и у Инги оборвалось сердце. — Катя...

— Что... Катя?

— Катя покончила с собой.

Инга не поверила, и он это понял.

— Я ее видел, — сказал он.

— Ты видел ее... мертвую?

— Да.

Он вдруг наклонился, поцеловал ее в висок и ушел.

Когда она медленно возвращалась в комнату, звонил телефон.

— Инга, — сказала мать ровным голосом, — тебя.

— Я слушаю, — сказала она хрипло.

Трубка молчала. Инга повторила:

— Я слушаю.

— Что с тобой? — спросил родной голос.

Мать неподалеку вытирала замшей полированное дерево. А, все равно!

— Я... не могу, — сказала Инга. — Я должна тебя видеть.

Парк был просторен и тих. Площадки вокруг клумб посыпаны кирпичным песком, на нем разва-

лились полосатые безногие скамейки, загнутые, как бараньи рога. Только что прошел дождь, и потому зелень была особенно зеленой, песок особенно красным, а синие, алые и желтые рейки скамеек сверкали гляncем.

Свернув на условленную аллею, она издали увидела Петьку. Он слонялся и, задрвав голову, смотрел на деревья, но вдруг почувствовал, что она уже здесь, повернулся и быстро пошел к ней навстречу. Сама того не замечая, она прибавила шаг. Еще не разглядев его лица, она догадалась о его выражении и разглядев, все-таки поразились тому, какая на нем тревога. Уже не помня себя, она бежала навстречу и кинулась ему на грудь, обхватив руками его шею, а он крепко прижал ее к себе.

— Катя! — говорила она. — Катя! Катя покончила с собой.

Он долго молчал, только обнимал крепче, давая ей успокоиться. А потом сказал:

— Пойдем.

— Куда?

— В прокуратуру. Ты же говорила — у нее нет никого. Пойдем, родная, ведь нам с тобой ее хоронить.

Но когда они пришли в прокуратуру и разыскали Севку Прохорова, оказалось, что Катю уже похоронили — это сделал муж.

Муж? Какой муж?

Законный. Расписанный в загсе и прописанный в паспортном столе милиции.

— Хочешь посидеть на допросе этого самого мужа? — спросил С. К.

Севка поднял брови. Еще бы! Но вот только как Дронов?.. Так вот теперь и шло: по долгу службы он был при Дронове, выполнял все задания этого моторного человека, но лишь выпадала минута, он бежал в кабинет С. К. — нет ли чего нового?

Катин муж оказался молодым, насколько можно было судить по его лицу, заросшему щетиной.

С. К. кончил писать.

— Продолжим, Владимир Николаевич, — сказал он. — Так когда состоялось ваше знакомство с Екатериной Павловной?

— Когда? — повторил муж и поискал кругом глазами. — Вы знаете, мне легче бывает вспомнить строки и даже целые строфы Баратынского, чем какую-нибудь дату.

— И все-таки, — сказал С. К., твердо глядя ему в глаза, — ведь не можете вы не помнить, где и когда в первый раз увидели вашу жену?

— Это было в кафе у Художественного театра. Я зашел перекусить и спешил. О, я это помню так, словно это было вчера...

— А на с-с-самом деле когда это было?

— Пойдите, пойдите. Я шел к пустому столику, но меня почему-то властно тянуло к другому, где были глаза... Словом, сел я за этот столик, мы заговорили и с той минуты забыли все на свете — на несколько лет.

— И все-таки я вынужден повторить вопрос — когда?

— Это было... это было четыре года назад.

— Дня вы не помните?

— Нет.

— Неужели потом... Многие всю жизнь празднуют этот день!

— Нет, мы не праздновали. Она вообще была у меня не сентиментальна. Вы знаете, у нее был характер...

— Мне бы хотелось знать, в каком месяце это было.

— Месяце? Месяца я не помню. Помню, что тогда продавали нарциссы. Разве все это так важно? В этом деле такая убийственная ясность!

— К сожалению, вы ошибаетесь, тут ясности нет. Владимир Николаевич с удивлением взглянул на него:

— Но ведь записка... И этот дневник...

— И все же нам необходимо понять, что привело к трагедии.

— Как вы знаете,— печально начал Катин муж,— я жил в Казахстане, работал в геологической партии. А встретил Катю, когда приехал в Москву. Если хотите, завтра я назову вам точную дату своего приезда и нашего знакомства.

— Ну, вот это уже дело! — с облегчением сказал С. К. — А теперь скажите: вы знали о ее дневнике?

— Еще бы! Ведь это был разговор со мной, который она вела, когда меня не было. «Сударь» — так она меня называла. Сударь и на «вы». У нас все было странно: она очень любила меня и все время прогоняла, она ненавидела привыкание и боялась его. Она жила по своим законам.

«Это правда,— думал Севка,— она жила по своим законам».

— Так вот, относительно дневника,— сказал С. К.,— мы его тут очень внимательно читали, но, если говорить правду, то не все поняли. Ваша жена была человеком высокообразованным, и у нас, чтобы понять ее, образования, правду сказать, не хватало. Давайте вместе с вами прочтем некоторые места.

С. К. раскрыл дневник в том месте, где была закладка.

— Вот, например,— продолжал он,— она пишет: «Мир иногда кажется мне хрупким, неустойчивым, именно материальный мир. Я чувствую иногда, как разрыхляется, как крошится материя. Путеводная звезда Кьеркегора? Нет, это мне не подходит. Я никогда не пойму его жертвоприношения». Что все это значит? Объясните нам, ради бога.

— Позвольте мне самому прочесть это место.

Владимир Николаевич долго и сосредоточенно читал, а С. К., подперев голову ладонью, смотрел на него в это время.

— Все это не так-то просто,— сказал наконец Катин муж.— Дело в том, что Катя подчас писала очень темно и невнятно. По-видимому, сказывались припадки болезни, которая привела...

— А кто такой Кьеркегор?

— Это современный немецкий философ, довольно сложный, идеалист по своему направлению. Мы с Катей вместе его читали, но, по правде сказать, на меня он не произвел большого впечатления. Катя им увлеклась одно время, а потом и сама его позабыла. Видите, она пишет, что с ним не согласна, я помню, мы с ней об этом разговаривали.

— Ну что же, Владимир Николаевич,— сказал С. К., откидываясь на спинку стула с явным желанием отдохнуть,— спасибо. Но все-таки я вас прошу сейчас никуда не уезжать. Мало ли какие вопросы могут еще возникнуть!

— Да куда же мне ехать! — устало сказал Владимир Николаевич.

Вечером они были в Катиной квартире.

Катя недавно получила новое жилье, но Севка почему-то представлял его себе какой-то берлогой. Ведь Катя и за собой мало следила, ходила в каких-то детских туфлях, да и вообще была порядочный барсук. А квартира ее оказалась хороша. Нет, в ней не было великолепных и диковинных вещей, как у Сушилиных. Стены были голы, мебели почти никакой. Зато вдоль стен тянулись сверкающего дерева

книжные полки, где за стеклом стояли плотные ряды книг, сразу видно — редких. И еще стоял тут на высоких ножках великолепный приемник.

— Ого,— сказал С. К.,— сколько книг!

— Да, это мы с ней вместе четыре года собирали.

— Сколько книг! — с завистью сказал и Севка.— Как же вы находите, если вам какая нужна?

— Это несложно. Они стоят в определенном порядке.

— Ну, предположим... — сказал С. К.,— предположим, мне нужна книга по немецкой философии.

— Пожалуйста, она стоит у нас на самом верху.

— А ну, п-п-проверим! Севка, слазай-ка. Где, вы говорите?

Владимир Николаевич молчал.

— А вот и нет,— в тон С. К. сказал Севка,— тут сочинения Гончарова и Мельникова-Печерского.

Владимир Николаевич все молчал.

— Если вы смеетесь надо мной,— сказал он,— то вы нашли не очень подходящий момент. И место.

ГЛАВА III

Самоубийство Кати произвело страшное впечатление на семью Сушилиных. Только о ней все и говорили (бедная, бедная Катя!). По молчаливому уговору ее кресло в углу никто не занимал.

И все-таки жизнь шла своим чередом. Котышка бегал в музыкальную школу, отец готовился к отъезду, мать везла непосильный домашний воз. А у Инги был Петька.

Оказалось, что Петька — это целое открытие. Впервые, он умел слушать. Инга была избалована вниманием, но все-таки ее никто никогда так не слушал — замечательно, всей душой. Рассказывать ему о своих заботах была одна радость.

А теперь ее заботой стал брат. Давно прошли те времена, когда он по утрам усаживался к ней на постель и длинно — боже мой, как длинно! — рассказывал ей о своих делах. Тогда она была — авторитет! А теперь...

— Парень есть парень,— сказал Петька.

— Да нет, в последнее время он... какой-то не тот...

— Значит, нужен мужской разговор. Погоди, вот мы с ним познакомимся...

И у нее становилось спокойнее на душе. Он не только умел слушать, он замечательно понимал. Он удивительно понимал и на редкость умел сказать именно то, что тебе сейчас нужно.

— Ну и завел ты меня!

Они босиком прыгали с кочки на кочку среди вздыхающей черной грязи, усыпанной ситцевыми незабудками. Инга все-таки оступилась и еле вытянула ногу из чавкающего месива — потревоженное и возмущенное брото долго еще выпускало из глубины своей зловонные пузыри. Нога была по колено в плотном грязевом чулке, Петька долго отмывал ее в луговой речушке среди осоки, острой, как ножи. Отмыл, насухо вытер носовым платком, поцеловал и пустил гулять.

Потом они поднимались на пригорок, шли и шли, и шагомер на Петькиной куртке — а он купил шагомер, такую штуковину, похожую на часы луковичей, которая тикала всю дорогу, — отмеривал их шаги. Они вышли в высокое разнотравье. Петька был тут как у себя дома, он даже расклаивался со знакомыми направо и налево.

— Э, здравствуй! — говорил он радостно. — Здорово! Вот вымахал!

— Что это?

— Да донник же. Разотри в пальцах — слышишь?

У донника был сладостный запах, ни одни духи с ним сравниться не могли.

А он шел и знакомил ее.

— Это? Мышиный горошек — видишь, какой сный! Это? Чина луговая.

— Откуда ты все это знаешь?

— От матери, конечно. Только она называла не по-книжному, а по-местному. Вот смотри, этот грубиян, — это пижма. А мать называла ее птичьей рябинка, — разве плохо? Птичья рябинка.

Ах нет, птичья рябинка — это было прекрасно!

— А это что такое — розовое, дымчатое?

— А это — котики. Так-то, по правде говоря, это просто клевер пашенный, но мама называет их — котики.

— Но ведь они и есть чистые котята!

Это удивительно, как вдруг стал оживать для нее луг, как он теперь смотрел на нее десятками новых знакомых!

А потом они нашли поляну под березами и сели обедать. Обед у них был роскошный — Инга принесла охотничьи сосиски, которые покупались в каком-то фирменном магазине. Ох, до чего же они были вкусны, когда их разгрызешь!

Потом снова пошли и вошли в лес — сосновый, еловый, с огромными рыжими муравейниками и можжевельными кустами.

— Из можжевельника здорово лук делать, — сказал Петька, — крепкий, отлично гнется.

— «Я увидел во сне можжевельный куст, — сказала Инга. — Я услышал во сне металлический хруст. Аметистовых ягод услышал я звон, и во сне в тишине мне понравился он».

— Звон ягод? — сказал он с сомнением.

— Но это же гениально! Разве ты не слышишь?

Петька вдыхал терпкий, с детства любимый запах можжевельника и думал, что в этих ягодах, согретых теплым воздухом леса, нет ничего аметистового.

— Пожалуй, — сказал он малодушно.

Недвижный стоял лес, косматый, нечесаный в своих лапах и сучьях. Инга остановилась, с наслаждением вдыхая его запах.

— А как здорово сказано у Алексея Толстого: «И смолой и земляникой пахнет темный бор».

— Я его читал, — поспешно сказал Петька. — «Хождение по мукам». Очень замечательная вещь.

— «Очень замечательная!» Это не тот Толстой. Тот Николаевич, а этот — Константинович.

«А, будь оно неладно! Только, слава богу, выучись, чем Лев отличается от Алексея, так тут — здравствуйте, уже Алексеев два».

Он вдруг почувствовал, что ему хочется тишины. В нем даже поднималось глухое раздражение, одновременно огорчившее его и обрадовавшее, — оно их разделяло, но вместе с тем как будто обещало независимость. Не все же ему дрожать и запинаться!

Он свернул влево и пошел, нагибаясь под ветками. Лес обступил его, и все муравейники, все ели и сосны — все было личной его собственностью. И были тишина и птичий разговор. Пошел молодой лесок с таким густым подлеском, что пришлось продирааться. Это был веселый рябой лесок, все больше березки и гофрированный орешник. Упругие ветки качались и дрожали.

Что такое?

Он остановился, вглядываясь.

На высоком тонком шне сломанного дерева сидела сова, маленькая и такая же рябая, как лес, слов-

но в ее оперении сгустилась лесная пестрота. Ее клюв был загнут прямо в ее круглое мохнатое лицо, глаза широко и неподвижно открыты. Петька не сразу догадался, что она спит. Дрыкнет с открытыми глазами.

Он стоял, боясь дышать.

И вдруг — надо же! — Инга закричала во все горло:

— Петька, Петька, иди сюда!

Сова огромно моргнула, снялась с места и полетела. «Господи, нспать не дадут!» — говорил ее вид. И тут Петька вспомнил песенку своего детства:

Сова осердилася,

Пошла, не простилася.

«Оглянись, моя совушка...»

Он вернулся к Инге очень веселый.

— Послушай, — сказал он, — вот старая песенка:

Сова осердилася,

Пошла, не простилася.

«Оглянись, моя совушка,

Воротись, Савельевна!»

— А сова отвечает:

«Не того я отчества,

Чтоб назад ворочаться».

— Что это за кучи, и как много? — спросила Инга.

— А это господин крот, — объяснил Петька. — Он, понимаешь, роет, так нужно же ему куда-нибудь землю выбрасывать.

— А-а-а, старый крот! — вдруг страшно закричала она. — Все роешь там и роешь!

— Откуда это? — покорно спросил он.

— Гамлет, — ответила она. — Это же замечательно: он говорит это призраку любимого отца.

«Гамлет так Гамлет», — подумал он и вдруг остановился.

— А собственно, при чем тут Гамлет?

Они стояли и смотрели друг на друга, а потом пошли дальше, ни слова не говоря. И деревья обходили с разных сторон. Такого никогда еще не было. «Что это с нами? — думал он. — Непонятное что-то».

— А как они там, эти стихи? — спросил он.

— Какие? — сухо отозвалась она.

— Про аметисты.

— Я увидел во сне...

— Так ведь это во сне было, — сказал он и протянул к ней руки, а она тотчас вошла в их круг, прижалась губами к его шее (выше не доставала), — ведь это только во сне они звенят.

Теперь уже все в доме заметили, что у нее роман. Отец поглядывал на нее внимательно и улыбался глазами. «Как тебе?» — говорил его взгляд. Котька позволял себе остроумные намеки. Мать становилась все мрачнее.

Он наконец проник в их дом (знала бы мама!), когда все были на концерте какой-то приезжей знаменитости.

Вот они лежат в темноте, и она думает, что это лучшие часы в ее жизни. Неужели ему скоро надо встать и уйти? Она ткнулась лицом ему в бок, а он лежал, заложив за голову сцепленные руки. Тихо играла музыка, Инга в темноте на ощупь поставила отцовскую пластинку.

— Вот, послушай, — сказал Петька, — он это место играет так, да? А потом повторяет потише, это как отражение в воде.

Она ничего не сказала, только прижалась теснее и совсем уже вдавилась носом ему в бок. Он сам не представлял, как это ему пришло в голову про отра-

женне в воде, был бы он один, ни за что бы так не подумал. А сказал он это потому, что знал — ей понравится. Ради нее он готов был не только ее, но и эту ее музыку изо всех сил слушать.

Когда он ушел, Инга прошла по квартире, стараясь на все смотреть Петькиными глазами. Роскошные кресла, обитые белой кожей в цветочках. А ковер черный как уголь. Пылают торшер. Полки с книгами, которых Петька, надо думать, никогда не читал. Полки с нотами — он наверняка не знает, что ноты можно читать как книгу, глазами, без инструмента.

На стене картина — французская копия Шагала. Интересно, почему на его картинах люди так часто летают по воздуху. Петька рано или поздно спросит ее об этом, а что она ему ответит? Впрочем, вряд ли Шагал ему понравится.

И все это совершенно неважно — только бы он опять пришел и больше никогда и никуда не уходил.

Обычно люди чувствовали себя в семье Сушилиных довольно просто. Но только не в те дни, когда Зинаида Константиновна давала званый обед. Тогда все преображалось. Раздвигали огромный обеденный стол, вынимали старинный голубой сервиз. Заранее заготавлились крахмальные салфетки, фигурные пробки для бутылок, цветы, которым надлежало стоять в бокалах.

Напрасно Инга умоляла встретит Петьку по-домашнему. Мать была непреклонна. У нее был культ приемов, к тому же, как подозревала Инга, она намеревалась с самого начала поставить злодея на место. Вся надежда была на отца.

А гости! Мать позвала не только друзей — Никиту, Лялю, но и знакомых, совсем не столь уж близких, например, Виталия Петровича Коробова, знаменитого музыкального администратора, — зачем он сегодня, один бог знает. Инге очень хотелось позвать Севку, но мать не согласилась, а Инга не стала ее раздражать.

Ладно. Мы тоже подготовимся. Еле живые от усталости, они с Петькой ходили по магазинам, пока не нашли благородный чешский костюм с узкими брюками. Рубашка, галстук, даже носки — все было предусмотрено. Генка только присвистнул, когда Петька оделся во все это великолепие.

— Все-таки одежда человека много значит, — сказал он со вздохом.

Когда Петька пришел к Сушилиным, ему открыла Инга. Она оглядела его взглядом пристальным и цепким, без улыбки. А он стоял и прилежно смотрел на нее ясными глазами.

— Отлично, — с облегчением сказала она. — Об одном тебя прошу: не рассказывай маме, как таксистки хватают вас за все места.

Он мрачно усмехнулся.

Оба сильно трусили.

Квартира гремела. Рояль, казалось, раскачивался под могучими руками пианиста, а за другой стеной скрипела скрипка.

— У вас всегда так? — прокричал Петька.

— Музыкальный дом, — прокричала в ответ Инга. — Не обращай внимания, не то с ума сойдешь.

Наконец музыка оборвалась (только скрипка еще скрипела), и Кирилл Викторович вошел в комнату. Мужчины стояли друг против друга, а Инга по обыкновению старалась смотреть на них со стороны. Отец? Ну, тут приветливость, и все в порядке. Петька? И Петька в полном порядке, видно, что ладно скроен и крепко шит. Только вот глаза немного растерянные.

Сушилини сделал шаг навстречу и протянул руку.

— Так это вы, — сказал он, — каждый вечер куда-то вводите мою дочь?

— Я, — ответил Петька, всю улыбаясь и радостно тряса протянутую руку.

Ах ты, мой дурак! Здравствуйте — и того не сказал. Но зато ничего лучшего, как улыбнуться своей великолепной улыбкой, он и придумать не мог!

— Очень рад! — сказал Кирилл Викторович.

Вот молодец — получилось, что он рад и знакомству и тому, что именно он, Петька, каждый вечер куда-то уводит его дочь.

Как раз в это время мать вернулась из парикмахерской. Инга поспешно вышла ей навстречу.

— А у нас Петя, — сказала она бодрым голосом.

— Уже? — спросила Зинаида Константиновна. — Так рано?

Инга ушла к себе. По Петькиному лицу она старалась понять, слышал он или нет, да кто его знает — по такой физиономии не поймешь!

— Сейчас придет Котька, — сказала она. — непременно скажи, что тебе хотелось бы взглянуть на прапрабабушку.

Вошел Котька, и они с Петькой стояли друг перед другом и все кланялись.

— Да перестаньте вы наконец кланяться! — не выдержала Инга. — Это мой брат. Котька, это Петька.

Петька послушно спросил брата про прапрабабушку, и Котька пообещал после обеда ее показать. Тут пришел Никита, который был с Петькой знаком.

— Сейчас будем представляться маме, — шепотом сказала ему Инга.

— Да, учитывая амфибийный характер твоей ма-тушки...

— Ну, — весело сказал Сушилини, — все готово. Хозяйка просит к столу.

— Не рада бы курочка к столу, — неожиданно для себя сказал Петька, — да за крылышко тащат.

— Как? — захохотал Никита. — Как вы сказали?

— Да вот, не рада бы курочка к столу, — повторил Петька, посмеиваясь, — так за крылышко, бедняжку, тащат.

— Красота! — сказал Никита.

— Особенно учитывая ситуацию, — вставила Инга.

Тут уж засмеялся Кирилл Викторович, и все очень весело направились в столовую. Отец оглянулся на Ингу. «Да он у тебя молодец!» — сказал его взгляд.

Но в столовой ждала их Зинаида Константиновна. Она стояла, властно выгнувшись, как Ермолова на знаменитом портрете, и вокруг нее трещал мороз.

— Мама, — враз оробев, сказала Инга, — разреши тебе представит...

Они поздоровались молча. Собственно, Петька был приведен в дом просто как знакомый.

В столовой уже сидели Ляля, Нелли и Коробов.

Стол был фантастический, таких Петька никогда не видал. Разноцветные салаты, глянec черной икры, фонарный свет красной, сверкающей фарфор сервиза, бокалы на длинных стеблях — и над всем этим возвышались бутылки с фантастическими пробками. Против Петьки как раз стояла бутылка с веселой немецкой пивной рожей.

— Знатная закуска, — сказал Никита.

Все расселись, и Котька внес пирог.

— Пирог, пирог, — весело сказал Сушилини.

— Без пирога именинника под стол сажают, — бодро сказал Петька, окрыленный недавним успехом.

На этот раз, однако, никто не улыбнулся. Ляля бросила острый как лезвие взгляд, но не на Петьку, а на Коробова. Тот что-то прилежно резал ножичком в своей тарелке. «Ах, перебор, — подумала Инга, — не нужно ему было этого говорить».

Петька не понял, почему у него не получилось.

Прошлый раз, когда он сказал про курочку, всем понравилось, и ему было приятно одобрение этих новых его друзей — он принял их за друзей. А теперь вдруг оказалось, что друзей тут у него нет. Румяный пьяница на пробке ухмылялся весьма друмысленно.

— Дорогие гости, — ровным голосом сказала Зинаида Константиновна, — прошу без приглашений. Стол понемножку стал разрушаться.

— Виталий Петрович, вы только что вернулись, — начала хозяйка, — расскажите. Вы, кажется, были в Англии?

— Не стану врать, — весело поднимая жуящее, жмурающееся лицо, ответил Коробов, — английской королевы я не видал. Чего не видал, того не видал. Зато принцессу Маргарет удостоился.

А Инга сидела и думала: «Боже мой! Какая я счастливая!»

И тут мать вдруг обратилась к Петьке.

— Рыбки, пожалуйста.

«Ого, — подумала Инга, — начало переговоров о перемирии».

— Я этого не кушаю, — ответил Петька с достоинством.

То был голос целых поколений его недоедавших предков, которые очень гордились в тех редких случаях, когда им не хотелось есть.

Ляля взглянула на Коробова. Тот еле заметным движением поднял руки, как бы собираясь схватиться за голову. «Не кушаю!»

Петька, казалось, ничего не замечал.

Тут Котья принес блюдо с жарким, купавшимся в подливе из кавказских трав. И случилось так, что Ляля, непрестанно болтая и крутя головой, уронила кусок на скатерть, нетронутую, как снежное поле. И вот на скатерти расплодилось черно-зеленое пятно, толстое и мохнатое.

Все старались не смотреть, как соус побегает, звездообразно впитывается в ткань и, захватывая все новые и новые белоснежные просторы, ползет дальше — так в кино показывают фашистскую агрессию. Инга со страхом заметила, что Петька заинтересовался этой картиной.

— Вороне где-то бог послал... — сказал он Ляле вкрадчиво.

Воцарилось молчание. Инге показалось, что все перестало есть, пить и даже двигаться. А Петька — неужели он не чувствует, как это глупо?

— А вот та же английская королева, — сказал Кирилл Викторович, — так она в начале званого ужина сама опрокидывает соусник, чтобы гости чувствовали себя у нее непринужденно.

Но и ссылка на королеву не помогла. Инга взглянула на Петьку и увидела, что он прекрасно все понимает и несчастен. «Ну нет, своих мы не выдаем!»

— Друзья, — свободно сказала она, берясь за рюмку. — Все ли из вас на сегодняшний день понимают, на чем присутствуют? Мы с Елисеевым Петром Федоровичем, он перед вами, решили, так сказать, связать свою судьбу. Это помолвка.

Едва кончив свою речь, она увидела, как побледнело лицо матери — так побледнело, что стало костистым. Кирилл Викторович с тревогой взглянул на жену. А Ляля бурно веселилась.

— Ура! — кричала она Никите. — Ура! — кричала она, обратившись к Коробову. — Наполним бокалы, содвинем их разом!

— Да здравствует солнце, да здравствует разум! — назидательно и со значением ответил Коробов.

Они явно не принимали всерьез того, что сказала Инга.

— Горько! — во всю глотку заорала Ляля.

Петька поднял бокал и начал было улыбаться. Он поверил, что их с Ингой всерьез собираются поздравлять!

Поверил, но всего на одно мгновение! В следующее он уже все понял и побледнел. «Что они делают?! — подумала Инга. — Они с ума сошли! Ну, погодите!» Но ничего сказать или сделать она не успела, потому что Петька вдруг вскочил, сорвал с бутылки голову немецкого весельчака, швырнул ее на стол в середину посуды (что-то брызнуло в стороны), прошипел нечто ужасное и вихрем вылетел из комнаты.

Все молчали. Инга взглянула на мать и была поражена выражением покоя и удовлетворения на ее лице. «Ну, слава богу, — говорило это лицо, — все определилось, все стало на свои места. Я вас предупредила, и довольно об этом».

Отец был расстроен. Замкнуто и печально было его лицо.

— И-да... — сказал Коробов.

Все это она наблюдала долю секунды, прежде чем ринуться следом за Петькой. Он уже бешено прогмывал лестничным пролетом первого этажа. Бахнула входная дверь — и все.

К гостям она не вернулась, а села на скамейку в палисадничке. Было темно, ее никто тут не мог видеть.

В подъезде показалась высокая фигура отца. Он безошибочно направился к ее скамейке. Подошел, сел рядом. Они долго молчали, а потом он сказал:

— Как это возможно нам так не понимать друг друга? Ведь это безумие!

Оттого, что он сказал «нам», включив в это «мы» также и Петьку, ей сразу стало легче — показалось, что еще не все пропало и мир можно восстановить.

— Пойдем погуляем? — сказал он.

— А что скажет товарищ Коробов?

— Так он же королевы Елизаветы все равно не видал, — пожав плечами, ответил Кирилл Викторович.

— Но зато ведь принцессу Маргарет видеть удостоился, — ответила она, подняв к нему повеселевшее лицо.

— А ты чего ждал? — говорил Генка. — Что они примут тебя с распростертыми? Я давно тебе хотел сказать — не пара она тебе.

Петька сидел на койке, упершись локтями в колени, глаза его смотрели в одну точку, губы шевелились — он беззвучно матерился. Неужели он всерьез думал войти в этот дом?

Савельев повернулся на другой бок, как всегда показывая, что ему мешает свет.

— Была бы у тебя хотя бы «Волга!» — поддал Генка.

Петька опустил голову и снова выругался.

— Аметистовые ягоды, видишь ли, у них звенят.

— Ты чего? — испуганно спросил Генка.

— Ничего! Душил бы я их.

Из-под одеяла глянул злой глаз.

— Вы спать нынче собираетесь, нет? — спросил Савельев. — Мне завтра, между прочим, в пять.

— Не тебе одному, — огрызнулся Генка. — Всем в пять.

Но все же они замолкли и погасили свет. Петька долго лежал в темноте, бессонный и несчастный.

Дело было не в родственниках и знакомых — при чем тут знакомые? Она — она! — холодно смотрела на него, как чужая.

Продолжение следует

европа 4/75

ПРОЗА

Евгений Лебков	14	Сахалинские рассказы
Ольга Чайковская	20	Оглянись, моя совушка. Повесть. Продолжение
Анатолий Ткаченко	33	Диари. Рассказ
Евг. Мин	51	Открытие. Рассказ

ПОЭЗИЯ

Леонид Лапцуй	11	Ночевка. Железные птицы. Стихи в переводе Галины Гампер
Владимир Торопыгин	12	«А ты мне все снишься... Как будто...» «Все мы приходим, чтоб видеть рассвет...» В Пушкинских Горах. Поэт. Баллада о садовом. Базар в Сибири. «Остаются за туманом...» «Чтобы все — как в молодости, чтобы...»
Всеволод Рождественский	58	«В снегу веранда. На промерзший стол...» «В этот час, сырой и мрачный...» «Бывает такое слово!..»

ПУБЛИЦИСТИКА

Исаак Ротин	2	Служебный бланк со стихами о любви
Николай Урванцев	40	В стране белых медведей
Алексей Самойлов	46	Горсть земли на могилу сына
Зоя Афанасьева	73	«Петровский альбом»

КРИТИКА

Владимир Дитц	56	Страницы жизни поэта
Владимир Акимов	59	Мир в капле рассказа...
Эрист Генри	63	Мастерство публициста
Станислав Золотцев	67	Два дня из жизни гарнизона
Владимир Веселов	68	В дозоре...
Ирина Попова	69	Портрет поколения

ИСКУССТВО

Раиса Беньяш	53	Проникновение (Две роли Аллы Демидовой)
Елена Клепикова	70	Пейзаж истории

«СЛОН»

Юмористический журнал в журнале	77	Выпуск пятьдесят девятый
---------------------------------	----	--------------------------

© «Аврора» 1975 г.

На титуле — фотография Р. Борисова

Рукописи не возвращаются. Адрес редакции: 192187 Ленинград, Литейный пр., 9. Телефон 73-33-90. М-26106. Сдано в набор 25/XII 1974 г. Подписано в печать 14/III 1975 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. л. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 130 000. Заказ 996. Цена 30 коп. Типография имени Володарского Лениздата, 191023 Ленинград, наб. р. Фонтанки, 57

Ордена Трудового Красного Знамени
Лениздат

аврора

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ,
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1969 ГОДА

АПРЕЛЬ 1975

4

Началась новая жизнь — без Петьки. Инга сидела дома, телефон держал ее около себя на привязи. Потаенный лакированный враг, он долго молчал. А потом вдруг трезвонил, всегда — врасплох, и она мчалась к нему как сумасшедшая. Но он опять оказывался предателем и подменял дорогой голос чужим. Потом она поняла, что звонка не будет, и стала уходить. Уходя, она говорила: «Если мне позвонят...» Но потом перестала. Он не звонил.

Отец перед отъездом за границу уехал на дачу — там стоял прекрасный «Стейнвей», отцу отлично работалось, особенно по утрам, когда окно открыто в росный сад. Да, но какво-то ей без него!

Ох как было ей худо! Все напоминало ей о Петьке, и не было ей спасения. Трава, кусты, деревья — все говорило о нем. До него она их совсем и не знала. Да и как она вообще была до сих пор невнимательна, как занята собой! Однажды на прогулке он вышел из-за деревьев, у него было такое нежное лицо, и он стал рассказывать что-то про сердитую сову, которая ушла, не простившись.

А она тогда даже и не выслушала. Как же это было, так забавно, про сову? — теперь и не вспомнишь.

На следующий день после проклятого обеда она с великой надеждой пошла на троллейбусную остановку. В первом троллейбусе сидела за рулем толстая женщина в сергах, во втором — какой-то парень. Инга уехала на четвертом, а на следующий день в отчаянии пропустила шесть. Она стояла на остановке, а рука ее в кармане сжимала единственную вещь, доставшуюся ей от Петьки, — его шагомер, который он в последний их поход прицепил к ее куртке. Сколько счастливых шагов по полям и лесам он отмерил — сколько счастливых, беспечных шагов!

А машины все шли и шли. «Может быть, он заболел? — думала она. — Или... Он ушел от них в таком волнении — наверно, не разбирал дороги...»

На повороте троллейбус на миг вспыхивал, отражая солнце всеми своими окнами. Она стояла до вечера, до ночи, когда автобусы и троллейбусы мчались, ярко освещенные, как маленькие театры. А потом она поняла, что Петька ушел с линии, чтобы не проезжать мимо ее дома.

— Папа приехал с дачи? — спросила она у Котьки, вернувшись домой.

— Нет еще.

— Что-то в этот раз он задержался. Отдыхает после концерта.

— Честно говоря, — резко сказал Котька (он вообще стал очень резок), — я бы тоже не прочь пожить где-нибудь вне нашего веселенького дома.

Инга не ответила. Она знала, что в этой новой гнетущей атмосфере их дома виновата она одна. Одна со своей бедой.

— Он сегодня приедет попозднее, — сказала она. — Завтра у него занятия, он должен быть дома.

Но вечером он почему-то не приехал. Инга стелила постель, когда в ее комнату в халате и бигуди вошла мать.

— Ничего не понимаю! — сказала она.

— Ты же знаешь папу, — ответила Инга возможное спокойнее. — Он работал до ночи и не заметил, как прошло время. Не бойся, тетя Даша о нем позаботится.

Тетя Даша была соседкой по даче, она готовила отцу, когда тот приезжал один.

ОГЛЯНИСЬ, МОЯ СОВУШКА

ПОВЕСТЬ

Художник Светозар Остров

Утром Ингу разбудил телефонный звонок — было половина десятого. В трубке хорошо знакомый ей голос деканатского секретаря спрашивал, почему Кирилл Викторович не пришел на занятия, — его ждут. Он не пришел на занятия!

Машина шла быстро. Никита откинулся на спинку и глядел на дорогу. Котька, казалось, тоже был поглощен дорогой.

— Это что еще за гроб? — спросил он.

— «ЗИЛ сто десять», ископаемое, — ответил Никита, не оборачиваясь. Они легко обошли ископаемый «ЗИЛ».

— Сейчас Никита даст все сто десять, — сказал Котька.

— Смотри, смотри! — крикнула Инга.

Навстречу, свесив лапы из окна «Волги», ехал кудлатый пес. Котька долго смотрел ему вслед.

«Неужели отец в самом деле заработался настолько, что обо всем позабыл? — думала Инга. — Никогда с ним этого не было».

Тут она заметила, что в машине примолкли.

— Куда ты дел бабу-ягу? — спросила она, чтобы что-нибудь сказать.

— В самом деле, — очень уж оживленно откликнулся брат, — где же баба-яга?

— Сам не знаю, — ответил Никита, не отрывая глаз от дороги.

— Сто раз тебе говорила, — сварливо сказала Инга, — ниточка перетерлась. Подонок, потерял мою бабу-ягу.

Нет, веселья не получалось.

Ну, конечно, он мог позабыть про время. Вот сейчас машина повернет, откроется озеро, потом лесок, а там уже поселок. Их дача — крайняя от леса, уже с дороги обычно слышны звуки рояля.

Но дом молчал. У него был нежилой вид. Окна закрыты. В саду ни одного шезлонга. Только вот лейка стояла у клумбы — вид ее успокаивал, говоря, что отец был тут совсем недавно. Котька взбежал на крыльцо и дернул дверь. Заперто. Ключ лежал на условленном месте, под крыльцом.

— Наверно, вспомнил про занятия и кинулся в Москву, — сказал Котька, — Вот и лейка стоит,

— Ну, конечно, — сказал Никита.

И тут Инга вспомнила, что эту лейку она сама оставила возле клумбы, когда была тут в последний раз.

— Тетя Даша сейчас нам все объяснит, — сказала она бодро.

Тетя Даша сидела на кухне на низкой скамеечке и так мирно чистила картошку, что все их страхи сами собой исчезли. Только тут они почувствовали, как тяжело было на душе.

— Как ваши ноги? — спросила Инга: с тетей Дашей нужно было разговаривать не спеша.

— Что ноги! — ответила она, явно польщенная тем, что ею интересуются. — Ходят ноги.

— Сейчас погода такая, — вставил Никита. — Давление.

Никиту тетя Даша особенно отличала за то, что развитой.

— А что нам, молодым, давление! — бойко сказала она.

Картофелины — розовые и гладкие — одна за другой выходили из ее рук и ложились рядком в чистую воду.

— А где папа? — спросила Инга. — Уехал в Москву?

— Чего ему уезжать! — так же весело ответила тетя Даша. — Чего ему уезжать, если он не приезжал?

— Как не приезжал? — спросила Инга, еще ничего не понимая, но уже бледнея. Ей мгновенно представились запертые окна и лейка, забытая ею на дорожке две недели тому назад.

— Да не приезжал он, — повторила тетя Даша все так же весело. — Не было его тут, твое папы.

И положила розовую картофелину в чистую воду.

Его нашли в лесу на поляне неподалеку от дачи. Он лежал на спине и незряче глядел в небо. Нашли его местные ребятишки, смертельно испугались того, что увидели, побежали в деревню, и тогда к мертвому была направлена машина с врачом и милицией.

Он лежал, ничего о себе не зная. Ни того, что делал с ним врач, ни того, как ходил кругом фотограф с аппаратом, как осматривали вокруг него землю, как его потом накрыли чем-то, подняли и повнесли к машине.

В семье Сушилиных узнали об этом в тот же вечер.

ГЛАВА VI

Дело было необычайное, взбудоражившее весь город. По указанию прокуратуры была создана бригада, которой надлежало расследовать это преступление. Руководил ею Дронов, в состав ее вошли Шимановский, Прохоров и еще один парень из розыска. Они все четверо собрались в кабинете Дронова.

— Ну, с чего же мы начнем? — сказал Михаил Алексеевич. — Прежде всего — обыск квартиры и дачи. Правда, судя по всему, Сушилины на дачу не пришли — его убили по дороге, но ведь его могли и выманить с дачи. Словом — дача. Соседи по Москве и по даче. Я думаю, распределимся так. Мы с Андреем займемся Москвой, ты, Сергей Константинович, поедешь с Севкой на дачу. Сушилины уехали из дому рано утром двенадцатого, а приезжал вечером — в кармане

у него нашли железнодорожный билет. На пригородных билетах номера поезда нет, но, судя по времени, он уехал либо в семь сорок, либо в восемь двадцать семь. Нужно встретиться с бригадами этих поездов — Сушилины знамениты, да к тому же еще и красив, его вполне могли заметить. Не произошло ли чего на станции?.. Ну да тебе, Сергей Константинович, подсказывать не нужно! Андрей, зайдешь на почту в Москве, узнаешь, нет ли на имя Сушилины писем или телеграмм, наложись арест.

— Как вы знаете, — продолжал Дронов, — Сушилины не был ограблен: часы, деньги — все осталось при нем. Осмотр места ничего не дал — почти. Словом, посмотрим. Итак...

Все поднялись. Шимановского и Севку ждала машина.

Опять та же дорога, те же поля направо, те же леса налево. Сперва шоссе, потом бетонка, потом проселок. Мимо мелькнула поляна — если сейчас свернуть в лес, то дойдешь до того самого места...

Они убили его двумя ударами в спину, потом, как видно, постояли немного (может быть, что-то искали?) — крови в это время натекло порядочно, — а потом перевернули и оставили лежать так, лицом к небу, как его нашли. Тело при этом переместилось, и натекло другое пятно, поменьше.

Лицом к небу. Севка помнил это несчастное, беззащитное лицо. И руки — знаменитые руки — раскинутые на траве.

И никаких следов!

Севке казалось, что он готов отдать полжизни — хоть сейчас! — чтобы найти того, кто это сделал. Кто? Кто? Это не грабеж, но, может быть, хулиганство? Или месть? У этого знаменитого музыканта вполне могли быть свои Сальеры.

Дача стояла глухая, с закрытыми окнами и запертыми дверями.

Они зашли к соседям, чтобы пригласить их в пятницу. Тетя Даша пошла, переваливаясь на своих опухших ногах. Вторым был старый инженер. Они молча прошли садом, отперли дверь.

В кухне все было в том скучном порядке, который бывает там, где не живут. И в столовой все было в порядке. А вот в кабинете Кирилла Викторовича порядка не было. Дверцы его маленького письменного столика были распахнуты, с книжной полки сброшены книги. С. К. долго рассматривал все это с порога.

— Да, — сказал он наконец и захромал к столу. — Что ты на это скажешь?

— Что здесь кто-то побывал.

— И что тут что-то искали.

— И что-то небольшое, что можно было бы засунуть в книгу.

С. К. вернулся к двери и внимательно исследовал дверной замок.

— Открыт ключом, — сказал он. — Ключей у Сушилиных было два — один у них, другой у тети Даши.

— Может быть, убийца из поселка? — сказал Всеволод. — Может быть, он без ведома тети Даши брал у нее ключ?

— А может, все-таки существует третий?

— Постойте, — вспомнил Севка, — ведь Сушилины своего в город не брали, а оставляли под крыльцом.

— Кто об этом знал?

— Да, я думаю, все близкие дому.

Они окончили осмотр поздно ночью, но ничего не нашли. Только одно и нашли: овальную миниатюру в ящичке стола.

— Так вот она! — воскликнул Севка. — Прапрабабка Кармела.

Прапрабабка была хороша. Розовое лицо с голубыми тенями было легким и нежный; искоса глядели темные глаза, на них лежала тень от ресниц. Цвету глаз отвечали смоляные кудри, уложенные, как того требовала мода, локонами, а вокруг них вылась вуаль — единственное украшение красавицы, если не считать токенной золотой цепочки, уложенной по ключичкам.

— Х-х-хороша прапрабабка, — сказал С. К.

Севка положил портрет на место. Он сделал это неохотно — ему казалось, что есть что-то неясное, связанное с ним, что нужно ухватить и что ухватить не удастся.

Была у них еще одна находка: в резных узорах письменного столика, тоже старинного, С. К. нашел обрывок ботиночного шнура, самый кончик его с металлическим наконечником (они этот хвостик оформили по всем правилам). Особой удачей это назвать было нельзя.

Словом, они вернулись в прокуратуру далеко не победителями.

Зато у Дронова с Андреем, как видно, дела шли всюю.

— Есть улов? — спросил Всеволод у Андрея.

— Не жалуемся, — поблескивая глазами, ответил тот.

— Сели, — сказал Дронов. — Ну как у вас?

— Да не г-г-густо, — ответил С. К. — Единственно что мы узнали: на даче кто-то был и что-то искал.

Михаил Алексеевич внимательно выслушал его рассказ.

— Любопытно, — сказал он. — А теперь — что у нас. Мы стали проверять связи Сушилиных и сразу заинтересовались одной фигурой — Елисеев Петр Федорович, жених Инги Сушилиной. По характеру он этой семье совершенно чужой. Не так давно Инга привела его в дом, Елисеев устроил тут дебош, ему, что называется, отказали от дома. Он удалился с проклятиями. Словом, мы с Андреем, — Дронов с улыбкой посмотрел на Андрея, и тот покраснел от удовольствия, — подумали: тут есть за что зацепиться.

«Петька?» — подумал с удивлением Всеволод. Петька ему нравился — обаятельный парень.

По лицу Дронова было видно, что рассказ его еще впереди.

— И вот мы решили взять все связи этого самого жениха, — продолжал он. — И представьте, неплохо получилось. Елисеев дружит с неким Резниковым, и есть у того девушка, которую зовут Светой. Но тут уж пусть Андрей рассказывает. Что называется, заслужил.

Было видно, что Андрей только и ждал этой минуты.

— Я, значит, пошел в парк, — начал он, торопясь, — нашел эту самую Свету, она диспетчером работает, и осторожно, значит, так спрашиваю: вы не посмотрите по вашим путевкам, когда у вас работал двенадцатого Елисеев? Я из ГАИ. А она (симпатичная, между прочим) забеспокоилась — мол, что там у него с ГАИ? — и отвечает: зачем, мол, мне куда-то смотреть, я и так помню, Елисеев двенадцатого работал в утро, точнее — должен был работать, но поменялся с Трофимовым. «А почему же?» — спрашиваю. «Да к нему кто-то пришел». «А кто, — говорю, — не заметили?» Тут она и говорит: «Отчего же мне не заметить!» И что характерно — покраснела вся. Пришедший, говорит, — тут Андрей обвел всех взглядом, только что не испуганным, — был мужчина чересчур интересный, таких красавцев, говорит, я даже и в кино не видала.

Дронов то и дело поглядывал на С. К., проверяя его впечатление.

— А как, спрашиваю, он был одет? — продолжал Андрей. — «В черный блестящий плащ», — говорит. Сушилинский плащ!

— Мы, ясное дело, дожидаться не стали, — подхватил Дронов. — Надо было допросить эту самую Свету до того, как они увидятся с Елисеевым. Мы сегодня же ее допросили, а потом представили на опознание фотографию.

Севка знал эту фотографию — ее обычно печатали на афишах. Сушилилин был снят во фраке и с белым галстуком.

— В минуту опознала, — продолжал Дронов. — Значит, есть уже твердая версия — Елисеев.

С. К. кивнул, и все поднялись.

— Да, — спросил С. К., — вы при обыске у Сушилиных ничего такого не нашли?

— По моему, ничего интересного. Разве что одна записка интересна. Некий Генрих собирался на дачу двенадцатого.

Они с Севкой эту записку тотчас же посмотрели. Найдена она была под подсвечником на столе у Сушилиной. «К. В.! — значилось в ней. — К сожалению, в четверг не смогу — запись на радио. Если разрешите, двенадцатого приеду на дачу, Генрих».

— Что это за Генрих? — спросил С. К.

— Ученик Сушилиной, — объяснил Севка. — Очень талантлив, очень нервичен, самовлюблен до крайности.

— Сушилиная, конечно, обожал?

— Напротив, говорят — ненавидел. Считал, что Сушилилин завидует его таланту и не дает ему хода.

— И вот этот самый Генрих должен был быть на даче двенадцатого, — сказал С. К. — Придется заняться Генрихом. Версия номер два.

Похоронная процессия двигалась медленно по прямому аллею кладбища. Вот уже скоро и могила. Инга шла рядом с матерью за гробом, шла как во сне, но удивительным образом все, что происходило кругом, виделось с поразительной четкостью. Вот идет Ляля — ее руки, затянутые в черные перчатки, держат белые цветы. Справа от Инги — Всеволод. Конечно, это не он сейчас должен был бы идти рядом с ней, но все же Инга была ему рада. Он надежен. Уж очень ненадежно стало все кругом. Все стало омутом, черной водой, темнотою, где с отцом что-то сделали.

Но тут — стоп! — воображение ее останавливалось, словно падало в обморок. А очнувшись, она видела нескончаемую процессию, что провожала к могиле наглухо закрытый гроб.

И вот наконец насыпь свежей земли, а рядом узкая щель. Прощания не будет, гроб закрыт. Его опускают — невозможно поверить, что это отец там, в длинном ящике, который так точно и даже уютно укладывается в щель! Быстро работают лопаты, слышен грозный стук земли о доски.

Уже на месте щели — ровная площадка, уже растет холмик, его заваливают огромными венками.

Вот и все.

И тут вдруг появился Котька. Только сейчас Инга поняла, что брата до сих пор не было видно. Где же он был? И что с ним?

Котька стоял и внимательно смотрел на могилу. — Пусть все идет к черту, — ровным голосом говорил он. — И пусть мы идем к черту. Туда нам и дорога!

Тут Инга заметила, что он весь синий и трясется с ног до головы — так бывало с ним, когда он перекупается.

— Им, — Котья кивал подбородком на могилу, — дело не кончится, об этом позаботится Петр Федорович Елисеев.

«Пьян, — подумала Инга, — пьяным пришел на папины похороны». Та стеклянная четкость, с какой она до сих пор видела происходящее, стала мутнеть и расплываться — подступал обморок. Она беспомощно взглянула на Севку, но тот уже и сам догадался. Он подошел к Котье, сильно взял его за локоть и повел в обход могил подалее от людей.

— Ну как Елисеев? — с тревогой спросил Севка.

— Темнит, — весело ответил Михаил Алексеевич. — Теперь он, слава богу, не отрицает своей встречи с Сушилиным двенадцатого, но утверждает, что днем они расстались.

В дверь постучали.

— Можно? — спросил голос, Севке очень знакомый.

Вошла Инга. Севка не знал, что Дронов вызвал ее сегодня.

Она была очень тихой. Тихо присела на стул, тихо подняла глаза на следователя.

— Вы, конечно, понимаете, — начал Дронов, серьезно и с участием глядя ей в глаза, — что мы вызвали вас в связи с этой трагедией. Расскажите нам все, что вы знаете.

Он подробно записывал то, что она говорила.

— А теперь скажите: когда и где вы познакомились с Елисеевым?

Инга молчала. Она вспоминала ночь, шоссе и руки на баранке. Для посторонних все это выглядело бы странным.

— Какое это имеет значение! — сказала она устало.

— Для нас — огромное, — ответил Дронов.

— Что вы хотите этим сказать? — Она быстро взглянула на Севку.

— Пока ничего, — ответил Дронов. — Итак?

— Мы встретились с ним случайно... на дороге.

— Вы знали что-нибудь о его прошлом?

Инга молчала. Что она знала? Наверно, самое главное в нем.

— Я понимаю, вам тяжело, — так же серьезно и прямо глядя на нее, продолжал Дронов. — Но правде надо смотреть в лицо. Я знаю, этот человек был вам дорог, как сообщили нам ваши друзья.

«Это не я! Не я!» — мысленно взмолился Севка, но она на него уже больше не глядела.

— Вот видите, вы о нем ничего не знаете, — уже мягче продолжал Дронов. — Знаете ли вы о том, что Елисеев грозился убить вашего отца? Что в день смерти отца он с ним встречался?

— Нет! — крикнула Инга и подалась вперед. — Нет!

— Да, — совсем уже мягко ответил Михаил Алексеевич и несколько раз печально кивнул головой. — Да.

Они долго молчали. Казалось, Дронов нарочно длит молчание.

Инга сидела молча, опустив глаза. Потом медленно подняла их на Севку, в них была ненависть: «Ты мне об этом не сказал!»

— Можно мне уйти? — спросила она ровным голосом.

— К сожалению, нет, — ответил Дронов. — Мне еще нужно кое-что у вас спросить. Что говорил на похоронах ваш брат?

— Брат был нездоров, — сказала Инга очень спокойно — так сказала бы Зинаида Константиновна. — Это понятно — у мальчика, который только что пережил...

— И все-таки, что же он говорил?

— Я плохо помню. — Тон ее и вовсе стал ледяной.

— Между тем, свидетели показывают, что он называл Елисеева.

— Пусть свидетели говорят, что им вздумается.

— Вы таких слов не помните?

— Нет.

Дронов дал ей прочесть и подписать протокол.

— А теперь, — сказала она, — мне можно уйти?

— И опять нет, — ответил он, с сожалением улыбаясь. — Нам предстоит еще одно, как у нас говорят, следственное действие...

Он вынул из стола шагомер с поломанной дужкой. Потом пошел к двери, открыл ее и попросил войти двоих понятых.

— Видели ли вы эту вещь? — спросил он, держа шагомер перед собой и поверг него глядя на Ингу.

Теперь на лице ее было изумление.

— Как он к вам попал?! Пойдите... Это Петькин...

Пойдите... Может быть, это другой? Нет, вот парашина на крышке... Он же был у меня...

— Кому принадлежит эта вещь?

— Но он же был у меня!..

— Вы узнаете его по парашине на крышке?

— Да, конечно, это тот самый, но он был у меня дома!

— Давайте разделим вопрос. Сперва зафиксируем, что этот шагомер принадлежит Елисееву и что вы его опознаете, а потом уже вернемся к вопросу о том, где он был.

Дронов заполнял страницы протокола. Инга сидела с напряженным лицом, что-то мучительно вспоминая. Севка маялся, не зная, как ей помочь. Да и как поможет, если она только что собственной рукой затянула петлю у Петьки на шее. Так вот оно что — это, оказывается, его шагомер...

— Ну а теперь, — сказал Дронов, кончив писать, — расскажите нам все, что вам известно об этом шагомере.

Инга была сбита с толку и растеряна.

— Этот шагомер Елисеев забыл у меня, и он все время был у меня, а потом вдруг пропал.

— Вы не можете вспомнить, когда именно?

— Точно я не помню, но...

— До гибели вашего отца или после?

— Я не могу вспомнить, все так смешалось. Кажется, до.

Михаил Алексеевич бесстрастно записывал ее показания.

— Ну вот, теперь уже все, — мягко сказал он, когда формальности были закончены. — Теперь вы можете уйти.

Но Инга не двигалась.

— Скажите, — начала она, — где нашли этот шагомер?

Дронов ответил не сразу — он как бы раздумывал, стоит ли сообщать ей правду. Севка уже просто не дышал.

— Рядом с телом вашего отца, — сказал наконец Дронов.

— Но ведь он был у меня...

— Но вы сами только что сказали, что не можете вспомнить точно, когда именно он у вас пропал.

Она хотела что-то возразить, но лишь опустила голову. Севка ждал, что, узнав, где именно нашли эту вещь, Инга вскопичит, закричит, словом, что-то сделает, а она в глубокой сосредоточенности опустила голову, а потом встала и вышла из дроновского кабинета.

Когда Инга вышла, Дронов повернулся к Севке.

— У меня к тебе... дело, если только можно это назвать делом. Видишь ли, — он ухмыльнулся и почесал висок, — там, на даче, какие-то чудеса пошли. Говорят, кто-то по ночам играет.

— Где?

— На сушилинской даче.

Севка ничего не мог понять.

— Как это... играет?

— На рояле играет.

Дронов с любопытством смотрел на него.

— И представь себе, будто бы именно те самые произведения, которые играл Сушилиин. Интересно? В поселке все, говорят, ходят синие от страха, к даче, ясное дело, на версту подойти бояться. Надо думать, что-то вроде массового психоза. Но все-таки съезди туда, переночуй, посмотри, что к чему.

Они посмотрели друг на друга.

— Только этого нам с тобой и не хватало, — добавил Дронов, и оба рассмеялись.

Закат за лесом был похож на географическую карту: синие заливы туч по желтым материкам неба. Было прохладно и пахло водой. Всеволод шел к даче, по привычке цепко осматривая тропинку, траву, ивовые кусты, а мысли его текли своим чередом. Петька. Он солгал, сказав, что не видал Сушилиина. И вот теперь шагомер — хуже обстоятельств не придумаешь. Но ударить ножом? Два раза ударить ножом, да еще в спину?

Севка шел садом. Даже когда они приезжали сюда с С. К. — даже тогда у него не было так уныло на душе. Он отпер дверь ключом и вошел. Все та же пыль, все тот же недвижный воздух, нагретый солнцем через закрытые окна. В кабинете та же пыль.

И рояль, который чист и протерт до блеска.

Он прошел в кухню. Отметил электроплитки и кое-какую посуду. Вошел в столовую, лег на диван, лежал, заложив руки за голову, смотрел в окно, где синева неба еле выделялась над черным мраком деревьев, и думал о рояле, который был чист.

У Севки была крепкая нервная система и был он как-никак мужчиной, но все же предпочел бы ночевать дома. А когда в саду послышались шаги и в замке заскрежетал ключ, сердце его больно сжалось... Кто это мог быть?

Ключа было два, лихорадочно соображал он, один остался у Инги, другой — у него. Поезда из Москвы давно прошли, никакая машина не подъезжала.

Кто-то прошел террасой и свернул в кабинет.

Севка тихонько сел и сидел некоторое время, заставляя себя встать и пойти посмотреть. Но прежде чем он успел подняться, в кабинете Сушилиина раздались могучие аккорды, ударившие по его напряженным нервам с силой взрыва.

Он посидел, приходя в себя понемногу, дал успокоиться сердцу. Аккорды, в тишине показавшиеся могучими, на самом деле были слабыми — их брали неверные и некрепкие пальцы. Так играть мог смертельно больной... Севка стоял в темноте и старался сообразить. Незвестный за роялем не слышал его шагов — может быть, он не услышит и скрипа двери, если ее осторожно приоткрыть?

Он приоткрыл, рассчитывая увидеть свет, но в кабинете было темно. Человек играл в темноте. Окно слабо светилось, и контуры предметов были едва видны.

За роялем сидела совсем темная тьма.

А что если вдруг взять и повернуть выключатель?

Вспышка света совпала с криком и глубоким провалом тишины. Он был ослеплен и сперва ничего не мог разглядеть.

За роялем сидела женщина — тяжело моргая, она смотрела на Севку. Была она немолода, растрепана,

веки вспухли. Лицо дрожало от ужаса. Севка вдруг сообразил, что она принимает его за убийцу.

— Не бойтесь, ради бога, — сказал он и вдруг заметил, что сам дрожит как сукин сын. — Вы живете в поселке?

Она не ответила. Молчание было удручающим. Потом она взглянула вопросительно: «Я пойду?» — и, не дожидаясь ответа, шмыгнула в дверь. Именно унесла ноги. Севка выбежал за ней на крыльцо. Она, пригнувшись, улепетывала на соседний участок.

И тут его осенило. Да ведь это же «штатная Серафима», несчастная Серафима, всю жизнь безнадежно влюбленная в Сушилиина! Инга говорит, что она была для отца сущим бедствием, кстати, она окончила музыкальный техникум и относительно прилично играла. Каждое лето она снимала комнату рядом с Сушилиными — чтобы, как она говорила, видеть, как Кирилл Сушилиин выходит утром в сад, а на самом деле, как думала Инга, чтобы следить за ним с утра до вечера. Но тогда она должна быть неопределенной свидетельницей!

Утром Севка отправился на соседнюю дачу, где действительно снимала комнату Серафима Петровна Никитина. Она уже немного успокоилась, но голубые глаза ее, обведенные красными веками, еще готовы были плакать.

— Нанукали мы ночью друг друга! — как можно бодрей сказал он. — Я из уголовного розыска. Вы были тут двенадцатого?

Она кивнула.

— Вы не заметили чего-нибудь странного или подозрительного?

Она опять кивнула.

— Расскажите! — взмолился он.

Она отрицательно покачала головой.

— Почему? Вы боитесь кого-нибудь?

Нет, она не боялась, а просто при первом же слове слезы брызнули бы и она бы разрыдалась. «Безнадега», — подумал он.

— Подъехала машина, — вдруг сказала она тихо. — Какая? — завопил он и тут же осекся. Только еще не хватало испугнуть эту робкую душу.

— Легковая машина.

— Какой марки?

— Я... в них не разбираюсь.

— Где вы были, когда она подъехала?

Ей, как видно, неловко было говорить, и потому ее голос совсем уже угас.

— У забора.

Севка одобритительно кивнул, всем своим видом показывая, что в восторге от ее наблюдательности.

— Из машины кто-нибудь вышел?

— Да.

— Кто же?

Она снова покачала головой и понурилась.

— Мужчина? Женщина?

— Да разве в наше время отличишь! — прошептала она. — Но это был мужчина.

— Как он выглядел?

— Не очень высокого роста, — сказала она нерешительно.

— И что же было дальше?

— Да, это был мужчина не очень высокого роста.

На этом она забуксовала. Ну что же, и этого достаточно, остальное делает Дронов. Севка ног под собой не чуял, когда шел, ехал и снова шел, чтобы принести Дронову эту весть.

Серафима Петровна страшно нервничала, голубые глаза ее смотрели растерянно, красные веки трепетали. В кулаке она сжимала носовой платок, который на всякий случай держала прижатым к скуле.

— Итак,— сказал Дронов, осторожно складывая ладони,— вы видели человека, который вошел в дом Сушилиных. Каков он?

— Но ведь было темно!..— Никитина пришла в страшное волнение.

— И все-таки... Вы же только что сказали, что это был мужчина...

— Да! — с жаром подтвердила она.— Это был мужчина!

Вот, кажется, единственное, что она знала твердо.

— Как же он выглядел? — мягко настаивал Дронов.— Рост?

— Небольшого.

— Небольшого или среднего?

— Скорее... среднего.

«Да не помнит она ничего,— маялся Севка.— Просто больше ничего не видела».

— Как он был одет? — спросил Дронов и тут же прибавил, как бы отвечая на Севкины мысли: — Только будьте осторожны в своих воспоминаниях, говорите только то, что видели. В светлом он был или в черном? В пальто? Без? В костюме? Рубашке?

И наконец Серафима решила:

— Он, кажется, был в белой рубашке и светлых ботинках.

Дронов быстро записал ее ответ в протокол и продолжал с поспешностью:

— Светлые? Но ведь светлой обуви мужчины, как правило, не носят. Может быть, это была спортивная обувь?

Серафима Петровна совсем растерялась.

— Может быть,— прошептала она.

— Вы знаете, что такое туристские кеды? — спросил Дронов.

— Это что-то вроде резиновых тапочек?

— Похоже, но скорее это башмаки. Вот они бьют и белые. Похожа эта обувь на кеды?

— Пожалуй...

— Это будет правильно, если я запишу так: «На ногах у него была обувь, похожая на кеды...»?

— Да, пожалуй...

— Пожалуй или да?

— Да...

Дронов записал и этот ответ.

— Теперь давайте установим, как вы его видели,— спереди, сзади, сбоку? Вот план усадьбы, вот калитка. Где вы стояли?

Никитина указала место у забора.

— Значит, этот человек должен был идти сперва боком к вам, а потом спиной — тут, где тропинка поворачивает к дому. Была луна, неужели вы его не разглядели?

— Нет, нет, от забора далеко, я плохо вижу.

Дронов направил ее на экспертизу к глазику. Севка был рад, что допрос «штатной Серафимы» окончен,— он устал за нее волноваться.

— Значит, так,— сказал Дронов.— Нам предстоит выяснить, какое освещение могло быть в это время ночи. Метеорологи скажут нам облачность. Расстояние от забора до тропинки тебе завтра же придется точно вымерить — сделай схему. После этого уже можно будет ставить следственный эксперимент — что могла видеть старушка со своего дозорного поста.

Дронов прошелся по комнате. Когда он работал, ему трудно было усидеть на месте. И тут Севка увидел его глаза — они прыгали и рябили, как это бывает с глазами человека, который следит за мельканием летящего мимо экспресса.

— Да, дела идут,— сказал Михаил Алексеевич в пространство.— Прочитай,— прибавил он, кивнув на пачку протоколов на столе.

Некто Савельев, механик. Живет в общежитии в одной комнате с Елисеевым. Показал, что тот говорил при нем о своей ненависти к Сушилину и что его надо убить.

— А что, Гену Резникова вы не допрашивали? — спросил Севка.

— С этим парнем мы еще не встречались,— ответил Дронов весело.— Не встречались мы еще с этим парнем.

А глаза его рябили и прыгали, словно они следили за мчащимся мимо экспрессом.

Следующим был протокол допроса водителя Трофимова. Тот показал, что на Елисеева в тот день, когда он отпросился с работы, были белые кеды.

— Елисеева мы, ясное дело, взяли,— сказал Дронов,— он в первом следственном изоляторе.

Белые кеды, белые кеды... Севка шел по улице и почему-то все смотрел людям на ноги — не пройдут ли белые кеды?

И вдруг он остановился. Как же это раньше не пришло ему в голову? Серафиму они допросили только что, а Трофимова Дронов допрашивал накануне. Значит, когда пришла Серафима, он уже знал о белых кедах? Как странно! Как все это странно!

Он шел к Сушилиным, чтобы объяснить с Ингой. Дверь ему открыла Зинаида Константиновна, лицо которой теперь почернело, как старое дерево.

— Вы меня простите, Всеволод,— вежливо сказала она,— но Инга больна и принять вас не может.

— Что с ней такое? — испуганно воскликнул он.

— Мы сами еще не знаем,— ответила она ровным голосом.

Утром Севка присутствовал на допросе Нелли — опять стоял, прислонясь к стене, за спиной у Дронова. Все свидетели более или менее теряются на допросе, но уж эта...

— Вот вы человек, близкий семье Сушилиных,— сказал Дронов.— Не заметили ли вы отчуждения между родителями и дочерью с тех пор как появился Елисеев?

Нелли не то пожала плечами, не то поежилась.

— Да или нет?

Она снова поежилась и нерешительно кивнула.

— А теперь скажите мне, как относилась к Елисееву Инга?

Нелли широко открыла глаза: «Вот вопрос!» — и чуть было не прыснула, но вовремя прикрыла рот ладошкой.

— Я хочу сказать — не кажется ли вам, что она подпала под влияние Елисеева?

«О! Сейчас замаякает», — подумал Севка, но Нелли не замаякала.

— Пожалуй,— сказала она.

Севка видел, как Дронов записал своим четким почерком: «Я считаю, что Инга Сушилина подпала под влияние...» Впрочем, свидетель имеет право задавать вопросы — дело свидетеля отвечать утвердительно или отрицательно.

Следующим был Виталий Петрович Коробов, человек с большим лбом и маленьким лицом. Он сел спокойно и принял удобную позу, потом пересел, снова переложил ноги и принял еще более удобную позу.

— Конечно,— говорил он,— я прекрасно помню этот обед. Что сказать вам — парень, как там его, Евстигнеев, Епифанов...

— Елисеев.

— Да, Петр Елисеев. Так вот этот Петр Елисеев — парень невоспитанный, грубый, из таких, кто, чуть что, хватается за нож. Я таких мальчиков немало повидал на веку своем.

— Пойдите минутку,— сказал Дронов, быстро записывая.

«Чуть что — хватается за нож», — прочел Севка. Да нет же, опять не так. Все-таки записывать, наверно, нужно слово в слово — на машинке или на магнитофон. Вот тогда было бы точно.

— Вы курите? — спросил Дронов.

— Благодарю, у меня с фильтром.

Они закурили.

— Видите ли, — сказал Коробов, затаился, выпустил, подняв лицо, облако дыма и некоторое время следил за ним глазами, — такие натуры, как Елисей, бывают очень неуравновешенными и, вообще говоря, очень агрессивными. Это нетрудно понять. Вырванный из родной деревенской среды — такой простой, в сущности, и ясный, это с одной стороны, и еще не привившийся на городской почве, не адаптировавшийся к городской жизни, очень сложный...

Дронов слушал с интересом, но не записывал.

— А мог бы такой парень убить? — спросил он.

— Ну разумеется, — ответил Коробов, потянулся, стряхнуть пепел, по дороге просыпал немного на брюки и отщелкал его мизинцем. — Разумеется, я не хочу сказать, что он убил Сушилиных, я этого не знаю, и не мое это дело. Но что такой социально неуравновешенный тип... Видите ли, социальная психология давно его знает, этот тип, он, если хотите, уже деклассированный...

Коробов ушел, и Севка смотрел, как он переходит улицу, косолапо загребая ногами.

— Ну, — сказал Дронов, — день сегодня не из скучных. А впереди Генка Резников. Тут открылись любопытные вещи. Генка возит управляющего трестом, и вот оказывается, что их машины в вечер двенадцатого не было в гараже и что Генка не может объяснить, где она была. Управляющий показал, что отпустил машину в шесть часов и она должна была быть на месте. Может, это та самая, которую видела Серафима? Кстатти, и Савельев показывает, что Елисей и Резников накануне о чем-то тихо разговаривали. Может случиться, что и Резников причастен...

— А если управляющий соврал? — вдруг спросил Севка, сам дивясь своей храбрости. — А вдруг он использовал ее не по назначению и не хочет говорить об этом в прокуратуре?

— Резников бы об этом сказал.

— Если бы знал, чем дело пахнет. А тут он просто так сказал, чтобы не подводить начальника. Могло так быть?

Севка задавал свои вопросы довольно робко. Дронов, конечно, давно заметил его вибрацию, и если ему это дело надоеет...

— Ну ладно, — сказал Михаил Алексеевич, — пошли, поедим. У добрых людей уже ужин, а мы только на обед.

Севка уже обедал и с Дроновым не пошел. Да если бы и не обедал, все равно, наверно, не пошел бы. Трудно ему стало с Дроновым. Даже с Лялей — и то ему легче было разговаривать. Впрочем, в начале своего разговора с ней он был очень настроже.

— Вот что, — сказала она наконец, — я не только дама в серьгах, но еще и юрист. Я никогда не скрывала, что ваш Елисей мне глубоко противен, но все эти... штучки решительно никакого отношения к делу не имеют. Я не знаю, чем располагает следствие, но все, что я знаю, убеждает меня в одном: слишком просто все получается. А тут ведь непросто. Шагомер? Ну и что — шагомер? — Ляля смотрела на него очень серьезно. — Ежу понятно, что он мог попасть на место преступления тремя путями. Его мог оставить убийца, а мог и убитый. Ты сомневаешься в том, что Инга говорит правду и шагомер был у нее? И я не сомневаюсь. Шагомер был в доме Сушилиных, Ки-

рилл Викторович, зная, что он Петькин, взял его с собой, но забыл отдать — могло так быть? Теперь второе. Кто-то, кого мы не знаем, взял шагомер из дома Сушилиных и подбросил у трупы, чтобы создать ложную улику против Елисея. Третью версию мы рассматривать не будем, ею настолько увлечен Дронов...

— Но вторая... — начал Севка.

— Да, вторая с несомненностью означала бы, — спокойно продолжала Ляля, — что убийца бывает или бывал в доме Сушилиных.

С. К. сидел и читал какие-то бумаги, подперев лоб рукой. Из-под этой медленной руки он и взглянул на Всеволода: ну как там, мол, у вас?

— Допрашивали сушилиных знакомых, — сказал Севка.

— Есть что-нибудь?

Севка не выдержал и усмехнулся.

— П-п-психология? — спросил С. К., помогая себе бровями.

Севка неопределенно хмыкнул.

— З-з-значит, план приблизительно такой: шагомер как основное блюдо — и к нему п-п-психология, в виде гарнира. — На слове «психология» С. К. почему-то заикался особенно сильно.

Они с С. К. впервые так откровенно разговаривали, но продолжать не стали.

— Разрешите доложить, — сказал Севка, — о Косте Сушилине. Он ходит совсем не в музыкальную школу, а неизвестно куда, и по дороге всегда исчезает. А целый день ходить за ним я не могу.

— Ты о нем с сестрой говорил?

— Нет. Тогда, после похорон, побоялся. А теперь...

— Что т-теперь?

— Теперь она не хочет меня видеть. Я был у Дронова, когда он сказал ей, что подозрение падает на Петьку. А теперь — арест. Она думает, что я все это от нее скрыл. И вот теперь, когда я звоню, она кладет трубку. В такое время — и без меня! Я уж просил Никиту, но он в последнее время какой-то странный стал.

Они помолчали.

— А что с самоубийством? Вы закрыли дело? — спросил Севка.

— Совсем напротив. Х-х-хочешь послушать?

Еще бы ему не хотеть!

— Ты ведь был на допросе Катиного мужа, когда мы с ним вместе разбирали ее дневник. Я тогда просил его кое-что разъяснить, и в частности — «путеводную звезду Кьеркегора» и «нет, никогда я не пойму его жертвоприношения». Муж все валил на болезнь. Тогда я взял и почитал про этого самого Кьеркегора. Помнишь, муж сказал нам, что это современный немецкий философ. На самом деле он не немецкий и не современный. Он родился в 1813 году, в Дании. Но главное — этот Катин муж не понимает, что значит путеводная звезда Кьеркегора и жертвоприношение, а я со вчерашнего дня уже понимаю. Это жертвоприношение Авраама из Ветхого завета. Жуткая история, между прочим: бог повелел Аврааму принести себе — это богу, значит, в жертву, коротко говоря, зарезать для него — собственного сына. И, представь, Авраам пошел резать и таки зарезал бы, если бы не ангел, который остановил его руку. Мы бы с тобой, ясное дело, привлекли бы его по сто третьей через пятнадцатью. Но Кьеркегор рассматривал почему-то эту легенду иначе. Он считал, что вера должна быть слепой. Абсурд, необъяснимое — вот путеводная звезда Кьеркегора. И вот что отрицает Катя в своем дневнике.

— В самом деле странно, что муж этого не знает.

— То ест! совершенно не знает! — подхватил С. К. — Ни строчки с его помощью мы прочитать не можем, ни одного факта не можем толком установить.

— Ни одной книги с его помощью найти...

— Вот им-менно. Как же мне это дело закрыть? Вот хотя бы... — С. К. достал из ящика блокнот. — Смотри. Муж просит обратить внимание на то, что все ее мысли так или иначе ведут к смерти. А я обратил внимание... — С. К. живо и с лобызством смотрел на Севку. Тот ждал. — 3-з-замаз-з-занное место, — сказал С. К.

О, об этом Севка забыл. Заметил его, но позабыл.

— Так вот. Я отдал это д-д-дело ребятам из лаборатории, чтобы прочли. Помнишь, то самое место, где она говорит пре пианиста М., который вроде бы занудно разъясняет музыку. За ним следует вот этот зачеркнутый текст.

«Когда я думаю о вашей музыке, — читал Севка, — и пытаюсь сравнить с ним... Ах, сударь, вы не просто пианист, вы Музыкант!»

— Разве ее муж музыкант? — бессмысленно спросил Севка.

— Итак, — не слушая его, продолжал С. К., — первых, мужу очень хотелось, чтобы все признали его духовную близость с женой, а такой духовной близости на самом деле не было, а было, напротив, некоторое недопонимание — во всяком случае, он за нее не тянул. Тут уж невольно ставится под сомнение — пока только под сомнение — и нежная любовь. А самое важное, и это в третьих...

— Сударь — это не муж! — выкрикнул Севка.

— То-то и оно. Этот сударь, которому она в дневнике только что не молилась, это, конечно...

— Сушили, — сказал Севка.

— Ну, раз-з-зумеется, — сказал С. К.

ГЛАВА VII

Времени было много — сколько угодно! Если не вызывали на допрос и не мешали соседи, можно было подумать. Он лежал на верхней койке, смотрел в потолок и думал свои невеселые думы.

Если бы в самом деле существовал бог, он должен был бы подавать нам знак заранее, что к кому-то подбирается смерть, чтобы она не застала врасплох. Если бы он тогда знал, что видит Кирилла Викторовича последний раз в жизни, разве он стал бы так себя вести? Так выламываться? Эх нет, не то. Наверно, вообще надо вести себя с людьми так, чтобы потом, когда они умрут, не было бы перед ними стыдно. А он?...

Петька перевернулся на живот, застонал было и тут же вспомнил про сокамерников.

А сокамерники обсуждали вчерашние допросы.

— Я ему говорю, — твердил старик, сидевший как раз под Петькиной койкой, и сверху было видно, как неровно прорастает лилово-седой газончик у него на голове, — эти фиктивные счета я и в глаза не видал. А он не понимает.

— Не понима-а-ает? — отвечал другой. — Все он понимает!

«Счета! Есть о чем разговаривать! Его следователь Дронов шьет ему убийство — да пусть себе! И про шагомер он скорее всего врет — они взяли его у Инги, и все дела. Ерунда все это! Инга теперь одна — вот что не дает ему покоя! Одна, так страшно потерявшая отца, братишка от рук отбивается — ему нужна крепкая мужская рука, а где она? Отец в могиле, а муж?..»

Когда он узнал о смерти Кирилла Викторовича, он совсем обалдел. Ведь они только что, совсем недавно разговаривали.

— Здравствуйте, Петр Федорович, — сказал Сушили, и Петька угрюмо ответил: «Здравствуйте». — Я уезжаю и потому позволил себе вмешаться в то, во что отцы, как правило, вмешиваться не должны. Но я уезжаю надолго, у меня неспокойно на сердце. Инге сейчас худо.

— Допустим, — сказал Петька.

Сушили внимательно на него посмотрел.

— Ей очень худо, — повторил он.

— Допустим, — повторил и Петька.

И так он повторял это свое идиотское «допустим», словно попка-дурак. И, главное, был убежден, что молодец, что так и надо. Господи! Таком у человеку! Разве он стал бы себя так вести, если бы знал, что этот их разговор — последний? Нет, это правда — к людям надо относиться так, словно они должны скоро умереть. Если знаешь, что нет у тебя времени что-либо исправить, тогда будешь осторожен и не ошибешься.

Ему бы бежать и звонить ей, как только он узнал о несчастье, а он обалдел. А потом позвонил — никто не ответил. Ему бы бежать к ней домой — а он оробел как-то, а потом — арест. Даже на похоронах он не был. Одна она там была. Одна шла за гробом отца.

Перед ним вставало ее лицо, и он любил его рассматривать. Лицо той, счастливой поры. Окрасила ее природа в яркие краски осени: волосы цвета меда или дубовых листьев, рябинового цвета губы и зеленые глаза. Краски осенние, а жизнь в них была весенняя, свежая, веселая.

Вот они идут по черной вздымающейся грязи болота, усыпанного ситцевыми незабудками. Она, ясное дело, провалилась, и он долго отмывал ее ноги в луговой речке среди осоки, острой, как ножи.

А потом он отошел в лес, и была пестрая сова, так глупо заснувшая на пне. Она, страшно закатывая глаза, моргнула и снялась с места.

Оглянись, моя совушка,

Воротись, Савельевна.

Он ведь тоже вспомнил тогда стихи, чего же было на нее рычать? У каждого свои песни, можно ими обменяться, вот и все.

А потом, в электричке, Инга положила ему голову на плечо и уснула, а он сидел, боясь пошевелиться. Чего бы только он не дал, чтобы снова почувствовать у себя на плече тяжесть ее головы!

В коридоре послышались шаги и стук бачка — обед. Свою миску он взял наверх, хоть это и не разрешалось, ну да бог с ним! Есть ему не хотелось никак.

— Ничего себе суп, — сказал старик. — Густой.

— Ничего, — согласился его собеседник.

Оба они были несомненным жульем, и Петьке не было до них дела.

— Как будто сегодня передача, — сказал старик.

— Вроде бы, — ответил другой.

Он, Петька, может не волноваться — никто ему передачи не принесет. Мать далеко и, по счастью, не знает, где ее сыночку довелось загорать. А женой он не обзавелся.

Заскрежетал замок, и появился охранник — та самая старая перечница в огромной фуражке, которая тут их сторожит и которую, несмотря на то, что это был дедушка, прозвали «бабушкой в галифе».

— Елисеева на допрос, — сказала перечница.

Дронов начал тот же нудный разговор.

— Расскажите, когда вы с Резниковым в первый раз заговорили об убийстве Сушилина?

— Помнится, лет десять — пятнадцать назад.
— Реаников сказал правду.
— Поздравьте его от меня, пожалуйста.
— Вы напрасно себя так ведете, — сказал Дронов спокойно. — Вот возьмите, почитайте.

Бумага, которую он протянул, была протоколом осмотра места преступления. Там, собственно, почти ничего не нашли. Только вот шагомер. Его нашли на земле, предварительно сфотографировав его рядом с трупом и масштабной линейкой.

В камеру он вернулся, дрожа, как паршивая собака. Просто не мог унять дрожь.

Сокамерники его не больно-то обратили на него внимание — передача все-таки была, оба уже разворачивали свои свертки. Петька полез наверх. Да, дела! Серьезные пошли дела. Шагомер, оказывается, не липа. И вдруг новая мысль ударила его как током. Ей дадут прочесть акт осмотра места происшествия, тут уж она поверит. Да и как не поверить! Он представил себе, как они разговаривают, Инга и Дронов. Он — следовательно, она — дочь убитого. Дронову она должна верить. А может быть, уже с самого начала поверила — ведь четыре месяца это не срок для знакомства. Поверила — и теперь лежит ночами, думает: «Я привела в дом убийцу моего отца».

Он уже готов был выть.

— На воле я бы такую колбасу и в рот не взял, — говорил старик с газончиком на голове.

— А я и вообще-то колбасы не ел, — отвечал дру-гой. — Я уважал рыбку.

И вдруг Петька отчетливо понял, что здесь он не случайный гость, которому давно пора домой, что он тут надолго, может быть — на долгие годы. Не будет больше ни Инги, ни любви, ни полета машины с ветерком, не будет леса, совы, что сдуру заснула на шне, — «Оглянись, моя совушка...» — ничего больше не будет. Ничего, кроме этих грязных стен, старых жуликов и «бабушки в галифе».

Лежать он больше не мог, душа рвалась отсюда, а тело требовало хотя бы движения. Но двигаться было некуда. Вот оно, горе-то, вот оно — горе. Они скажут ей: «Елисеев — убийца вашего отца», а твой голос отсюда до нее не дойдет.

Дверь снова открылась — что-то сегодня жизнь у них бьет ключом: на пороге опять стоял охранник.

— Елисеев, передача, — сказал он. — Распишитесь.

«Света вспомнила?» — подумал Петька. Он схватил бумажку с перечнем продуктов, чтобы взглянуть вниз на подпись. Нет, не Света. Почерк своего диспетчера он знал хорошо.

«И. Сушилина-Елисеева» — было четко выведено внизу.

Петька не стал разворачивать посылку. Он залез обратно наверх, положил посылку под бок и некоторое время лежал, чувствуя ее рядом. Потом свесился вниз головой и слушал с интересом, о чем говорят его сокамерники. Потом опять лег на спину, улыбался.

«Ладно, пора», — подумал он и раскрыл первый сверток.

Он так и знал, что это такое, он знал! Охотничьи сосиски лежали тут, тесно прижав друг к другу свои жирные тельца. Охотничьи сосиски, за которыми надо идти в фирменный магазин.

И тут уж Петька не выдержал. Он повернулся на живот и заплакал в подушку — беззвучно, как плакал в детстве, боясь, чтобы не услышали.

Инга шла по людной улице, никого не замечая, машинально обходя людей или останавливаясь, чтобы с ними не столкнуться. И вдруг что-то преградило

ей дорогу. Не поднимая глаз и все еще думая о своем, она попыталась обойти препятствие, но куда бы она ни сворачивала, вправо или влево, оно всюду возникало перед ней и не давало пройти. Наконец она догадалась поднять глаза.

Перед ней стоял Клим.

— Здравствуйте, — сказал он. — Как вы поживаете?

Что это значит? Неужели он не знает?

— Не удивляйтесь моему вопросу. Ведь мы с вами в одинаковом положении: оба погорельцы.

Она взглянула на него вопросительно.

— За то время, что мы с вами не виделись, мы оба потеряли самое дорогое, что у нас было в жизни.

— И вы...

— Да, я потерял Катю. Да, да, да. Я тот самый таинственный муж, который вызвал такое смещение. Я должен просить у вас прощения за этот странный маскарад, но, честное слово, это была не моя идея. Так хотела Катя, а то, что хотела Катя, было для меня законом. Вы ее помните? Вы помните, какой она была не-ве-ро-ятной?

— Да, — медленно ответила Инга, — она была невероятной. Но постойте, тогда у нас вы познакомились...

— Вы это помните? — живо отозвался он. — О! Сколько тут всего было! Мы договорились тогда встретиться у вас, но она ни за что не хотела, чтобы кто-нибудь знал о наших отношениях. Это у нее стало просто манней. «Только те отношения сохраняют свою романтическую свежесть, — говорила она, — только те, что остаются втайне». Я подошел к ней тогда и спросил: «Мы с вами, кажется, где-то встречались?» — по правде сказать, надеясь, что она ответит «да», мы рассеемся и откроем всем, что мы давно уже муж и жена. Но она ответила «нет».

Она смотрела на него. Такой же большой и костистый, похожий на красавца коня. Только вот похудел. И потемнел как-то.

— Худо? — спросила она.

— Ох! — ответил он.

Да, может быть, это единственный человек (если не считать мамы и Котьки), который мог бы сейчас ее понять.

— Если бы вы знали, как они меня замучили! — сказал он.

— Кто?!

— Да все эти прокуроры-следователи. Я и так-то заснуть не могу, а после их милых визитов...

— За что же они к вам привязались?

Он усмехнулся.

— Они думают: а не убил ли я свою Катю.

Она остановилась.

— Но ведь это бред какой-то!

Он пожал плечами и сказал со злостью:

— Коминки!

Они двинулись дальше.

— Как это случилось? — тихо спросила она, не глядя на него.

— Вы знаете, Катя вообще не жаловала людей. И даже хотела, чтобы после ее смерти... Она злила с меня когда-то слово, что хоронить ее буду я один... Такой веселенький был у нас разговор. — Он замолчал.

— Если вам трудно рассказывать...

— О том, что произошло, и рассказать нельзя. Я вошел в комнату и увидел...

— Я счастливее вас, я не видела.

— И слава богу.

Некоторое время они шли молча.

— Как я рада, — сказала она, — что мы сегодня встретились!

Он ничего не ответил, только повернулся к ней и взглянул. Они опять шли молча.

— А что это мы с вами друг на друга тоску нагоняем? — сказал он вдруг. — Давайте о чем-нибудь более веселом.

— Вряд ли у нас получится, — ответила она, усмехаясь.

— Почему же! Я, например, вижу, что вы сегодня на редкость хороши. Рыжие волосы, зеленые глаза — совершенная Венеция.

Она посмотрела на него с удивлением: «Это что еще за пир во время чумы?» Его глаза блестели немного лихорадочно. «Ах, вот оно что! И у вас, сударь, нервы не в порядке? Ну, с этим вам придется справиться самому. Мне такое сейчас не под силу».

Она мягко перевела разговор, а через минуту еще мягче начала прощаться. Но он все шел рядом.

— Как это скверно у меня получилось, — сказал он, — насчет Венеции! Верно?

— Если говорить правду, — она улыбнулась, — не очень хорошо.

— Не сердитесь, — сказал он, — со мной тоже сейчас не все в порядке. Да вы, наверно, и сами это понимаете.

Еще бы ей не понимать! Сейчас ведь живешь и жизни не замечаешь. Сейчас все дни и ночи напролет...

Она не помнила, как и где распрощалась с Климом, — мысли ее были заняты все одним и тем же. Не на кого ей опереться, ни одного мужика — одно бабье. Севка продал ни за грош — она считала его другом, а он, оказывается, всего-навсего «выполнял задание». Никита перестал ходить. А беда, она это чувствует, бродит вокруг их дома. «Этим дело не кончится», — сказал на похоронах Котька, он тоже что-то чувствует. А может быть, и знает? Может быть, потому и грубит так явно и нарочито, как будто бы даже через силу; может быть, он отгораживается от них этой грубостью, сознательно рвет связи? Котька страдает, Котька в опасности — она это знает и ничем не может помочь! Куда он уходит? Что там с ним сделали? Кто так настойчиво и неустанно его разрушает?

Однажды в отчаянии, не зная, что делать, она пошла было за ним следом — подглядывала за родным братом! Но толку из этого все равно не вышло: Котька свернул в переулок да и пропал.

ГЛАВА VIII

Михаил Алексеевич вызвал следующего свидетеля не сразу. Ему хотелось передохнуть. Дело Сушила не отнимало столько сил, что к вечеру их почтай что и не оставалось. Между тем допрос предстоял сложный, требовал напряжения, вот почему он хотел передохнуть и даже закрыл было глаза, но от этого легче не стало — перед ними все равно плыли бесконечные строки протокола.

До сих пор дела у них обстояли не худо. В активе: первоначальная ложь Елисеева, отрицавшего свое свидание с Сушилиным, — впрочем, как бы эффектно это ни выглядело, это запросто ответит адвокат. Свидетельства Резникова и Савельева тоже не находка. Известное дело: случись убийство — сразу же являются свидетели, которые слышали намеки, угрозы и все такое прочее. Все это неплохо, как связующие звенья цепи, но как основные — никуда. Белые кеды — это уже кое-что. Кое-что. А главное — шагомер.

Вот его козырный туз! Правда, адвокат и тут скажет, что это не доказательство, что шагомер мог быть в кармане убитого и что его выбросили убийцы, обыскивая тело.

Вот почему сегодняшний разговор с Савельевым так важен, вот почему он требует мастерства и напряжения всех сил, какие есть.

Что же, пора начинать. Он встал, потянулся всем своим сильным телом, постоял, заложив сцепленные руки за голову, чувствуя, как приятно напрягаются мускулы, словно они с удовольствием позевывают, а потом разом оборвал это приятное напряжение, с маху уронил руки — и пошел звать Савельева.

Тот вошел осторожно. На его темном, словно бы обожженном пороховым взрывом лице глазные впадины смотрели черно. Маленький, он сел на кончик стула, всем своим видом показывая готовность. Да, этот хочет помочь правосудию.

— Видите, Василий Игнатьевич, — начал Дронов, — пришлось мне беспокоить вас по второму разу.

Савельев задвигался на стуле и заулыбался: «Какое может быть беспокойство! Раз надо — значит надо!»

— Я сейчас задам вам один очень важный вопрос, а вы ответите мне на него, хорошенько подумавши. И только правду. Не торопитесь. Вспомните. Это очень важно.

Савельев перестал улыбаться. Дронов медленно выдвинул ящик и вынул оттуда шагомер.

— Мы с вами уже говорили об этой вещи. Вы опознали ее, как принадлежащую Елисееву. А теперь скажите: когда вы в последний раз видели ее у Елисеева? — Он поднял указательный палец и еще раз предупредил: — Только подумавши.

Вид у Савельева был напряженный. Под мохнатыми бровями в глубине впадин обозначились глазки, они быстро моргали.

— Вроде бы недавно? — сказал он вопросительно. Так осторожно пробуют ногой холодную воду: су-нут и отдернут.

Дронов ничего не ответил.

— По-моему, недавно, — повторил Савельев еще с некоторой нерешительностью, но уже утвердительно.

Он убедился, что вода терпима и входить можно.

— Точно ли? — с веселой ворчливостью спросил Дронов.

— Точно, товарищ Дронов! — с облегчением воскликнул Савельев. — Совсем перед тем, как за ним пришли, я у него эту штуку видел. — Он, видимо, разгорячился все более и более. — Да кого хотите спросите, все скажут: видали!

С. К. вошел в кабинет Дронова, когда Савельев подписывал протокол допроса. А уходя, долго кланялся, умиленно глядя на следователей.

— Он-п-пасный человек, — сказал С. К., проводив его взглядом.

— Почему же?

— Очень уж любит начальство. Тип нервный, я его наблюдал в коридоре. А нервные люди, между прочим, очень чутки.

— Тем лучше. Да ты присядь, Сергей Константинович.

— Тем х-х-хуже. — Шимановский сел, вытягивая вперед негнущуюся ногу. — А ты что такой веселый?

— А чего нам плакать? Дела идут.

— Елисеева в гроб з-заколачиваешь?

Дронов закурил.

— А ты что — не веришь, что он убил? — спросил он, щурясь от дыма.

— Дело ведь не в том, верю я или не верю. Дело в законе, а он велит нам выяснить все за и против. А ты — одно против.

— А что же, собственно, за Елисеева?

— Ну, хотя бы свидетельство Инги Сушилиной о том, что шагомер был у них дома.

— Так она же явно врет! Она своего парня выгораживает!

— Это проще всего так сказать. Она, кстати, сказала про шагомер до того, как узнала, где он найден. А что сказал о нем Елисеев?

— Да примерно то же самое.

— Вот видишь. А они не сговаривались.

С. К. долго сидел ничего не говоря, а потом повернулся и сумрачно взглянул на Дронова.

— Знаешь, что я тебе скажу, Михаил Алексеевич?

— Ну что? — Дронов смотрел на него так же сумрачно.

— Перех-х-х... — С. К. запнулся, помогая себе бровями, — ...х-хвалили тебя.

Они опять сидели молча. Вокруг них копилось напряжение.

— Я хотел бы передопробить Никитину, — сказал вдруг С. К.

— Ради бога, — со злобой ответил Дронов.

— Ну, ты главный в следственной бригаде, я обязан был тебя спросить.

— Ради бога, — так же повторил Дронов.

Некоторое время они опять молчали. Наконец Дронов не выдержал:

— А что тебе, собственно, нужно от Никитиной?

— Белые кеды, например.

Дронов уже не мог усидеть на месте и по своей привычке пошел шагать по кабинету. С. К. молча за ним наблюдал.

— Что значит — белые кеды? — спросил Дронов, останавливаясь около него.

— Это з-значит, что они вызывают у меня сомнения. Только что ты допросил Трофимова, который рассказал о белых кедах, и тут же у тебя Никитина увидела белые кеды. В темноте.

— В темноте белые кеды могли быть видны!

— В темноте видно самое большее — что-то белое, а уж фасон обуви... Ну да не в том дело! Следственная интуиция, о которой ты так любишь говорить... Она подсказывает мне, что вопрос этот надо перепроверить.

— Это... — Дронов не нашел слов.

— Поэтому я тебе и предлагаю — допросим вместе.

Дронов сел за свой стол, помолчал, сдерживаясь. — Ладно, — сказал он угрюмо, — допрашивай без меня.

— Любопытный народ женщины, — сказал Севке Дронов. — Ты знаешь, что выкинула на днях наша Инга Кирилловна? Передачу Елисееву передала. А? Он весело взглянул на Севку, ожидая ответа.

— Видал? Ничто их не останавливает. Вор? Бандит? Убийца? Уж на что мы всякое видали — и то удивительно! Убийце своего отца, ведь это надо!

Рабочий день был окончен, да к тому же еще и суббота, пора и отдохнуть. Дронов начал собирать со стола бумаги. Но уйти им на этот раз не удалось — в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Дронов без энтузиазма.

На пороге стояла Ляля. Она появилась весьма эффектно, распахнутое пальто вметнулось за ней, как плащ, серебряные серьги качались. Лицо ее играло свежими и недвижными красками косметики.

— Адвокат Богуславская собственной персоной, — добродушно сказал Дронов. — Давно мы с вами не видались!

— С выполнения двести первой по делу Хорькова, — со значением ответила Ляля.

— Ну, тогда я не мог поступить иначе. — Михаил Алексеевич улыбался, как бы говоря о чем-то несерьезном.

— Ладно, Михаил Алексеевич, не будем ссориться. Я к вам с новостями. Хорошо, что Всеволод тут, он вполне оценит.

Новость и в самом деле была удивительная. Сегодня утром ей позвонила «штатная Серафима», прислала о свидании.

— И как вы думаете, что она рассказала, эта, простите, старая перечница? Вам, видите ли, она показания дать побоялась, так притащилась ко мне. Слушайте, она, оказывается, не только кое-что видела в ту ночь, но и кое-что потом нашла на земле. Как вы думаете — что? — Ляля всем корпусом повернулась к Севке. — Вы меня поймете с полуслова. Бабу-ягу. Эта баба-яга, — теперь Ляля говорила, повернувшись к Дронову, — всегда болталась у ветрового стекла в машине Никиты Преснякова. Серафима Петровна нашла игрушку около ворот сушилиной дачи.

Ляля умолкла, и вдруг стало слышно, как тихо в комнате. Дронов сидел, не говоря ни слова.

— Инга Сушилиная знает об этой... находке? — спросил он.

— Конечно, я сейчас же ей позвонила, чтобы выяснить, когда она в последний раз видела эту бабу-ягу в машине Никиты. Она говорит: когда они ехали на дачу, игрушки на месте уже не было.

Дронов молчал, и только тут Ляля догадалась.

— Вы мне... не верите? — тихо спросила она.

— Нет, почему же! Только отчего Никитина не пришла к нам?

— Она давно уже испытывает ко мне симпатию, считая очень умной. К тому же я как-никак юрист.

Прикусив нижнюю губу, Дронов мелко кивал головой, соглашаясь. Ляля тихо раскалалялась.

— Ну что же, — сказал Дронов, — вы можете дать нам показания в качестве свидетеля.

— Можете вызвать меня повесткой, — надменно сказала Ляля. — А впрочем, была бы честь предложена.

Она ушла, сверкнув серьгами и взглядом. Дронов повернулся к Севке, как бы спрашивая — какова?

Севка был поражен сообщением Ляли. Если баба-яги не было в машине, когда Инга и Никита ехали на дачу, и она оказалась у ворот дачи утром тринадцатого, значит... Значит, надо выяснить, когда ее видели в машине в последний раз.

Только тут он заметил, что Дронов смотрит на него искоса.

— Вот как с нами играют, — сказал он.

— Как... играют?

— Неужели не ясно? Хотят нам подсунуть эту самую бабу-ягу. Дурачков нашли! А я, между прочим, считал Богуславскую умной женщиной. Очень неплохой адвокат. Зачем ей это нужно?

— А если Серафима в самом деле...

— Чего же она тогда нам не сказала? Зачем ей было от нас это скрывать? Нет, пусть ищут других, со мной это не пройдет. И вот что любопытно: чтобы спасти Елисеева, они решили отдать на погибель друга. Вот что любовь-то делает! Говорят, она — чувство возвышающее... Нет, брат, не всегда.

На следующий день, как обычно, Севка забежал к Шимановскому.

— Как это я пропустил, не понимаю, — сказал ему С. К. — Смотри: пятнадцатого мая, приблизительно за месяц до смерти, Катя записала четверостишие. В этот день только четыре строчки стихов — зато каковы строчки!

Севка стал читать предыдущую страницу.

«Я не могу читать; я создана неправильно; во мне множество лишнего и множества вещей не хватает», — это из дневника Марии Башкирцевой...»

— Кто такая Мария Башкирцева? — спросил Севка.

— Я уже посмотрел, — из-за бумаг ответил С. К. — Это молодая художница, она умерла от чахотки двадцати четырех лет. Оставила знаменитый дневник.

«И я тоже могу сказать, что создана неправильно и что во мне много лишнего и многого недостает». А вот наконец и страница с четверостишием, которое так занимает С. К.

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...

Не мерят так и лютому врагу...

Ох, я дышу еще болезненно и трудно,

Могу дышать, но жить уж не могу.

— Она сама это написала? — спросил Севка.

— Не д-д-думаю, наверно, кто-нибудь из великих. Но ты скажи мне, пожалуйста, кто этот «он»? Неужели «сударь»?

— Если это так, значит «сударь» — это не Сушили. У них не могло быть таких отношений, отчего он мог бы «отмерять воздух».

— Да кто знает?

Про бабу-ягу Севка рассказал по дороге из прокуратуры.

Рассказ его С. К. выслушал с недоумением.

— Дронов уже допрашивал этого Никиту?

— Да, сегодня. Никита сказал, что на даче не было давно, а баба-яга пропала у него до убийства, дня за три до того, как они с Сушилиными ехали на дачу.

— А он никому машины не давал? И не замечал, чтобы ее брали?

— Нет, говорит.

— А что он за парень?

— Очень порядочный человек. Мы с ним в школе вместе учились.

— Интересное дело. Вещественные доказательства так со всех концов на нас и ползут. А сейчас, — С. К. взглянул на часы, — сейчас сюда придет Генрих. Если он человек точный...

— Вряд ли он такой уж точный! Насколько я его себе представляю, он должен быть как раз неточным...

Но в дверь в эту минуту постучали.

У Генриха было холодное, нарочито замкнутое лицо — сама оскорбленная невинность.

— Признаться, я надеялся, — сказал он, — что мы с этим вопросом покончили...

— Да и мы надеялись, — ответил С. К.

— Я готовлюсь к конкурсу, и, признаться, эти... милые разговоры не дают мне работать. Кажется, нетрудно было бы понять...

— Я понимаю, — примирительно сказал С. К. — Это я понимаю. Но есть вещи, которых я не понимаю. Генрих сидел перед ним, резко выпрямившись, глаза его горели, пружинные волосы стояли дыбом.

— Как вы помните, — продолжал С. К., — в прошлый раз вы сказали нам, что не смогли быть на занятиях у Сушилины потому, что у вас была запись на радио, но ведь на радио вы в тот день не записывались.

— Я не записывался, но я там был!

— Нет, Генрих Дмитриевич, не были. Ведь у вас нет постоянного пропуска на радио, не так ли? А временного вам в тот день не выписывали.

Генрих сильно побледнел. Губы у него стали совсем белые, а глаза еще ярче.

— Я... мог быть... в другом месте... — Голос его дрожал от ненависти.

«Как бы он в обморок не брякнулся!» — подумал Севка.

— Могли, — согласился С. К. — Но мне бы хотелось, чтобы вы сказали, что же было на с-с-самом деле.

Генрих, казалось, несколько овладел собой.

— Теперь я уже не могу вспомнить. Был где-то.

— Значит, Кириллу Викторовичу вы сообщили неправду?

— Но... предположим. Предположим, у меня было свидание.

— С кем?

Генрих долго молчал.

— Неужели вам самим не противно? — спросил он наконец.

— Нам надо знать. И поверьте, не из любопытства к вашим личным делам.

— Я... отказываюсь отвечать.

— Генрих Дмитриевич, по закону вы не имеете права.

— И все-таки я отказываюсь, — закричал Генрих. — Отказываюсь! Можете делать со мной что угодно!

— Вы хотите, чтобы я именно так и записал?

— Да! Да! Я именно этого и хочу! Именно этого!

С. К. спокойно записывал.

— И еще один вопрос, — сказал он, поднимая голову. — Вы собирались к Сушилину на дачу двенадцатого, не так ли? Так говорится в вашей записке.

— Я уже отвечал вам на это.

— А почему же не поехали?

— И на это я вам уже отвечал.

— Прошу вас напомнить мне ваши объяснения.

Генрих молчал. И С. К. тоже молчал. Молчание было долгим и беспокойным — было видно, что Генрих наливается ненавистью и вот-вот взорвется.

— Зачем?! — вдруг завопил он. — Зачем?! Кому нужна эта игра кошки с мышкой?! Вы что, сами не знаете? Вы же все знаете! Вы все отлично знаете!

— Конечно, — согласился С. К. — Знаю. Комсомольского собрания, на которое вы сослались как на помеху, на самом деле в тот день в консерватории не было. Я хочу знать, почему вы и в этот раз сказали неправду?

Когда они с Севкой остались одни, они долго глядели друг на друга со значением.

— Он в самом деле так взрывается? — спросил С. К. — Или только делает вид?

Утром в столовой мать протянула Инге адресованный ей конверт. Почерк был незнаком. Петька?

Впрочем, как она вспомнила потом, ей очень не хотелось тогда вскрывать это письмо. Она читала и никак не могла понять смысла, только ужас и тоска все сильнее сжимали сердце.

«Стала ходить за братом Костей, покоя ему не даешь. Если, Инга, не оставишь свои фокусы, поедешь туда, куда недавно съездил твой папочка».

Когда она наконец поняла написанное, у нее так ослабели ноги, что пришлось сесть. Она так и сидела, стараясь собраться с мыслями. Это никак ей не удавалось. Она понимала только, что письмо оттуда. Из той тьмы, в которой погиб отец.

Потом она встала и пошла в переднюю одеваться.

— Ты куда? — спросила ее из комнаты мать.

— В прокуратуру, — ответила она. — Меня опять вызывают в прокуратуру.

Окончание следует

аврора 575

аврора

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ,
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1969 ГОДА

МАЙ 1975

5

ПРОЗА

Борис Рошин	15	Два рассказа	
Анатолий Ким	20	Поклон одуванчику.	По- весть
Юрий Рытхэу	32	Молчание в подарок.	Рассказ
Ольга Чайковская	42	Оглянись, моя совушка.	По- весть. Окончание

ПОЭЗИЯ

Леонид Хаустов	6	Фронтальная муза	
Анатолий Чепуров	13	Памятник гармонисту	
Полина Каганова	14	Трамвай № 28. «Мой друг мечтал о Зурбагане...»	Первый выстрел
Андрей Романов	31	Выпускная баллада. Баллада о прорабе. Бухгалтер	

ПУБЛИЦИСТИКА

Интервью генерала армии Виктора Георгиевича Куликова	2	Великая Отечественная: народ, армия, история	
Людмила Регина	7	Дима Сидоров и его семья	
Людмила Будашевская	10	«Мы воевали, и потому от се- бя требуем...»	
Валерьян Кирхоглани	58	Героический пейзаж	
Эсфирь Левина	61	Рассказ о полковнике Назаро- ве и его жене	
Александр Кикнадзе	73	Что такое «счастливейший час» и можно ли предвидеть его на- ступление?	

КРИТИКА

Михаил Дудин	65	Поэзия народной души	
Лев Плоткин	66	«...И нашою будет победа»	
Леонид Ершов	70	Родное и вселенское	

ИСКУССТВО

Михаил Аникушин	18	Боль и мужество	
Александр Егоров	38	Одна, одна на всех...	

«СЛОН»

Юмористический журнал в журнале	77	Выпуск шестидесятый	
------------------------------------	----	---------------------	--

© «Аврора» 1975 г.

На титуле — фото Р. Борисова

Рукописи не возвращаются. Адрес редакции: 192187 Ленинград, Литейный пр., 9. Телефон 73-33-90. М-26175. Сдано в набор 27/1 1975 г. Подписано в печать 4/У 1975 г. Формат 84×108/16. Печ. л. 5 (усл. л. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 130 000. Заказ 36. Цена 30 коп. Типография имени Володарского Лениздата, 191023 Ленинград, наб. р. Фонтанки, 57

ОГЛЯНИСЬ, МОЯ СОВУШКА

ПОВЕСТЬ

Рисунок Светозара Острова

Следственная бригада собралась, чтобы подвести итог недельной работе.

— Конечно, если бы Елисей признался,— сказал Дронов,— и рассказал обстоятельства убийства...

— Но он не признается, вот б-б-беда.

— Все еще не веришь,— сказал Дронов.

— Доказательства с-сомнительны, а сомнения, как всем нам известно, толкуется в пользу подсудимого. Севка и Андрей молча слушали этот спор.

— Ну ладно, если ты считаешь, что наша версия не убедительна...

— А как же убедительна, если мы ничего не знаем? Рано утром Сушила пришел в парк, вечером приехал за город. Что он делал весь день? С кем был? Почему кто-то приезжал на дачу и что-то там искал? Где то оружие, которым его убили? Ничего...

— А есть другие версии?

— Да, есть другие. Генрих, который ненавидел Сушила. Никита Пресняков и баба-яга.

— Да неужели ты не чувствуешь, что это липа! — Дронов наконец рассердился и покраснел.

— И это опять-таки только версия,— ответил С. К. — У Никитиной как раз такой характер нелепый. Кстати, она принесла бабу-ягу Богуславской после разговора со мной. Мне стало ясно, что Никитина что-то скрывает, что-то нарочно путает, и я ей сказал: «Берегитесь, вы берете на себя страшную ответственность». На следующий день она принесла эту б-бабушку.

Севка заметил, что Дронов, как только С. К. сказал, что Никитина путает, взвинтился и перестал слушать.

— Почему ты думаешь, что она путает? — спросил он, как только С. К. умолк.

— Ты читал протокол повторного допроса?

— Нет еще.

Атмосфера накалялась. Дело шло к белым кедам. Вот-вот кто-нибудь из них скажет про белые кеды, и тогда...

— По-моему,— сдержанно начал Дронов,— она очень толково описала молодого человека в белой рубашке и...

— Михаил Алексеевич,— сказал С. К.,— она ничего толком не видела: ни белой рубашки, ни...

Наступило долгое молчание. У Дронова был утомленный вид. Лицо его с глубокими, резкими чертами казалось заgrimированным.

— Что же у нас получается, Сергей Константинович? — негромко начал он.— Я строю версию, а ты ее разрушаешь?

— Именно т-так. Разрушаю, потому что строю и шь.

— Что-то я не пойму,— сказал Дронов угроמו.

— Михаил Алексеевич, ты на меня не обижайся, но ты недаром обмолвился. Ты не расследуешь, ты строишь одну версию. Отметая все, что не годится тебе как строительный материал.

Честно говоря, Севке хотелось уйти. Он переглянулся с Андреем, которому тоже было явно не по себе.

— Может быть, перенесем этот разговор? — спросил Дронов.

— К-к-как хочешь.

Они перешли к разработке плана действий на ближайшие несколько дней. Потом С. К. ушел, а Севка с Андреем получали последние указания, когда дверь открылась и вошла Инга. Уже у двери она протянула конверт и так шла с протянутой рукой, как ребе-

нок. Даже Дронов — и тот растерялся. Он взял письмо и стал читать.

— Ничего не понимаю,— сказал он, поднимая на Ингу глаза. Она молчала. Дронов прочел письмо вслух.

— Когда оно пришло?

— Только что.

— Ребята, вы можете идти,— сказал Михаил Алексеевич.

Севка взглянул на Ингу, стараясь поймать ее взгляд, но она смотрела только на Дронова, и Севка ушел.

Музыкальная школа гудела, пиликала и гремела, казалось, десятком роялей. Звонки, врезавшийся в эту разногласию, не остановил ее, а только прибавил к ней еще и топот ног, и гомон. Старший класс лавиной спуускался по лестнице. Котки среди них не было. Неужели опять не пришел?

И тут он увидел юного Сушила, который с футляром в руках спускался по лестнице. При виде Севки он остановился и сильно побледнел. Севка поднял руку в знак дружеского приветствия. Котка помедлил мгновение, а потом, дробно стуча ногами, обрушился вниз и стал перед Севкой в ожидании.

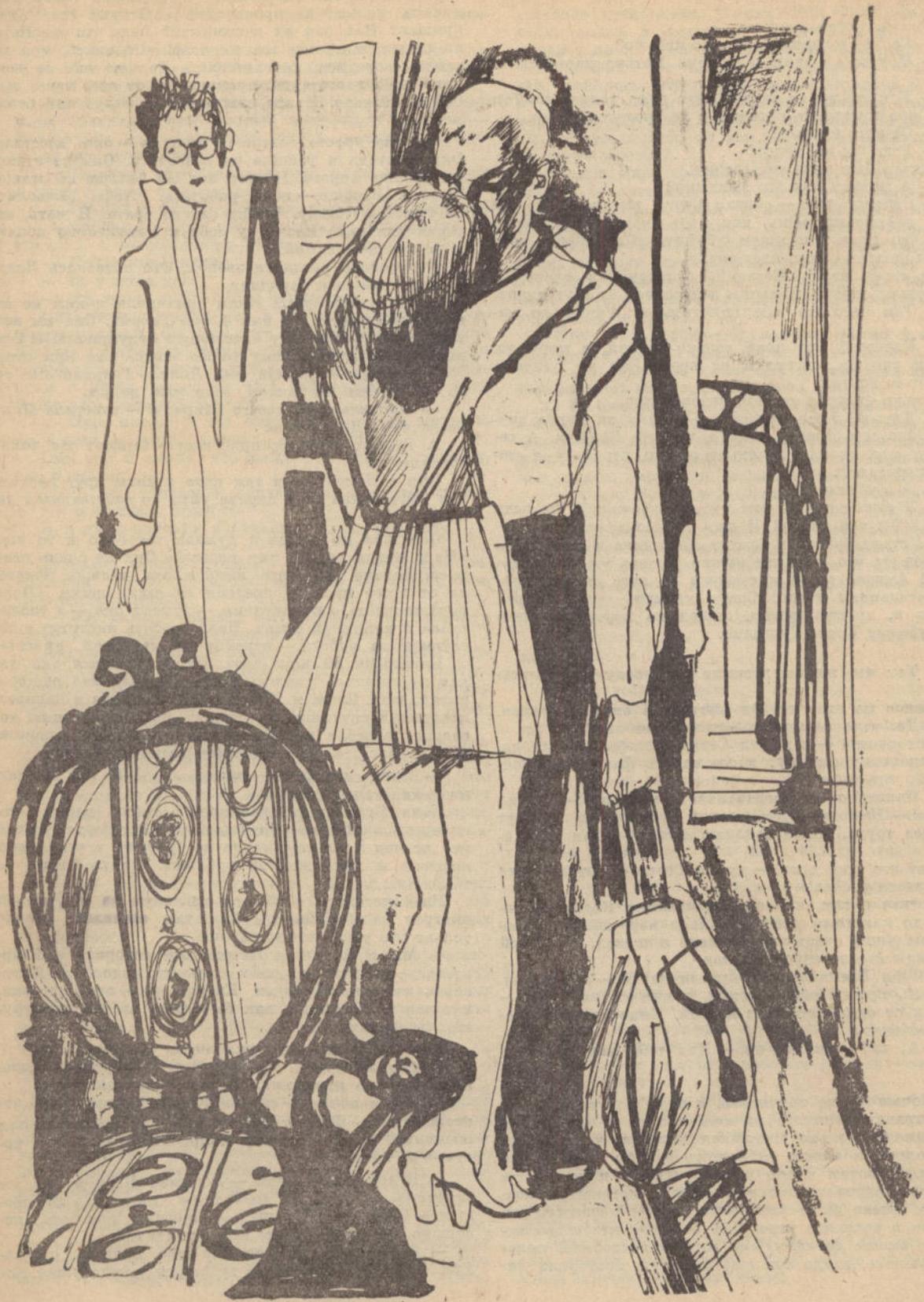
— Мне надо с тобой поговорить,— сказал Севка.— А тебе?

Котка молчал — наверно, раздумывая: уйти или не уйти.

— Не знаю,— сказал он наконец.

— Слушай, Константин, ты сам видишь, что делается... Я не знаю, что ты знаешь, но сдастся мне, что ты знаешь больше моего.

¹ Окончание, см. «Аврору» №№ 3, 4 — 1975

— Вы ошибаетесь. Я ничего не знаю.
— Я тебе не верю.
Котья пожал плечами.
— Сестра говорила тебе про письмо?
— Ничего не знаю, — ответил Котья настороженно.

— Как же ты не знаешь, что дома делается?! Тем паче про письмо, в котором и ее грозятся убить.

— От кого письмо?

— Если бы мы знали!

Котья был явно встревожен.

— А может... все это выдумка?

— Странно мне, — сказал Севка жестко, — что ты меня не спрашиваешь, как идет следствие. Странно мне, что пока мы ищем убийцу, сын, вместо того чтобы помогать нам, пьет водку...

Он стоял перед Котькой, отчеканивал слова, и с каждым словом мальчик вздрагивал как от удара.

— Так чего же вам помогать-то? Убийцу-то нашли.

— Елисеев? Это пока только версия, в которую, кстати сказать, лично я не верю. Это не Елисеев, это кто-то другой.

Котья смотрел на него недоверчиво.

— Другой! Чего другой?! — сказал он вдруг грубо. — Мне сам Дронов сказал, что это Елисеев. А сестрица моя своему Петеньке еще и передачу в тюрьму передала...

— А я убежден....

— Убежде-е-ен? В чем это ты убежден? Ты ведь врешь! Ты все врешь! И про письмо врешь!

И Котья бросился бежать. Смятение и гнев — это как раз то, что было им нужно. Теперь уж — не упустить! Андрей стоял и смотрел на него сквозь стекло магазинной двери. Севка кивнул ему, Андрей вышел и, крупно шагая, пошел по переулку, которым убежал Костя Сушилини.

— Так что же вы думаете по поводу этого письма?

Дронов не ответил. Он смотрел в окно, шурился.

— Да, дело серьезное, — сказал он наконец.

«Вот то-то!» — подумал Севка. Теперь он был даже рад этому письму: мимо такого факта не пройдешь.

— Написано на портативной машинке, — сказал Дронов. — Импортной, а какой — эксперты скажут нам без труда. Наша задача сейчас — найти машинку.

«Вот это уже дело! — думал Севка. — Вот это уже начинается работа!»

Рассказ о том, как они проследили Костю Сушилини до какого-то дома в районе новостройки, Дронов выслушал очень внимательно и сказал, что с этой квартиры нельзя спускать глаз.

— Тебя Шимановский просил зайти, — сказал он.

С. К., против обыкновения, ходил по кабинету — хромал от одной стены к другой. Лицо его было сосредоточенно.

— А, ты! — сказал он. — Для тебя как раз есть дело.

...Ночью что-то случилось, и это было во сне. Сон был странный, ничего из него она не запомнила — запомнилась только мчащаяся машина, у нее были три колеса, а вместо четвертого быстро бежали две ножки. А потом что-то плыло, живое и умное, а главное — звучали какие-то слова, которые обязательно нужно было запомнить, чтобы перенести через сон в реальное утро. Она боялась, что слова исчезнут вместе со сном, она их все повторяла, полупроснувшись, когда сон еще был тут, повторяла ли-

хорадочно, чтобы удержать, — и удержала. «Сова осердилась, пошла, не простилась...» Откуда это к ней пришло? Как она их запомнила? Ведь это же Петяка посылает ей их, это же ясно! «Оглянись, моя совушка, воротись, Савельевна...» Дальше она не помнила, но и этого чуда, пришедшего от него через сон, было довольно. И эти ножки — как бодро они бежали!

Она не просто встала с постели — она восстала. Она восстала и решила не сдаваться. Она не отдаст им больше ничего. Никого она им больше не отдаст. Никого. Вообще — надо работать. Чтобы вывзволить из тюрьмы Петьку. Чтобы спасти брата. И мать, которая тихонько плачет у себя в комнате по ночам. И не пронасть самой.

В передней раздался звонок. Это оказалась Ляля, бодрая, свежая и нарядная.

В последнее время Ляля приходила к ним не совсем бескорыстно: у них бывал Генрих. Она им восхищалась, сулила ему блестящую будущность. И Генрих стал бывать у них много чаще, чем при отце.

— Заходи, — сказала она Ляле. — Генриха мы тебе обеспечить не можем, зато чаю дадим.

— Наплевать на твоего Генриха! — ответила Ляля беспечно. — Давай чаю.

А Генрих все-таки прибежал — бывают же такие совпадения!

Они с Лялей были так явно заняты друг другом, что Инга сочла себя вправе уйти по собственным делам.

Она шла по улице и думала все одно и то же: «Надо что-то делать, так нельзя!» Она не очень ясно представляла себе, что именно она должна делать, но от этого прилива энергии ей стало легче. «Пора поразмыслить о пропитании, — думала она, — я теперь глава и кормилец семьи. Надо бросить институт и поступить на работу — перейду на вечерний, ничего».

Навстречу ей шли двое людей, которых она никак не ожидала увидеть вместе. Оживленно разговаривая, шли Клима и Коробов. Клима что-то с напором доказывал спутнику, а тот шел, по обыкновению косяком загибая носками внутрь, и как-то уклончиво улыбался. Коробов первым заметил Ингу.

— Инга, дорогая! — сказал он. — Я так жалел, что не застал вас вчера...

Пока Коробов рассказывал о своих делах, она смотрела на Клима. Он был низко острижен, только что не под машинку, давно не брит, но в идеальном костюме и выглаженной рубашке. Не то босаяк, не то денди...

Инге хотелось, чтобы он взглянул на нее, но он смотрел на Коробова и был так оживлен, словно только что узнал что-то важное.

— Мы с Виталием Петровичем говорили о Кьеркегоре, — сказал он своим сильным голосом. — Я говорю, что главная идея Кьеркегора — это материя, которая в его глазах как бы теряет свою структуру, как бы крошится...

Коробов опять стал уклончиво улыбаться.

— И если взять эту его идею жертвоприношения, — горячо продолжал Клима, — так ведь она...

— Ну, я пошел, — сказал Коробов с некоторой поспешностью. — Привет маме, она у вас замечательная женщина. На днях хочу попроситься к вам в гости — не прогоните?

— Будем очень рады, — ответила Инга и тут же заметила, что Клима собирается идти за Коробовым. — Как прокуратура? — спросила она его поспешно. Он ожил и даже весь засветился.

— Отвязались! Представьте себе, начисто отвязались! — И он обернулся в ту сторону, куда ушел Ко-

робов.— Занятый дядька,— прибавил он с сожалением.

— У меня очень странные новости,— сказала она.

— Что такое? — спросил он, забыв о Коробове.

— Я получила очень странную записку.

Он смотрел на нее, ожидая. Крутая щетина, как хвоя, облепляла его сильные челюсти, а над ней — прекрасные светло-ореховые глаза, которые смотрели на нее сверху вниз.

— Записку, где написано, что меня убьют, если я стану следить за Котькой.

— Убьют? — быстро спросил он. — А вы следили?

— Пробовала один раз... Я ведь не знаю, куда он уходит... а возвращается пьяный, страшный...

— Покажите записку.

— Ее у меня нет.

— Эх, жаль! А что в ней написано?

Инга, твердо глядя ему в глаза, повторила содержание записки. По мере того как она говорила, лицо Клима наливалось гневом, огромные ручки его сжимались в кулаки — у него были такие огромные руки и ноги, словно он еще собирался расти, хотя выше уже, кажется, некуда...

— Ну... попались бы они мне! — сказал он тяжело и тихо. — Они бы у меня... зашикали.

Она так и знала, что найдет в нем поддержку, так и знала!

— Я вам позволю обязательно, — уходя сказал Клима, и ей стало полегче.

А в душе звучали прекрасные слова про сову.

Всеволод застал Дронова в каком-то особом настроении. Что-то случилось, он сразу это понял. Что-то необыкновенное.

— На, читай, — сказал ему Дронов и протянул несколько листов, соединенных скрепкой.

Акт экспертизы. Ну ясно, если нужно делать работу для Дронова, эксперты оборачиваются быстро. Эксперт Солодова сообщала, что ей на экспертизу была прислана пишущая машинка системы «Эрика-портативная» за номером таким-то, а также машинописный текст (далее следовал текст письма, полученного Ингой). На вопрос, не выполнен ли данный текст на данной машинке, экспертиза отвечает, что ряд признаков (подробно перечисленных в акте) дает основание с уверенностью утверждать, что анонимный текст был выполнен на представленной машинке.

— Это...

— Вот именно! — подхватил Дронов. — Машинка, изъятая из дома Сушилиных. Суций ребенок эта твоя Инга! Ни малейшего представления о наших возможностях.

Тут Севка сдвинул на затылок кепку и почувствовал необходимость сесть. Он так и сидел, держа на коленях акт экспертизы. А Дронов откинулся на спинку стула и хохотал так весело и славно, что нельзя было им не залюбоваться. А отсмеявшись, сказал:

— Вот чего — и то ничего.

Дом, в котором жила Катя, был девятиэтажной башней — обойти его не так-то просто, но зато, если мысль С. К. окажется верной... Севка начал с упреда дома и дворника, но разговор с ними результата не дал. Хождение по квартирам — тоже. Кстати, квартира, соседняя с Катинной, не отозвалась на звонок... Кому не надоест бегать по этажам! Время идет, а другие дела, между прочим, стоят... Чтобы Инга сама себе написала письмо? Невероятно! Он перебирал мысленно всех, кто бывал в квартире Сушилиных. Дядя? Не может быть! Коробов? Коробов... Чисто

светское знакомство. Генрих? Это уже, что называется, теплее. А Никита — как его баба-яга очутилась у ворот дачи? Весь день и всю ночь Никита был на эксперименте. Но когда они присмотрелись поближе, оказалось, что ночью несколько часов его никто не видел... Севка добрался до девятого этажа того подъезда, где жила Катя, и позвонил. Те же вопросы, те же ответы, то же искреннее сожаление, что не могут помочь...

Письмо Инге пришло в пятницу, — думал он, спускаясь по лестнице, — оно пришло не по почте, его бросили прямо в ящик на двери. Вошли в квартиру, напечатали на машинке — и тут же, выйдя, опустили в почтовый ящик на двери. «Стоп, — сказал себе Севка и даже остановился, — почему же он все время ищет среди знакомых и друзей дома? Ведь Котькины подонки могли зайти, когда ни сестры, ни матери дома не было».

«Итак, три версии, — думал он, шагая в прокуратуру, — его писала сама Инга (это — Дронов), писали Котькины подонки, писал сам убийца. Две последние версии, быть может, сливаются в одну...»

С. К. был занят, у него сидела пожилая дама, помятая и, как видно, сильно взволнованная. В углу, положив шляпу на колени, расположился сумрачный мужчина, тоже немолодой. С. К. освободился через час, молча выслушал доклад о Катинном доме.

— Что с Котькиной квартирой? — спросил Севка.

— Живут там двое — мать и сын. Обычная история: растила одна, надрывалась, себе отказывала во всем, ему — ни в чем. А впрочем, парень кончил десятилетку, работает и даже учится в заочном вузе. Ни в чем дурном не замечен. Наблюдение пока никаких результатов не дало.

— Вот-вот, у меня то же самое...

— Слушай, есть в этом деле одно вредное обстоятельство.

— Какое же?

— П-подозрительность. Всеобщая подозрительность — и потому разобщенность. Вы с Никитой друзья по школе, почему же ты ограничиваешься одними п-протоколами допроса?! Поговори с ним... Кстати, я сегодня ездил в тюрьму допрашивать Елисеева, так он до сих пор в себя не может прийти от радости.

— А чего ему так особенно радоваться?

— Посылке, разумеется.

Оба рассмеялись. Да, Инге нельзя отказать в характере.

— Сходи к ней, — прибавил С. К., помолчав и помрачнев, — не то, может статься, ты потом никогда себе не простишь, что не сходил.

— Ну вот, — сказал Никита, — самое трудное у нас позади: каждый, как мог, изложил свои претензии, и, значит, кое-что у нас прояснилось. Не все, ясное дело, но — кое-что. А это уже кое-что. Я предлагаю такую рабочую гипотезу...

Они втроем сидели в комнате у Инги — она сама, Севка и Никита.

— Я предлагаю такую рабочую гипотезу, очень увлекательную. Представим себе — на минуту, конечно, не всерьез, — что все мы порядочные люди, что Петька не убийца, что Инга в самом деле не печатала писем самой себе, что ниточка, на которой висела баба-яга, перетерлась и что я преступлениями не балуюсь. Эта гипотеза сильно облегчит нам жизнь. Согласны?

Никита сидел на низком диване, его расставленные колени поднимались чуть не до самых ушей, глаза за очками поблескивали.

Инга сидела молча, опустив, почти закрыв глаза. «Рабочая гипотеза» Никиты ее устраивала. Она поглядывала на обоих. Они готовы были улыбнуться, но не посмели.

— А теперь — к делу! — сказал Севка.

Никита поднялся.

— У меня, между прочим, кой-какие экспериментики идут.

Севка вышел проводить его в переднюю.

— У тебя у самого есть какая-нибудь версия? — спросил он.

— Как не быть! — ответил Никита, затягивая пояс у плаща. — Есть. Только такая... славенькая, что самому боязно.

Он взглянул на Севку очень серьезно, передернул плечами, как от мороза, и ушел.

Они вместе вошли в кабинет, где все — ковер, и ряды книг, мерцающих за стеклами шкафов, и бесценный рояль — все говорило о благородном вкусе. Целый мир мысли и музыки — только без хозяина.

Севка огляделся кругом:

— Итак, за последнее время у вас бывали: Коробов...

— Генрих и Ляля.

«Ну вот, — подумал он, — опять Генрих! А может быть, он и напечатал на машинке две строчки, для этого нужна минута. Но только зачем — вот вопрос! Машинок на свете много, зачем понадобилась именно эта? Зачем? Ведь бессмысленно... Бессмысленно? Не совсем... Каждому ясно, что ни Зинаида Константиновна, ни Котья, ни Инга не причастны к преступлению. Но есть человек, которому это не кажется таким безусловным, — Дронов. Он убежден, что Инга связана с убийцей. Только для него эта ситуация и представляет интерес... Значит, записка предназначалась не только для нее, но и для Дронова? Но кому же известна позиция Дронова в этом вопросе? Только людям, близким семье. И прежде всего, конечно, Ляле. Да, она отлично знает и характер Дронова и всю ситуацию. Может быть, она это делает ради Генриха? Неужели такое возможно? А что же все-таки с Котькой? И имеет ли к этому отношение Коробов?»

— Я думал о Генрихе и Ляле... — начал он.

— Ты думаешь, что Генрих... — Инга смотрела с ужасом.

— Не знаю, — ответил он медленно.

Уже уходя, в дверях, Севка обернулся к ней.

— А Елисеев Петр Федорович, между прочим, жив и здоров. А также очень, говорит, доволен посылкой. Даже, говорит, счастлив.

И скрылся за дверью так быстро, что она ничего не успела у него спросить.

Когда он вечером пришел в прокуратуру, дверь дроновского кабинета оказалась запертой.

— Работает всюю, — сказала ему девушка из канцелярии. — Его вызвал сегодня прокурор. Говорят, сверху звонили. Долго, говорят, канителитесь.

С. К. повидать удалось ему только поздно вечером. Они теперь были так заняты, что не успевали рассказать друг другу о своих делах — только самое необходимое. Самым необходимым был разговор с Никитой.

— Так, значит, у него есть своя версия? — спросил С. К. задумчиво.

— Да. И такая, что, говорит, самому боязно.

— Боязно, — повторил С. К., — в самом деле боязно. Сказал бы ты ему: если он занимается частным сыском, пусть бы его прекратил. У нас нет сил еще и его охранять.

— Вы думаете?

— Конечно. Если он вышел на след, это очень для него опасно.

— А Михаил Алексеевич, говорят, работает всюю.

— Да, впрочем, времени у нас в обрез, — ответил С. К. — Можно сказать, почти совсем его нету.

Глава IX

Дронов повернул ключ в замке. Ну, наконец-то. Теперь можно поработать, посмотреть, чем он располагает. Сейчас он сидит за стол, где разложены материалы — протоколы допросов и очных ставок, акты экспертиз, опознаний. Бесформенное сырье, которому предстоит быть переработанным в безукоризненную систему доказательств.

Характер семейных отношений в доме Сушилиных он уже понял, анализ получится основательный: нужно показать столкновение двух миров — мира Сушилиных, мира искусства и мысли, с другим миром — мирком Елисеева, узким, душным (дебоши), где все подчинено погоне за длинным рублем (дальние рейсы). Дальше предстоит самое интересное: преступление.

Конечно, если бы Елисеев признался, следствию было бы куда легче...

Он стал набрасывать примерный текст будущего обвинительного заключения.

«Сушилини, желая наладить отношения между обвиняемым и своей дочерью, пришел в автобусный парк (что доказывается показаниями Светланы Веселковой, Трофимова и др.), после чего они оба ушли. Первоначальные показания Елисеева, пытавшегося отрицать это свидание, явно ложны, направлены на то, чтобы скрыть преступление, и опровергаются не только показаниями вышеуказанных лиц, но и собственными показаниями Елисеева, который признался в том, что солгал следствию, но причины своей лжи объяснить не смог (листы дела). Вечером двенадцатого Сушилини поездом поехал на дачу, о чем свидетельствует железнодорожный билет, вятый на вокзале в девятнадцать часов двадцать минут (лист дела). Елисеев отправился туда же, взяв машину «Волга» МОЕ 47-75, закрепленную за управляющим трестом Ложковым (см. показания самого Ложкова, его шофера Резникова, который показал, что Елисеев взял у него машину — якобы покатает Светлану Веселкову. См. также показания Веселковой, которая утверждает, что Елисеев ее двенадцатого не катал)».

Говорят, математики пишут свои диссертации на нескольких страницах — чем короче работа, тем выше она ценится.

«Приехав в поселок, Елисеев оставил машину у ворот и пошел к даче — см. показания Никитиной, которая видела, как подъехала машина, из нее вышел молодой человек среднего роста в белой рубашке и в белых кедах. Рост Елисеева 175, в тот день он был одет в белую рубашку и обут в белые кеды (см. показания Трофимова и др.) Следственный эксперимент (лист дела) подтвердил, что в это время года, при данном освещении, Никитина, имеющая две диоптрии близорукости (см. акт медицинской экспертизы), могла видеть Елисеева (см. протокол следственного эксперимента). Дальнейшие действия обвиняемого следствие может только предполагать.

Елисеев, очевидно, приехал продолжить начатый в Москве разговор и с этой целью предложил Сушилину пройтись. Ночь была теплая (см. справку метеорологов), Сушилину мог согласиться. Елисеев убил Сушилину двумя ударами ножа в спину, перевернул труп на спину, сдвинув его с места. Это доказывалось двумя пятнами крови...» На этом месте адвокат, ясное дело, взорвется, ну да ничего, все это произведет впечатление на заседателей. Главное — что это правда и неопровержимо доказано. «На месте преступления Елисеев оставил принадлежащий ему шагомер (часовой завод «Заря»). Принадлежность шагомера Елисееву подтвердили: он сам, его бывшая невеста И. Сушилина, свидетели Савельев, Резников. Попытка Елисеева и его бывшей невесты утверждать, будто шагомер был забыт Елисеевым в доме Сушилиных, опровергается материалами дела. Никто в семье Сушилиных этого шагомера не видел (см. показания З. Сушилиной и К. Сушилина), зато свидетель Савельев показал, что этот шагомер все время был у Елисеева, присоединенный к петле его спортивной куртки. Савельев пояснил также, что Веселкова также не раз видела этот шагомер у Елисеева (а знакомство Елисеева с Веселковой произошло после того, как он перестал бывать в доме Сушилиных), но что она, по его словам, боится сказать об этом следствию».

От шагомера преступнику не отвертеться.

Он писал с удовольствием, в полном сознании того, что пишет чистую правду.

«Особенностью этого дела, — писал он, — является тот факт, что была сделана попытка сбить следствие с правильного пути. Так, в прокуратуру была доставлена игрушка типа «бабы-яги», ранее висевшая перед ветровым стеклом машины Н. Преснякова. Никитина показала, будто бы нашли ее у ворот дачи утром тринадцатого. Следствие считает, что появление этой игрушки есть попытка бросить тень на Н. Преснякова. Между тем установлено, что весь день двенадцатого и ночь с двенадцатого на тринадцатое Пресняков присутствовал в институте на эксперименте. Следствие полагает, что эта попытка направить следствие по ложному пути исходит от И. Сушилиной, бывшей невесты Елисеева, сохранившей к нему прежние чувства (о чем свидетельствует факт передачи посылки Елисееву в следственную тюрьму)».

Кстати, надо будет сказать прокурору Николаю Степановичу, чтобы он, когда будет выступать на активе, про эту передачу не забыл сказать — интереснейший психологический факт!

«Чтобы создать впечатление, что убийство совершил кто-то другой, находящийся на свободе, — писал он, — И. Сушилина принесла в прокуратуру письмо, в котором будто бы грозили убийством уже ей самой (лист дела). Как установило расследование, письмо это написала сама И. Сушилина на своей машинке (см. акт экспертизы)». Вот, примерно, так.

Михаил Алексеевич писал быстро, отбрасывая от себя один за другим исписанные листы. Ну что же, когда дело дойдет до обвинительного заключения, материал у него найдется. Хватает материала.

Инга шла на свидание с Климом. Час назад он позвонил ей — сказал, что соскучился и что есть о чем поговорить.

Она заметила его издали. Он кружил у подъезда почтамта. Сколько в нем все-таки веселой силы!

— Вы знаете, — сказал он, не поздоровавшись, — они снова принялись за прежнее.

— Кто?!

— Пойдемте куда-нибудь, ладно? Тут за углом забегаловка.

Они шли молча. Он был совсем не весел, как ей это показалось издали, а взволнован и раздражен. Забегаловка оказалась большим рестораном, где было сумрачно и тихо. Они сели, и он тотчас начал:

— Они, оказывается, дела не закрыли, а ведут его полным ходом. Изучают мою невзрачную особу со всех сторон. Только лишь я немного стал — нет, не успокаиваться, а...

Он отвернулся и стал смотреть в окно.

— Я не понимаю, что же случилось, — сказала Инга. — Что же случилось?

— Так сегодня утром они опять меня вызывали.

— Чего они от вас хотят?

— А вот спросите их! — зло ответил он. — Они копают и копают. Изучили мою биографию до детского садика. — Он повернулся к ней: — Кстати, до встречи с Катей я был далеко не образцом нравственности.

— Ну, это личное дело каждого. Можете не исповедоваться.

— Была одна молодая особа, — упрямо продолжал он, — роман наш был недолг, я ей зла не желал, но она! Она возненавидела меня на всю жизнь.

— Но зачем им все это раскапывать?

— Хотят поставить смерть Кати в связь с моим моральным обликом.

— Но это...

— Статья уголовного кодекса о доведении до самоубийства.

Тут к ним царственным шагом подошла официантка.

— Знаете, — сказал Клим, — сегодня мы с вами, пожалуй, кутнем немножко. И я, с вашего позволения, немного напьюсь.

Ну что же, мысль была недурна! Они с увлечением сделали заказ.

— А денюжки? — спросила Инга, когда официантка ушла.

— О, об этом не беспокойтесь — вставить два замка...

Она рассмеялась.

— Объясните мне все-таки, почему вы, такой интеллигентный...

— Так на любой умственной работе у меня бы уставала голова, и я тогда не мог бы делать то, что люблю. А руки...

Она с удовольствием посмотрела на его руки — он заметил ее взгляд и тотчас накрыл ее руку, лежащую на скатерти, своей огромной ладонью.

— Давайте немного отдохнем, ладно? А то...

Официантка расставила бутылки, фужеры, приборы и ушла. От предвкушения пиршества оба повеселели.

— Когда-то вы обещали мне прочесть свои стихи.

— Как давно это было!.. — Он разливал вино. — В сущности, если бы не наши беды, я многое мог бы вам сказать.

— А именно?

— Про Венецию. Вы тогда на меня рассердились, но, честное слово, не многие из нас, мужчин, могут без сердечной травмы перенести такое сочетание темно-рыжих волос и зеленых глаз.

Оба рассмеялись.

— Клим, милый, если бы не беды, я была бы рада вашим словам, а так...

Он вдруг наклонился через столик и сказал горючо:

— Слушайте! Давайте сегодня проживем вечер — два часа! — так, словно мы не погорельцы. А? Всего два часа, не так уж много.

— Бряд ли у нас получится! — сказала она, подумав немного.

— Ну, пожалуйста!

— Выпьем, — сказала она решительно и печально.

— Выпьем, — ответил он.

Но веселья не получалось. Напротив, чем больше Инга пила, тем больше ей хотелось говорить именно о том, о чем они условились не говорить: она тут пьет и закусывает, а ее Петька...

— Клим, милый, если бы вы знали, как я без него тоскую!

И тут что-то произошло. Клим перестал есть, лицо его стало каменным.

— Не понимаю, — сказал он.

Она рассердилась:

— Но вы же совершенно его не знаете...

— Так не надо и знать — достаточно того, что мне рассказывала Катя. Этот обед у вас... Я видел, какая вы, и вдруг этот... Петя... Убейте меня, не пойму! Когда его арестовали как убийцу вашего...

— Петька не убивал моего отца, — сказала она через силу.

— А шагомер?

— Ну как вы можете! Ведь этот же шагомер все время был у меня! У меня дома!

— Как же так? — спросил он в недоумении.

— А так! — Она усмехнулась. — Он был у меня, и как он мог очутиться там...

Он был совершенно сбит с толку.

— Вот видите, — сказала она печально, — даже на два часа у нас с вами не получилось...

Он проводил ее до дому.

Дома оказалось, что ее просили позвонить по такому-то телефону. По такому-то телефону оказался следователь Шимановский.

Он был худ, невысок — она это заметила, когда он с трудом поднялся из-за стола, чтобы протянуть ей руку.

— Я вызвал вас по делу о самоубийстве Екатерины Павловны.

Инге сразу вспомнилось измученное лицо Клима. «Ну, погоди, — подумала она, — сейчас ты увидишь, что мы своих не выдаем».

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Первый: вы знали, что у Екатерины Павловны был муж?

— Никто этого не знал. Она запрещала ему говорить кому-нибудь, что они муж и жена.

— Откуда вам все это известно?

— От него. Он рассказывал мне — уже потом.

— А как вы с ним познакомились?

— Он пришел к нам в дом.

— Его привела Екатерина Павловна?

— Нет, Ляля — как ее? — Богуславская.

— Когда Климовский пришел к вам в дом, пытался он за вами, ну, что ли, ухаживать?

«А! — подумала она злобно. — Знаменитое моральное разложение?» И сказала вслух:

— Нет, он никогда за мной не ухаживал.

— А когда он пришел к вам, Катя была у вас в доме?

Конечно, Катя была и, как всегда, была занята только отцом. А Клим был занят только ею, Ингой.

И тут в первый раз все это показалось ей странным. В тот вечер она Климу понравилась, он весело и внутренне свободно шел ей навстречу, и стояло ей со своей стороны сделать один только шаг...

— И все-таки, Инга Кирилловна, вспомните — не было ли с его стороны, ну, скажем, романтических сигналов?

Она молчала. «Сигналы», разумеется, были, но какое все это имеет отношение к прокуратуре?!

— Нет, — сказала она.

Он ей не поверил. Ну, что же, это ваше личное дело, товарищ следователь, можете верить, можете не верить.

— Вы виделись с ним потом?

— До последнего времени — нет. Только раз, мельком. Я шла по улице с одним знакомым...

— Вы не можете сказать — с кем?

— С Елисеевым, — сухо сказала она.

Наверное, этого имени он и ждал. Он смотрел на нее в упор.

— Елисеева обвиняют в убийстве вашего отца. Вы верите этому?

— Нет! — сказала она и вдруг, подавшись к кому-то неясному чувству, спросила: — А вы?

— Я тоже полагаю, что эта версия не нашла пока подтверждения, — спокойно ответил он.

Тут она очнулась. Ее покупают, это ясно.

— Итак, вы с Елисеевым шли по улице и встретили Климовского. Что же было дальше?

— Да ничего. Он от встречи уклонился.

— А подробней никак нельзя? — вдруг спросил он сварливо, и она невольно улыбнулась.

— Ну что я могу сказать! Он нас увидел, на лице у него не отразилось никакого удовольствия, и он перешел на другую сторону.

— Сильно он был раздосадован, как вы думаете?

— Правду говоря, порядочно, — ответила она с улыбкой.

— Ну, а теперь слушайте. — Он совсем домашним движением подпер голову ладонью и начал: — Я хочу вам рассказать, как идет у меня расследование этого дела. На первый взгляд, оно не представляет никакой загадки. Катя была, конечно, человеком психически не совсем здоровым, об этом говорит и экспертиза; записка, оставленная ею, несомненно ею и написана. Но нас, как и всех, поразило появление этого никому не известного мужа. Он принес нам ее дневник, много говорил об их духовной близости. Но мы стали замечать — как бы это сказать? — перепад между их культурными уровнями. Более того, мы заметили, что он подчас просто не понимает, что она пишет. Возникло сомнение в этой их духовной близости.

— Но ведь он сам очень интеллигентный парень!

— В этом мы тоже несколько засомневались. Но дело совсем не в том. Перепад культурных уровней сам по себе ни о чем не говорит, насторожило нас другое. Он утверждает, что они с Катей уже несколько лет как женаты, а расписались они только тогда, когда она получила новую квартиру. Но вот что самое удивительное... у-у...

У него заскочило слово, он стал помогать себе бровями, и только тут Инга заметила, что он заикается.

— ...дивительное. В течение тех четырех лет, что они женаты, он на прежней Катинной квартире — коммунальной — никогда не бывал, и в течение этих четырех лет у него было и-и-не-сколько очень бурных романов. Один — с молодой девушкой.

— Он мне рассказывал. Она его люто ненавидит.

— Ну, это, что называется, их дело. Интересно другое: эта девушка была дочерью знаменитого артиста, она была влюблена...

— Ну и что же тут такого — он тоже был влюблен,

— Да, но он был уже женат на Кате. Будто бы. Он тогда поспешно поставил вопрос о московской прописке, девушка стала вести себя в семье очень странно, грозила подать в суд на раздел площади, что в этой семье было делом неслыханным. Чувствуя свою силу, Климовский ставил жесткие условия, но папа оказался сильнее. Словом, тут отбились.

Он внимательно посмотрел на нее.

— А, понимаю. Вы сейчас думаете примерно так: всю эту историю можно было бы рассказать и по-другому: двое любили друг друга, но вмешались родители, не пустили его в дом, разлучили влюбленных. Но вся беда в том, что у Климовского буквально через неделю — я проверял по дням — возник новый роман, на этот раз с молодой женщиной. Это была очень интеллигентная женщина, искусствовед, у нее была прекрасная квартира, где Климовский, говорят, очень скоро стал хозяином. Бедная женщина-искусствовед спала с лица, стала хворать, но, по счастью, у нее были родственники, взрослые дети, которые выдворили его из квартиры.

— И все это может быть доказано?

— Документально. И каждый раз вмешивались родственники. У Кати Штиглиц родственников не было.

Инга молчала, он с любопытством смотрел на нее.

— Вот почему, — продолжал он, — я не поверил, когда вы сказали, что Климовский не пытался за вами ухаживать.

— У меня нет отдельной квартиры, — сказала она, усмехнувшись.

— Э-э, тут дело вовсе не так просто. Ему хотелось не только укрепиться в Москве, ему нужно попасть в интеллектуальную элиту. Катя не хотела вводить его туда — не знаю, почему, но не хотела, а вы дочь Сушилиных...

— А при чем же тут дело о самоубийстве? Не хотите же вы сказать...

— Я еще пока ничего не знаю. Единственное, что я могу сказать с точностью, — в этом молодом человеке огромная энергия с огромной жадностью жить за чужой счет. Не в смысле денег, нет, их он шутя зарабатывает разного рода халтурой. У него страстная жажда жить жизнью талантов, дышать атмосферой одаренности, в то время как у него самого... Кстати, он показывал вам свои стихи?

— Нет.

— Видите, как интересно. Все знают, что он пишет стихи, и в слесаря-то пошел, чтобы ему ничто не мешало, только вот стихов его никто никогда не видал. Так вот, этот парень соединяет в себе бешеную энергию и — я думаю, что не ошибусь, — совершенное бессердечие.

Она задумчиво покачала головой:

— Не думаю. Напротив...

— Вы не говорили ему про полученное письмо? — Которое я написала себе самой на своей собственной машинке?

— Нет, — отвечал он невозмутимо, — то, что было опущено в ваш ящик неизвестно чьей рукой.

Ну, ладно, она не станет с ним больше воевать.

— Я, конечно, сказала ему про письмо — он был просто взбешен. Даже кулачищи сжал.

— Расскажите мне как можно подробнее.

— Наша встреча сегодня была не из самых удачных, мы почти поссорились.

— Из-за чего?

— Из-за моего Петьки, разумеется. Из-за чего же я теперь со всеми рассорилась! Ну а Клим по природе своей, я думаю, очень ревнив — он так и взвился и стал убеждать меня, что Петька убийца.

— Откуда он о нем знает?

— Ну, во-первых, Катя. Она рассказала ему про обед.

— Он так и говорил, что ему рассказала Катя? — Тут она заметила, что он смотрит на нее как на несмышленного ребенка.

— Конечно. А что?

— Инга Кирилловна, когда у вас был тот обед, Кати уже не было в живых.

Она была растерянна.

— Ну... ему мог рассказать кто-нибудь другой. Ляля...

— Сейчас мы это дело проверим. Вы знаете телефон Богуславской?

Он снял трубку и набрал номер.

Богуславская совсем не видела его с тех пор... Познакомились они, когда он обивал входную дверь ее квартиры, и очень хорошо, говорит, обивал. Безумно кокетничал, на следующий день позвонил, напросился в гости, а когда узнал, что она вхожа в дом Сушилиных... Но лишь только она его привела, тотчас про нее забыл...

— Пойдите! — воскликнула Инга. — Мы же с вами забыли Коробова!

— Это мы с вами тоже проверим.

Она и не заметила, как они стали говорить «мы с вами».

— Но вернемся к вашему разговору с Климовским. Он убеждал вас, что Елисей виноват. Как же он это аргументировал?

— Шагомером.

— Что-о-о?

— Я ему говорю, что шагомер...

Она не закончила. С Шимановским что-то случилось.

— Ш-ш-шаг-г-г... — Стало видно, что он жутко заикается. Инга смотрела на него, и ей становилось все страшнее. В самом деле, откуда Клим мог знать про шагомер?

— Уж про это он не мог у К-к-коробова. Это значит, у него есть информация непосредственно от нас, либо...

И в это время вошел Севка.

— Ну, брат, — сказал С. К., — ты к нам вовремя. Мы тут не с-с-скачали.

— Да и я не скучал, — ответил Севка.

...Они сидели втроем и ломали голову над тем, как быть дальше.

— Ну что ж, — сказал Севка, — остается второй вариант.

— Да ведь рис-с-скованно, — сказал С. К.

— Не очень, — сказала Инга. — Да и вы будете неподалеку.

— Ну, хорошо, — решил С. К., — напишите ему письмо. Кстати, он всех просит писать ему письма. Хочет «иметь почту». Пусть у него будет почта.

А Дронов у себя в кабинете все строчил. Строчил и отбрасывал исписанные листы.

До прихода Клима оставался час. Котьки дома не было, мать нарочно вызвали в прокуратуру, а Севка уже сидел в отцовском кабинете. Обе двери она оставила открытыми — ему все будет видно и слышно. Ловушка! Ловушка по всем правилам. Бр-р-р!

Инга пошла в кабинет к Севке и спросила:

— Надеюсь, он не станет меня тотчас душишь?

Севка ухмыльнулся:

— Будем рассчитывать на его интеллигентность.

И все-таки в душе она надеялась, что вся эта история разрешится каким-нибудь простым и благополучным образом. Она вышла на балкон. Солнце

шло к закату, на него наплыли синие облака, края облаков пылали золотом, словно их обожгла молния. «Все правильно, — думала она, — главное, бороться, если попала в беду, главное, не сдаваться».

И тут в передней раздался звонок.

Клим пришел веселый и с цветами — четырьмя одинаковыми темно-красными розами.

— Где у вас ванная? — озабоченно спросил он и через минуту вышел из ванной, высоко держа цветы в крупных водяных каплях.

— Заходите, Клим, нам надо поговорить.

Эта первая фраза была у них заранее согласована. Зато как несогласована была она с розами в каплях воды!

Он внимательно взглянул на нее, тотчас положил розы на стол и пошел следом за ней в ее комнату.

— Клим, — начала она, не глядя на него. Она ходила по комнате, а он сидел в кресле и с удивлением водил за ней глазами. — Я много думала над нашим последним разговором. И должна вам сказать, что одна вещь в нем меня... поразила. — Она вдруг остановилась перед ним. — Я хочу знать: откуда вам известно про шагомер?

Он приподнял плечи и по своей привычке поискал глазами где-то на потолке.

— Господь с вами, Инга, вы же сами мне об этом сказали!

— Я?! Я никогда вам об этом не говорила.

— Но вы забыли! Вспомните! Вы же сами...

— Когда это было?

— В том же самом ресторане.

— Но этого никогда не было!

— Боже мой, что делает с женщинами коньяк! Ну вы же!.. Вы же сами стали мне рассказывать, какие есть улики против Петьки...

— Но ничего этого не было!

Такой разговор мог продолжаться до бесконечности. Клим сидел и тихонько раскачивался, глядя перед собой невидящим взглядом. «А что, если я и в самом деле что-то напутала? — думала она. — О боже мой, что делать? Севка так близко, а не посоветуешься».

— А откуда вы узнали о том обеде? — спросила она.

Он вздохнул тяжело и глубоко.

— На днях я уже был в прокуратуре и получил свою порцию допросов. У вас, признаться, я хотел от них отдохнуть.

«Но он же прав!» — с ужасом думала она.

— И все-таки? — В голосе ее не было никакой уверенности.

— Ох, теперь я уж и не помню, — сказал он без всякого интереса. — Сперва я думал, что мне рассказала Катя, но потом вспомнил, что тогда ее уже не было на свете. Наверно, Коробов, он очень болтливый господин.

Голос его звучал устало и равнодушно.

— Вы знаете, — сказал он вдруг, — я, пожалуй, пойду. Мне сегодня... нехорошо что-то на душе.

«Что делать? Что делать? Ведь прямо по живому режу! Но и С. К. серьезный человек, и то, что он мне рассказал... Ну, попробуем!»

— Вы, конечно, можете уйти, но я считала своим долгом поговорить с вами до того, как...

Он повернулся к ней и взглянул высокомерно:

— До того, как — что?

— До того, как сообщить о том нашем разговоре в прокуратуру.

«Что он сейчас сделает? Что сделает?»

Он постоял-постоял, подумал-подумал и вышел из комнаты.

Когда за ним захлопнулась дверь, Инга кинулась к Севке.

— Что это было?! — крикнула она. — Что это было?

— Я и сам не знаю, — ответил он.

На столе в столовой лежали четыре розы. Они были такие свежие и упругие, что даже не лежали, а стояли, топорщась, на листьях. И капли на них еще дрожали.

Вот когда им с С. К. пришлось призадуматься!

— Как вы думаете, что он сейчас делает?

— Думаю, места себе не находит. Допрос, который показал, что мы изучили его поднеготную, потом обмолвка с шагомером. Он, конечно, решил, что она не заметила, а если и заметила, то есть объяснение — оба они тогда выпили... И вдруг — угроза!

— Как вы думаете, он решится?

— Не знаю, — ответил С. К. задумчиво. — Не знаю. Во всяком случае, с Инги глаз не спускать. Только еще не хватало...

По правде сказать, Севка до сих пор не мог понять, что произошло тогда у Инги, зато он очень хорошо помнил, что произошло в Катинном доме, когда он был там в последний раз.

В который раз бегал он по лестницам и решил еще раз позвонить в квартиру, соседнюю с Катинной, где до сих пор никого не было. И вдруг — шаги. Ему открыла дверь пышная загорелая дама, туго обтянутая платьем. Она как будто даже обрадовалась его приходу, на вопросы отвечала охотно, а в фотографию так и впилась.

— Ну! Кто же его не знает! Это Сушилини! Да проходите, пожалуйста, проходите, мы с Павлом Григорьевичем только что вернулись.

Она пошла в комнату, Севка за ней. Она была толстой, крепкой и туго обтянута платьем. Ее ноги стремительно сужались к лодыжкам, так что туфельки ступали как свиные копытца.

В столовой сидел такой же крепкий Павел Григорьевич.

— Посмотри! — сказала она возбужденно. — Это же Сушилини! Помнишь, мы были на его концерте?

— Очень оригинально играет, — сильно окая, сказал муж.

— Ну, еще бы! Это наш выдающийся пианист! И знаете, я его в жизни видела. До чего же он в жизни хорош! Да вы садитесь!

Осторожно, не спуская с дамы глаз, словно она была птицей, готовой улететь, Севка сел на стул.

— Где же вы его видали? — спросил он.

— Представьте себе, в подъезде нашего дома. Интересно?

Еще бы не интересно!

— А в чью же квартиру он шел? — спросил Севка сипло.

— А в ту, где жила эта бедняжка. Помнишь, Павел Григорьевич, которая отравилась?

— Оригинальная была особа, — сказал муж.

Они были на курорте и ничего не знали о смерти Сушилини.

— Кушайте винограда!

— А когда, интересно, это было?

— Когда он приходил? Сейчас скажу! — Она на минуту задумалась. — Мы уезжали тринадцатого. Я еще делала уборку, выбежала на лестницу в жутком халате, — она раскинула ладошки и осмотрела себя — ту, какой была тогда, в жутком халате. — Иду с ведром к мусоропроводу, и вдруг... навстречу мне — он. Я со своим ведром жмусь к перилам, он тоже

повернулся так, боком — так мы и прошли. У меня даже сердце забилося. А он, между прочим, даже улыбнулся прохода — ничего, мол, все в порядке. До чего же он хорош!

— Так когда же это было?

— Так я же вам говорю: тринадцатого мы уезжали, убиралась я накануне. Значит, это было двенадцатого.

Севка смотрел на нее с восторгом. Как он любил эту женщину, крепкую, загорелую, веселую, на свиных копытцах!

Только тут Павел Григорьевич задал тот вопрос, которого Севка давно ждал:

— А вам все это, собственно, зачем?

— Да, — очнулась и она. — Почему вы нас об этом спрашиваете?

— Сейчас, — сказал он. — А пока еще вопрос. Сушили был один?

— Один.

— И еще: до тех пор вы видели его в доме или около?

— Никогда.

— И еще: вы ездили в отпуск по путевкам?

— Да. Но все-таки — зачем...

Он был уже в дверях.

И вот теперь они с С. К. сидели и думали, что им со всем этим делать.

Кажется, все они продумали и предусмотрели. У Ингиного дома милиционер в штатском дежурил день и ночь. Все как будто подготовлено толково. И все-таки покоя на душе не было.

— Напомни Никите, — сказал С. К.

— Да что вы, Сергей Константинович, он никогда не забудет.

— У него в эксперименте атом за молекулу зацепится, он и поз-забудет.

А Севка тут почему-то вдруг вспомнил про прабабку Кармелу.

— Идиот! — воскликнул он. — Кретин! Как же я раньше...

Как все это будет, Инга не знала. Она знала одно: сегодня она «идет в прокуратуру доносить». Какую выгоду хотят извлечь из этого действия С. К. и Всеволод, она толком не представляла себе, но полагала, что этого ей и знать не следует. Пусть за нее решают умные мужчины.

Собственно, сообщать о грядущем походе было некому. Матери говорить она не собиралась, а знакомых никого не было, забежала только Нелли.

— Ты что это задумала?! — с изумлением возопила она.

— Надо! — сказала Инга со всей возможной значительностью.

— Слушай! — зашептала Нелли. — Не связывайся ты с ними!

— Надо! — еще более значительно сказала Инга.

— Я тебя умоляю! — воскликнула Нелли, но Инга была непреклонна. — Тогда и я с тобой, — сказала Нелли, но по ужасу, написанному на ее лице, можно было заключить, что для нее это — хуже казни.

Инга закрыла глаза и покачала головой — нет.

Остался еще телефон. Она позвонила Коробову и Ляле...

И вот час пробил — пробил буквально, на французских часах в столовой. Она вышла в столовую и только тут заметила, что у часов белеет бумажка. На бумажке было написано: «Не ходи».

Только тут она поняла, что затея, в которую вступалась, куда серьезней, чем она предполагала. Осторожно, чтобы не видела Нелли, она заложила бумажку в книгу — чтобы потом показать С. К. Но как до него далеко! Какой длинный путь по улицам!

— Я скоро приду! — крикнула она матери и, провозжаемая ужасными взглядами Нелли, вышла на лестницу.

И вот она уже идет своим переулком — тихим переулком, почти всегда пустым. Вот автоматная будка, которую Петька тогда чуть было не увез с собой и потом из нее же звонил, вызывая Ингу из дому. Сейчас тут какой-то парень — тоже, наверное, звонит своей девушке. Она шла переулком и думала, что он, такой тихий, полон сейчас жизнью, несильной и злой.

Севка стоял в подворотне и видел одновременно Ингину подъезд, автоматную будку и начало переулка. Рядом курил милиционер Синицын. Инга прошла как раз мимо них. Она была в коричневом костюме и коричневых туфлях. Лицо сосредоточенное. Только сейчас Севка заметил, как сильно она похудела.

Она шла быстро, и было слышно, как стучат каблуки.

И тут в начале переулка из-за угла выполз «Москвич» и двинулся за Ингой... Ну... теперь глаз да глаз!

Но что такое? «Москвич», как-то странно виляя, чуть было не задел дерева, наконец подполз к автоматной будке и нерешительно встал.

Из автомата вышел Андрей — как раз перед машиной. Севка и Синицын тоже подошли к ней.

— Ваши документы попрошу, — сказал Синицын.

— А что мы такого сделали? — нарочито плаксиво сказал юнец, что сидел за рулем.

— Попрошу водительские права, — повторил милиционер.

— Мы, кажется, ничего не нарушили, — сказал другой парень довольно спокойно. — За что вы нас остановили-то?

— За угон машины, надо полагать, — улыбаясь, сказал Синицын.

Парни были очень бледны.

Севка догнал Ингу на улице. Она шла все так же сосредоточенно.

— Знаешь что, — сказал он ей, беря ее под руку, — зачем нам идти в прокуратуру, пойдем лучше погуляем. Сейчас, конечно, в самый бы раз в кино пойти, да у меня пока еще времени нет.

А в бывшей Катинной квартире шел обыск. С. К. сидел за столом и по листочку разбирал бумаги, вынутые из ящика.

— Все равно вы ничего не найдете, — спокойно говорил Климовский. Привалась плечом к стене, он стоял в свободной позе отдыхающего спортсмена, легко оперев о бедро свою большую кисть.

— Найду-у-у, — тянул С. К., не отрывая глаз от бумаги.

— И ничего вы никогда не докажете.

— Докажу-у-у, — так же бодро и невнимательно тянул С. К.

Климовский усмехнулся и лениво повернул голову. В дверях стоял сотрудник розыска.

— В кухне и чулане ничего, Сергей Константинович.

— Еще бы, — сказал хозяин квартиры.

— Книги там какие-нибудь есть? — спросил С. К.

— Лежит стопка.

— Пролистайте каждую, нет ли чего между листами.

— Пусть я ей всыпал полкило цианистого калия в чай, — сказал Климовский, — все равно вы ничего не докажете, если есть ее записка.

— Дока-а... — машинально начал было тянуть С. К. и вдруг умолк. Он внимательно читал какую-то бумагу. — Товарищи понятия, — крикнул он в дверь, — прошу вас сюда.

А Петька как раз в это время понял, что потихоньку сходит с ума. До сих пор он кое-как держался, рассчитывая, что правда восторжествует. Но теперь он знал, что следствие идет к концу и что у Дронова улики достаточно, чтобы подвести его под вышку. И вдруг он впервые и реально почувствовал рядом — смерть.

На этот раз они собрались в кабинете С. К. И Дронов был тут — недвижимый, мрачный, и лицо его казалось резко заgrimированным.

— Как вы догадались о черновике? — спросил Севка.

— Я с самого начала предполагал, что он должен быть, — ответил С. К. — Катя свое последнее письмо Сушилину вряд ли написала бы сразу...

— Странно, что он его не уничтожил, — сказал Дронов.

— Да просто о нем не догадывался!

Катино письмо лежало на столе, каждым из них уже раза по три прочитанное.

«Кирилл Викторович!

Я ухожу (далее зачеркнуто: «Вы читаете это письмо, а меня уже нет. Странно, правда?»). К Вам это не имеет ни малейшего отношения, поскольку моя жизнь не имеет отношения к Вашей, и в этом моя беда. Словом, я ухожу. Почему? Да с жизнью у меня не получается. Вы знаете, мне дан дар от природы — видеть. О, как ясно, как отчетливо я вижу — порой даже предвижу! Одного дара мне не дано: действия. И противодействия.

Мир от меня — как за стеклом. Напоминает это также давно уже описанное состояние сна, когда видишь опасность, но недвижим. А если говорить попроще — мне не хватает простой, обыкновенной воли, которая есть у всех людей. А мир — вы знаете, он очень активен... Во всяком случае я если и была от него отгорожена, то не была ограждена. Он вошел в мою жизнь... Не успели мы то да се, поговорить о литературе, как он оказался в моей квартире законным прописанным мужем. У меня было отнято последнее мое убежище, куда я уползала от людей (здесь листок был оборван).

...Нет больше сил. Я знаю, он хочет, чтобы я это сделала, он просто терпеливо ждет. Нет, знаете, уже нетерпеливо... хватка железная, а мой запас душевных сил кончился. Видно, невелик был... Я придумала себе такую свободу — дневник, где живу вне его власти и где один только Вы, только с Вами я разговариваю. Каким это стало счастьем! Я могла говорить все, что в голову придет, а Вы слушали меня внимательно, со свойственной Вам учтивостью. Даже иногда что-то отвечали. А вечером я приходила к Вам домой, видела Ваше прекрасное лицо и была уверена, что Вы помните, о чем мы с Вами только что разговаривали. Как мне было хорошо! И знаете, дорогой, тут я была не так уж слаба. Он требовал от меня, чтобы я ввела его в Ваш дом, я во многом ему уступала, но тут... Он чувствовал, что его власть надо мной тут кончается... Но однажды... Ох, до чего не хочется, но без этого Вы ничего не поймете. Однажды, вернувшись домой, я увидела, что дневник, который я всегда прятала, лежит на столе от-

крытый — я его забыла! Сперва я испугалась — если я могла так его забыть, значит, со мной что-то очень уж неладно. Потом я увидела на полях какую-то короткую фразу. Я не стану ее Вам повторять. Она низка. И справедлива. Говорят, иные птицы, если дотронуться до их гнезда, в него уже не возвращаются. Так и мне трудно взять в руки мой дневник. Я пишу Вам потому, что не могу не писать. Но есть у моего письма и чисто практическая цель. Он прополз в Ваш милый дом — еще один (и главный) выход в жизнь для меня закрылся. Но есть и другое: мне дорога Инга, а он подошел и к ней. И вот я Вам пишу: гоните! Это жизнеопасно!

Самое главное в том, что Вы уезжаете надолго, Вас мне не дожидаться, не хватит сил. И вот я решила уйти, пока Вы еще здесь...

Не сердитесь! Мир не много потеряет, а мне — уверяю Вас, дорогой, дорогой! — мне станет легче. И если...»

Письмо на этом обрывалось.

Дронов допрашивал Леонида Кривошеина, того самого паренка, что вел тогда «Москвич». Кривошеин был бледен, страшно напуган, и все же по глазам видно было, что плут.

— Валерка говорит: «Давай покатаемся», — рассказывал он. — Я, говорит, знаю тут один «Москвичок» без присмотра, я к нему, говорит, могу ключ подобрать. Ну, я... — Парень помялся, покрутился, пожал плечами. — Почему не покататься...

— А почему вы поехали кататься именно в этот переулок?

— Так ведь надо же куда-нибудь ехать.

— Послушай, Леонид, а ты знаешь, что за машиной следят? Ты знаешь, что на ней уже совершили преступление?

— Это какое же такое преступление?

— Да вроде бы убийство.

Глаза парня загорелись злым блеском.

— Во-о-от вы чего хотите! — крикнул он.

— Постой, постой, — сказал Михаил Алексеевич. — Я тебя спрашиваю: Валера тебе сказал, кого вы должны встретить?

— Какое убийство? — говорил Лёня, не слушая. — Мы ведь только припугнуть хотели!

— А кого?

— А почему я знаю, кого!

— А зачем же пугать-то было?

— А чтобы не лягавила, вот зачем. Не доносила.

— Кому, куда, на кого?

— На одного хорошего парня — в милицию... Я этих лягавых...

— А что это значит — хотели напугать?

— Что значит! Ну, мы стали бы ей поперек дороги: куда, мол, гражданочка, идете?

— Ну а если бы она была не одна?

— Она всегда одна ходит, мы за ней смотрели.

— Ну а если в переулке в это время кто-нибудь был бы? Ведь не деревня все-таки — Москва, народу много.

— А переулок тихий, а если кто и пройдет, то мы бы действовали смотря по обстановке.

— Как хоть ее зовут-то, кого вы задержать хотели?

— А я почему знаю!

— Слушай, Леонид, тут дело нешуточное. Кстати, откуда вы узнали, что она идет в милицию?

— Мне Валера сказал.

— А он откуда узнал?..

— А я почему знаю!

Только на третьем часу допроса Дронов узнал наконец, что парни договаривались между собой толкать Ингу в машину. А уж в машине с ней поговорить. Но убийство? Нет... Хотя таких и убить не жалко, ради нее, падали, они в тюрьму не собирались.

А Валерий на допросе у Дронова решительно все отрицал. Никаких намерений у него не было. А угон машины? Он не знал, что за это судят.

— Значит — нет? — говорил Дронов.

Парень молчал и только с ненавистью смотрел своими узкими, сдвинутыми к переносице глазами.

— Она же совершенная овца, — говорил Севка. — Если она в самом деле знакома с Климовским, тому ничего не стоило заставить ее сделать все что угодно.

— Сейчас посмотрим, — сказал С. К.

И вот Нелли вошла и села. Она села, потом, как видно, подумала, что, садясь, помяла юбку, — приподнялась, провела руками под собой и села опять. Все это время глаза ее были с готовностью устремлены на С. К. Впрочем, с Севкой она поздоровалась отдельно и как бы потайнью, полуприкрыв потихонечку глаза. «Боже, какая идюстка!» — подумал он.

С полчаса заняли формальности и попытки заставить Нелли повторить все то, что она знала о смерти Сушилиной.

— Нелли Михайловна, — сказал наконец С. К., — вы умеете печатать на машинке?

Она взглянула на него и вдруг расхохоталась.

— Ну, я же это, я! — воскликнула она как бы даже и в восторге. — Неужели вы сразу не догадались? Я ее напечатала, я же ее и в ящик сунула. Можно, я закурю?

Севка смотрел на нее и не узнавал. Да и что он знал о ней, собственно? Ее привел к Сушилиным Никита, и она стала тут фигурой несколько комической. Сушилины есть Сушилины. Ляля — крупный московский адвокат. Генрих — блестящее будущее. Никита — блестящее будущее. И Нелли? Не то касьярша, не то билетерша...

«Да, поневоле замыкаешь, — вдруг подумал он. — А может, она загоразивалась от нас этим самым мяуканьем?»

— Ну что вам рассказать? — спросила она добродушно. — Ведь все это надо долго рассказывать!

— Мы не спешим, — сказал С. К., и она довольно усмехнулась.

— А ты молодец! — сказала она Севке. — Как же это ты догадался?

— Когда вдруг вспомнил миниатюру. Кармела!

— Да нет, небось это тебе ваша юрфифа сказала. Ясное дело — она. Все за мной последнее время следила. И видела, как я в кабинет бегала. — Она помолчала и улыбнулась. — А похожа, да? Почему-то никто, кроме нас с Константином, этого не замечал. Я думаю, что если бы не это мое сходство с прабабкой, он не влюбился бы в меня так сильно. Он прямо с ума по мне сходил.

Она стяхнула пепел и, не выпуская из пальцев сигареты, окватила локти кистями рук.

— Вам, наверно, все хотелось бы знать? — спросила она.

— Ж-ж-желательно, — ответил С. К.

— Может быть, все произошло от самолюбия моего? — сказала она нерешительно. — Самолюбивая я чересчур... — Она доверчиво улыбнулась: — И еще я очень властная.

— Ну и что же получилось из этой вашей властности? — спросил С. К., тоже улыбаясь.

Она вдруг присвистнула, давая этим понять, что очень даже многое из этого получилось.

— Да что там! — Она ткнула недокуренную сигарету в пепельницу. — Я их ненавидела. Вы знаете, я их так ненавидела... — Она подумала, покачала головой и прибавила: — До обморока.

— Ну и что же? — с любопытством спросил С. К.

— Так ведь сил же нет, честное слово! — заговорила она с горячностью. — Ведь мои «мяу» и «гав» это же сама мудрость по сравнению с ихними: «Ах, прекрасное вечно! Ах, ручки не горят!»

— А может быть, тут есть смысл, и даже глубокий?

— А, ерунда, — ответила она, махнув рукой.

Она вдруг успокоилась и сказала миролюбиво:

— Надоела же болтовня, честное слово!.. Кстати, мой Валера столько не матерится, сколько ихняя Ляля. Современные женщины! Да если хотите знать, я куда современнее.

— А кто такой Валера? — спросил С. К.

— Ох, — она слабо махнула рукой, — проболталась! Это парень с моего прежнего двора... Злой, как овчарка, особенно если выпьет. — Она опять подумала и сказала: — Да ведь я и сама злая!

— Отчего же вы такая злая? — улыбаясь, спросил С. К.

— Завистливая я... — сообщила она доверительно. Потом откинулась на спинку стула и вдруг холодно улыбнулась. — Я про себя решила... А знаете, что я про себя решила? Ну, погодите, я гнездо ваше разворошу!

— Вы говорите о них с ненавистью, а ведь у них горе. Смерть.

— Смерть? — переспросила она весело. — Ну и что же, что смерть? Мы все умрем. Немного позже, немного раньше — какая разница?.. Вы думаете, я жизнью дорожу? Вот уж нет. Ведь смысла-то в ней все равно нет. — Она словно боялась, что ее прервут. — Если бы мы верили в бога, тогда можно было бы говорить о смысле жизни... А если бога нет, то какая может быть цель?

Она смотрела на них с торжеством, ожидая давно известных ей доводов, чтобы тут же их разбить.

— Есть, между прочим, у людей некоторые интересы в жизни.

— А! — резко сказала она и махнула рукой. — Это все болтовня. Дело со смертью обстоит не так, как все думают. Вся суть в том, что мы ее боимся... А если смерти совсем не бояться — понимаете, совсем не бояться, — тогда жизнь становится другой. Тогда возникает такая свобода...

— Скажите, Нелли, промолвил С. К., теперь уже серьезно, — вы сами до этого додумались?

— А что же, я сама не могу, по-вашему, думать?

— Ну, ладно, вернемся к тому, о чем вы нам рассказывали. Итак, вы решили разрушить сушилинское гнездо. Каким способом?

Она откинулась на спинку стула.

— Все-таки я чудачка, честное слово! Я не как все люди. Кому другому в голову взбредет?.. — Она пожалала плечами. — Ну... это был, конечно, Константин. У него все это шло от интеллигентности, от его увлечения стариной. Понимаете? От прабабки Кармелы. Я это сразу поняла, когда увидела, как он при мне бледнеет и краснеет, потому что мое с ней сходство... А потом он мне и сам сказал, что я вроде пришла к нему из глубины веков. Похоже, что я пришла из глубины веков, а?

Она расхохоталась.

— Ну а что же было дальше? — спросил С. К.

— А дальше? Пошла у нас интересная жизнь... Я увела Костю, когда хотела и куда хотела, нау-

чила его... уму-разуму. Он в это дело пустился с удовольствием. Да с каким!..

— И еще как! — сказал Севка.

— Да, но это мы с ним так, больше для его гордости — он очень гордился, какой он взрослый мужчина! А главное, я его против его семейных воспитывала. Он грубить стал, особенно при мне. А я что? Я тут ни при чем!.. Я же говорю: я очень властная... — Она вдруг задумалась. — А хотите, я вам скажу такое, что никому еще не говорила?

— Ну, скажите, — согласился С. К.

— Ведь в смерти Сушилина я виновата.

Она посмотрела на них торжествующе. С. К. терпеливо ждал.

— Послушайте: был сушилинский концерт. Что это было! Все выли, стонали, вспотели даже! Я посмотрела на Ингу — она кругом оглядывается, видно, что торжествует. И тут я взмолилась к господам: «Господи, сделай, чтоб он умер!» Видите, господь меня и услышал... Теперь пусть они поживут, как все люди живут. Ничего! Пусть теперь узнают, какова она, жизнь!..

— Так, значит, это вам принадлежала идея выпустить Константина на похороны отца пьяным?

— Не совсем. Это он от горя напился. Я только не помешала.

— Что Елисеев — убийца, вы ему сказали?

— А мне с самого начала было это ясно... Хорошего женишка привела в дом Инга Кирилловна!

— Ну, хорошо, вернемся к письмам, которые вы писали Инге.

— Письмам? Я написала одно. Чтобы она моего Костю в покое...

— И больше вы ей не писали?

— Ни-ког-да!

— Вы это точно помните?

— О боже мой! Совершенно.

— А почему вы писали на сушилинской машинке?

— А у меня другой нет.

— Резонно, — одобрил С. К. — Там есть такие слова: уйдешь туда, куда твой папочка ушел. Неужели так не слова тоже писали вы?

— А что же? — удивилась она. — Мне надо было, чтобы на нее подействовало. А кто ей позволил, — она опять стала раздражаться, — кто позволил брату жизнь отравлять, подглядывать? Ишь ты, какая разошлась повелительница! Ничего, мы тебя укротим!

— А что сказал Клим, когда узнал, что вы послали Инге такое письмо? — Вопрос был задан самым будничным тоном.

— Клим? Какой Клим? Уж не тот ли это парень...

— Тот самый. Я вас спрашиваю: он не сердился на то, что вы сделали такую глупость?

— Я вас совсем не понимаю. — У нее был растерянный вид. — При чем тут какой-то Клим?

— Вы с ним незнакомы?

— Я видела его раза два у Сушилиных...

— А помимо Сушилиных?

— Да нет же, конечно. Вы забываете, что, кроме Константина, у меня был еще и Никита...

— Ну что же, как говорится, так и запишем.

— Чтобы она сама до всего этого додумалась? — сказал С. К., когда они остались одни. — Да ни за что! А как торопится. Какая жажда убедить, поразить! Вот она, гордыня!

Ну, дело! Такого в прокуратуре еще не видали. Допросы и передопросы шли с утра до вечера. Экспертиза работала вовсю. Дронов несколько дней бил-

ся, допрашивая Валерия, и все безрезультатно. Парень сидел перед ним, равнодушный и презрительный, на вопросы не отвечал совсем, а на очной ставке с Леной в упор смотрел на того узкими, сдвинутыми к переносице глазами. И Леня белел как стена.

Это было неожиданно и неприятно. С. К. полагал, что их связь с Климовским удастся установить без труда. Именно через Валеру. Но на нем-то все и оборвалось. С. К. сам пробовал с ним разговаривать — ничего. Спросил Валеру, знает ли он, что на этой машине совершено преступление.

Валера пожал плечами. И не ответил ни на один вопрос.

В голове у С. К. от усталости уже все мешалось, одно лицо сменялось другим. И вот опять — Нелли. На этот раз они вдвоем.

— Можно курить? — спрашивает она уже необходимо, как старого знакомого.

— Ради б-бога. Скажите, когда вы последний раз были на даче Сушилиных?

— Я уж и не помню, — отвечает она весело. — В это лето как будто бы и совсем не была.

— Вспомните хорошенько, это очень важно.

Она смотрит на него насмешливо:

— Ради вас я готова сказать все что угодно, но ведь вам, кажется, нужна только правда?

— Т-т-только, — отвечает он, глядя на нее исподлобья.

— Ну а если правду, то на даче Сушилиных я не была в это лето совсем. Инга нас на дачу ни разу не приглашала.

— Ну а без нее?

— Что вы! — говорит она с комически разыгранным возмущением. — Как же я могу приехать на дачу без хозяйки!

«Вот и все», — думает он, глядя, как Нелли подписывает протокол допроса, и спрашивает:

— В последний раз вы говорили, что вы современной, чем Сушилины. Что это значит?

— Свободна. Совсем свободная женщина — разве это не современно?

— Надо только никого не любить, не так ли?

— Ну, разумеется! — Она была довольна, что ее наконец поняли. Она по-прежнему чувствовала себя хозяйкой положения.

— А ведь я вынужден вас арестовать, — сказал С. К.

Лицо ее стало застывать, как застывает стеариновая капля. Но она все же сдержалась, плавно откинула назад волосы и улыбнулась улыбкой, которая говорила: «Ну что ж, пожалуйста».

А теперь самое главное — допрос Климовского. С. К. уже давно и тщательно к нему готовился: дело было далеко не таким простым. Его опыт, тот особый следовательский опыт, который называют еще и интуицией, властно подсказывал ему разгадку всех загадок, над которыми они ломали голову. Но интуиция — личное дело следователя. Если у него нет убедительных, точных доказательств, он может положить ее в карман и никому не показывать. Хватит с нас того, что Михаил Алексеевич хорошо владел со своей интуицией! А как у нас с доказательствами?

Они уже час сидят друг против друга.

— Владимир Николаевич, — говорят С. К., — вы что-нибудь зачеркивали в дневнике, прежде чем дать его нам?

— Никогда.

— И никогда ничего не писали на полях при жизни вашей жены?

— Никогда.

— Вы это точно помните?

— Совершенно.

— В ходе расследования мы пришли к выводу, что смерть вашей жены стоит в тесной связи с гибелью Сушилина. Я прошу вас рассказать все, что вы знаете об этом убийстве.

— О смерти Сушилина я ничего не знаю.

С. К. почувствовал, что собеседник его насторожился. В лице его появилось что-то недвижимое, словно он прислушивался. Так. Пусть подумает.

— Катин дневник был адресован Сушилину, об этом однозначно говорит замаз-з-занное место... Я полагаю, что дело было так: вы ненавидели Сушилина. Вы знали, что для Кати это не только любовь — это с-с-мысл жизни. А вы привыкли владеть безраздельно, быть совершенным господином положения. И вдруг женщина, которая была рядом с вами и числилась вашей законной женой, оказалась совершенно вне вашей власти!

— Я люблю, когда мне же да про меня же само-го рассказывают.

— Тут у вас были смешаны два чувства: обожженное самолюбие — как это в а м предпочли кого-то другого! — и чисто практический страх потерять завоеванный плацдарм — наконец-то завоеванный после стольких неудачных боев и яростных драк. Вот пот-т-тому-то вы ее и уб-б-били...

Климовский посмотрел на него устало.

— Стыдно, честное слово, — сказал он.

— Вы это напрасно. Я говорю п-подумавши. Вам бы, наверно, и в голову не пришло убивать, если бы она сама не заговорила о смерти и не повторила бы о ней так часто в своем дневнике... В самом деле, если уж ей никак не живется на свете, пусть себе умирает. А вот вам, напротив, очень живется, вы готовы взять у жизни все, что она только может дать. А дать она может много. В нашем распоряжении замечательная интеллигентная квартира с дивной библиотекой, с прекрасным приемником, набором редких пластинок — огромная ценность. Все это было бы хорошо, только мешала хозяйка. Мешала, раздражала, действовала на нервы. Еще бы она была влюблена и покорна, как все остальные, а то холодна и насмешлива. А главное — любила другого. А уж это для вас было совсем непереносимо. О, вы были готовы прочесть прекрасную библиотеку, послушать дивные пластинки. Привести в дом — свой дом — красивую женщину, ж-ж-желательно знаменитую. А если на пути всего этого в-великолепия стоит кто-то слабый, неполноценный, кому и жить-то неохота... Правильно я говорю?

— Очень любопытно. К делу никакого отношения не имеет, но страшно любопытно.

— Ну, вот видите. Тогда продолжим. Вы ничего преступного не делали: ведь в уголовном кодексе не сказано, что вы обязаны лечить больную жену! Нет, вы полагали, что кодекса не нарушаете. Вы только создали дома такой душевный режим, в котором она жить не могла. Вы перестали церемониться, вы, не стесняясь, ждали. Будь у нее родственники, они бы выгнали вас, как вас уже не раз выгоняли из разных домов. Но у нее не было родственников.

— Прямо кивозлодей!

— Нет, вряд ли вам все это доставляло удовольствие. Ведь вы же не профессиональный убийца!

— И на том спасибо.

— Ну, к нашему следствию вы отнеслись несерьезно, — продолжал С. К. — Нас вы в грош не ставили. Вы з-з-замазали в дневнике строчки и принесли

его нам, словно мы м-м-маленькие. Однако первое, что нас удивило, так это то, что до дневника вашей жены вы по интеллекту явно не дотягиваете.

Климовский бросил на него быстрый взгляд. Ничего, пожалуй!

— Замечательный психологический анализ, — сказал Климовский. — Одно жаль: вилами по воде.

— Не совсем. Вы только что на мой вопрос ответили, что никогда ничего не писали на полях дневника, но именно в том месте дневника, где она говорит, что хотела бы уйти из жизни, вы написали и-и-несколько слов.

— Не помню.

— Вы написали это карандашом, а потом стерли, но так как писали вы энергично, как все, что вы делаете, и сильно нажимали, нам не составило труда это прочесть.

— Нет... Не помню. Может быть, я что-нибудь и писал...

— Ну, раз не помните, тогда прочтите, — С. К. протянул ему фотографию. — Вот это ваша надпись, восстановленная.

Климовский осторожно покосился на фотографию. На полях дневника были четко выведены слова: «Так за чем же, мадам, дело стало?»

— Ну и что?

— Видите ли, до сих пор мы считали, следуя в этом за вами, что вас с женой связывает внутренняя близость. Почему же при таких прекрасных отношениях вы не попытались помешать ее гибели? Посоветоваться хотя бы с врачами, успокоить в минуту волнения... А вы не только не успокаивали, вы намеренно раздражали, и когда она говорила о самоубийстве, вы как бы... подталкивали.

— Но это была шутка! Пусть неудачная, но...

— С-с-странные ш-шуточки, — сказал С. К., глядя на него сумрачно. — Даже если бы она была человеком с крепкой нервной системой, и тогда это было бы для нее... слишком.

Арестованный молчал.

— Послушайте, Климовский, — сказал вдруг С. К., — а что вы сделали с ее письмом к Сушилину? Тот повернулся к нему всем корпусом.

— Каким... письмом?

— Вы ничего не знаете про письмо, в котором Екатерина Павловна писала, что вы стали ужасом ее жизни?

Климовский заметно побледнел, и щетина на лице обозначилась четко.

— Вот видите, есть еще одно доказательство вашего преступления — о нем свидетельствует сама погибшая. Вы не считаете, что все это становится серьезным?

Климовский соображал, это было видно по его лицу.

— Может быть, и в самом деле я здесь что-то просмотрел, — начал он осторожно, — наверно, мне нужно было обратиться к врачам. Но ведь надо учитывать и характер — я сколько раз пытался, но она не шла. Я много думал об этом...

— Я хотел бы знать, о чем вы разговаривали с Сушилиным, когда он приходил к вам двенадцатого?

Вот это уже — под вздох.

Шимановскому вдруг показалось, что перед ним другой человек, — так изменилось вдруг это лицо.

— Не понимаю, — сказал Климовский.

— Я спросил вас, о чем вы разговаривали с Сушилиным, когда он зашел к вам двенадцатого, в день своей смерти?

— Это липа, — сказал Климовский сплю, — Сушили ко мне не приходил! Это липа!

— Нет, нет, — миролюбиво ответил С. К. и похлопал ладонью по папке, лежащей на столе. — Тут показания свидетеля, который собственными глазами видел, как Кирилл Викторович вошел двенадцатого в вашу квартиру.

— Так-таки двенадцатого? — Климовский все еще пытался обороняться.

— Да, свидетель на следующий день уезжал в отпуск, есть путевки, билеты, этот день датируется с точностью. Хотите посмотреть?

— Успеется, — глухо сказал Климовский.

— Когда Сушилин ушел, после разговора, надо думать, очень резкого — я надеюсь, что содержание его вы мне сами расскажете, — вы были в смятении. И понятно: следствие, вопреки вашему ожиданию, от вас никак не отвязывалось, а тут Сушилин угрожал вам разоблачением. Я не знаю, прочел ли он вам это письмо...

И Климовский чуть было не ответил. Честное слово, С. К. показалось — еще бы минута, и он бы ответил! Но — спохватился. Усмешка прошла по его грубому лицу.

— Ложь и ложь, — сказал он с презрением.

— Да нет же! Вы метались. Под угрозой оказались все ваши завоевания, да и сама свобода. К тому же ненависть к Сушилину... И вот вы решились.

Климовский сделал какое-то движение, но сдержался.

— Конечно, — продолжал С. К., — я могу быть не во всем точен — куда лучше было бы, если бы вы рассказали сами, но ведь вы молчите. — Он сам помолчал немного и продолжал: — Я не знаю, что было вашей целью — убить или только добыть письмо. Вернее всего — запугать и унижить. Это вам нужно было обязательно — унижить человека, над которым вы никаким образом, кроме насилия, не могли бы возвыситься. Вы позвонили Нелли, с которой, разумеется, уже давно успели свести знакомство. Ее ненависть к Сушилиным была прекрасной питательной средой для ваших возрений. «Ах, рукописи не горят?» Ничего. Мы вам еще покажем, как они горят...

— Нелли... — угрюмо сказал Климовский.

— Вот видите! — живо отозвался С. К. — Вы же сами видите. Может быть, теперь...

— Не выйдет.

— Ну, тогда я открою вам все мои карты: мне не нужно ваше признание.

— О чем же мы тогда разговариваем?

— Да все о том же. В основных чертах я представляю себе, что произошло. Вы узнали от Нелли, что Сушилин уехал на дачу, а также адрес дачи. Думаю, что убивать вы не собирались, вам, может быть, даже больше хотелось бы, чтобы Сушилин остался жить и всю жизнь помнил бы о своем унижении. Всю жизнь! Но самая возможность убийства стояла перед вами как реальная — иначе вам не пришлось бы в голову брать с собой Валеру и просить Нелли, чтобы она разыскала какую-нибудь вещь, принадлежащую Елисееву. Нелли говорит, что она очень удивилась, когда вы ее об этом попросили, но возражать не стала. Вы ведь не любите, когда вам возражают.

— Вы ее заставили, — сказал Климовский.

— К-к-конечно. Не сама же она! Но ей ничего другого не оставалось. Она на допросе сказала, что все лето на даче не была. Мы же при первом обыске на даче кое-что нашли. Всего-навсего крошечный обрывок ботиночного шнура с металлическим наконечником. А позже, при обыске у Нелли, мы нашли женские полуботинки, и как раз с оборванным шнурком. Стоило сложить шнурки краями, чтобы стало и без экспертизы ясно: когда-то они составляли одно

целое. Ну а экспертиза уже доказала это. И Нелли вынуждена была рассказать нам все: как она, ничего не понимая, кинулась разыскивать шагомер, который давно заметила, — она ведь в этом доме все подглядывала и подслушивала. Вы можете потом прочесть ее показания. Кстати, ваш тезис о том, что не надо бояться смерти, она усвоила нетвердо: как только запахло ж-ж-жареным, Нелли поспешила отграничить строго, кто и что делал...

Климовский слушал с жадным интересом.

— А теперь у нас пойдет речь о ноже, что был у Валеры, — вот этот парень, в отличие от Нелли, нем как рыба. Так вот — нож. Он найден при вторичном обыске. В б-б-былые времена убийца смывал кровь в каком-нибудь ручье и шел себе домой. А нынче не так. Нынче дотошные криминалисты отвинчивают рукоятки, выскребают, что натекло, и отсылают на экспертизу. Я покажу вам акты этих экспертиз. Валерин нож самодельный, размеры его необычны — тем более ценно, что они точно соответствуют тем двум ранам, что были нанесены Сушилину. И кровь, обнаруженная на ноже, той же группы, что и у Сушилина.

— Так ведь это только предположение, — сказал Климовский. — Насколько я понимаю, экспертиза может показать только возможность. Валерин ножом могли убить, но это не значит, что убили.

— Вы обнаруживаете известный опыт. Вообще, как правило, вы владеете собой. Но иногда срываетесь и мечетесь — именно на это мы и рассчитывали, когда подговорили Ингу сказать вам, что она идет в прокуратуру. Согласитесь, все эти попытки ее запугать выглядят довольно глупо, тем паче что и сообщники ваши... Но Инга из дому не выходила, трубки не брала, а вы метались — вам хотелось хотя бы ее задержать, чтобы было время... ну — ударить, наверно... Вообще — вы на высоте, пока инициатива принадлежит вам, но мы стали навязывать вам ходы, и тут вы просто не знали, что делать. Да, экспертиза доказывает только возможность, это так, но ведь Валере придется объяснить, откуда на его ноже человеческая кровь. Заранее могу сказать: если он попытается утверждать, будто сам когда-то порезался, номер, что называется, не пройдет — у него другая группа крови.

Когда Всеволод и С. К. вышли из прокуратуры, рабочий день давно кончился. Они медленно двинулись по улице.

— Как вы думаете, он расскажет? — спросил Севка.

— Об-б-бязательно. Теперь эти трое столкнулись, у них другого пути нет. Если Климовский при всех существующих доказательствах станет отрицать свое участие в преступлении, значит, вся тяжесть его падет на Нелли и Валеру. Они это отлично сообразят. Климовский тут главное действующее лицо и пружина. В них заговорит негодование, отчасти даже и справедливое, и тогда они станут не только говорить о его вине, но и доказывать его вину. И тут уж улики посыплются на нас дождем. В-в-выйти сухим из воды они ему не дадут...

— А помните, — сказал Севка, — как мы жалели, что это всего кончик. А ведь если бы шнурок порвался посередине, его бы непременно выкинули.

— Да, никогда не з-знаешь, где найдешь...

Севка медленно шагал рядом с С. К.

— Виделся сегодня с Никитой, — говорил он. — Рассказывал он мне в подробностях, как это все было. Странная, говорит, она была девчонка — со всеми молчала, мяукала, а с ним разговаривала, и при-

том очень, говорит, небезлюбопытно. Такая мягкая с виду, а на самом деле... весьма остренькая. Так, говорит, все и подмечает, и неглупо. Да к тому же и жалко ее было. Детдомовское детство — это не так просто.

— А когда он д-д-догадался?

— Говорит, совершенно случайно. Впрочем, конечно, не совсем случайно, но все же... Вы помните, может быть, у Инги в комнате стоит зеркало, старинное, в оправе из серебряных листьев. Вот как-то они все сидели, это было уже после смерти Кирилла Викторовича. Нелли, как всегда, свернулась у него под боком, и вдруг он увидел в зеркале ее лицо. И просто обомлел. Представь себе, говорит, смотрит на меня из старого зеркала, как из черной воды, лицо почти незнакомого. И на нем такое наслаждение — даже зубки, говорит, торчат! Никита сперва ничего не понял, а потом стал соображать и прикидывать. Ведь смотрела она на Ингу, совсем тогда несчастную и сломленную.

— А п-п-потом была найдена баба-яга.

— Да уж тогда ему все вдруг стало ясно. А так как доказательствами он не располагал — стал приглядываться, «послеживать», как он говорит. Боился ее жутко, но решил: если дело дойдет до объяснений, он все объяснит ревностью. И очень скоро вышел на Валеру.

— П-п-пошли сквериком.

Они пошли сквериком, уже немного пооблетевшим.

— Да, дельце! — сказал Сева. — Во сне не признается.

— А Михаил Алексеевич все никак не может простить.

— Кому? Чего?

— Да Инге. П-п-передачу за подписью Сушили-на-Елисеева. Какое к нам, говорит, недоверие! Оба посмеялись, а Сева спросил:

— А как вы думаете, Нелли правду сказала про бабу-ягу? Может быть, все-таки она нарочно ее бросила на дорогу?

— Не думаю, — ответил С. К. — То, что она рассказала, как раз психологически достов-в-верно. Когда они ехали в машине, чтобы перехватить по дороге Сушилину, она чувствовала себя в «Москвиче» хозяйкой — увидела бабу-ягу, Ингин подарок, со злости рванула ее и бросила себе под ноги. А потом баба-яга вывалилась на дорогу. Вернее всего, что так...

— А к-к-какой парень! — сказал С. К.

— Климовский? — тотчас догадался Сева.

— Да, тут уж природа не пощупилась — и ум, и темперамент, и воля. Сколько всего погублено!

— И все-таки я не понимаю — как он мог?

— П-п-привет! — сказал С. К. — И ты туда же! «Мотив преступления»? Да? «Зачем он это сделал»? Интересно получается, честное слово! Мы знаем, отчего он это сделал и почему, так при чем же тут...

— Ну, отчего?

— Да оттого же, отчего и Валера. Они же тут родные братья и встретились совсем не случайно. У них нет жалости, нет ее совсем, понимаешь? Пустое место. Слово «сочувствие» им незнакомо. У них нет даже отдаленного представления о ценности человеческой жизни, им это дело — плюнуть и расстрелять. Так чего же еще спрашивать — зачем? Да ни-зачем! Низачем — и все!

Лицо С. К. посветлело и похорошело, как всегда, когда он сердился.

— Ты говоришь — зачем? — продолжал он свое. — Было тут и свое «зачем»! Да только он ни в чем не успел, этот наш Климовский. Даже и с ножом в Ва-

лериной руке он не одержал победы. Ему хотелось видеть унижение врага, его страх, отступление и покорность. А Кирилл Викторович встретил их как шпану. Именно так они потом и рассказали Нелли, которая ждала их в машине. Надменно. Они могли его только убить, но унизить? Нет, т-т-такого т-торжества Климовскому урвать от жизни не удалось...

— Ну что же, — сказала Инга, — давай рассказывай.

Она была очень худа, волосы еле приглажены, и стоптанные тапочки на босых ногах. Котка долго болел — болезнь оказалась тяжелой, пришлось не спать ночами.

— Да ты уже знаешь.

Севка предпочел бы ничего ей не рассказывать, по крайней мере сейчас. Пусть пройдет немного времени, пусть немного затянутся раны. Но она повторила:

— Давай рассказывай.

Катино кресло стояло на своем месте в углу. «Когда мы были с утра до ночи заняты этим делом, — подумал Севка, — нам все же было легче. Мы не успевали оглянуться. А теперь словно бы мертвые возвращаются на свои пустые места».

— Все началось с письма, — сказал он.

Она смотрела на него вопросительно. Господи! Она же ничего не знает про Катино письмо.

— Катиного письма твоему отцу.

— Я могу его прочесть? — спросила она после долгого молчания.

— Конечно, только погода. Сейчас оно приоб-щено к материалам дела.

— Из-за этого письма отец и приходил?

— Да.

Она замолчала, и Севка не решился прервать это молчание. Даже взглянуть на нее боялся, а когда взглянул, то увидел, что она сидит с закрытыми глазами, как мертвая. Потом брови ее дрогнули.

— А как... — начала она, и Севка понял, что сейчас она спросит его про само убийство.

Она уже смотрела на него дико, во все глаза. Он отрицательно покачал головой.

Нет, подумал он, сейчас этого нельзя. Да и никогда, наверно, нельзя... Боже мой, как хрупка, как катастрофически хрупка жизнь! Дивный талант, глубокий ум зависят от какой-нибудь жилочки, которую перервать, перерезать ничего не стоит — да чего там, она сама износится и перервется. «Рукописи не горят!» Еще как горят! Они горят в пожарах. Погибают вместе с клетками умирающего мозга.

В передней раздался звонок. Было слышно, как Зинаида Константиновна пошла открывать. Почему-то наступила тишина — ни голоса, ни звука.

Инга устало поднялась, подобрала тапочку босыми пальцами и пошла в переднюю. Севка следовал за ней. Он-то знал, какой пожаловал гость.

Петька и Зинаида Константиновна стояли в передней друг против друга, разделенные порогом.

Худой, стриженный, на себя непохожий Петька твердо смотрел в глаза Зинаиды Константиновны. Она же выпрямлялась до Ермоловой.

И тут мимо нее, как стрела, пущенная из лука, промчалась Инга. Она ударила о Петькину грудь и осталась недвижимой, только прижималась теснее и крепче.

А он стоял и прижимал ее к себе одной рукой, потому что в другой у него был рюкзак с тюремными шмотками, который он не догадался бросить.

Зинаида Константиновна отступила на шаг и еще резче выпрямилась. Из-за двери показалась Котка,

обросший, усатый, в халате, из-под которого торчали немислимо длинные ноги, — он жутко вырос.

И вдруг! Вдруг раздался звонок, а потом незапертая дверь сама открылась — на пороге стояла Ляля, за ней виднелся невысокий Коробов. Оторвавшись от Петьки, Инга смотрела на них, как человек, который проснулся и не может сообразить, где он и что с ним. Кто их звал? Мать? Или нет — кажется, Ляля сама позвонила сегодня и сказала, что забежит, а ей, Инге, было все равно.

Котька в халате исчез. Ляля, окинув всех быстрым взглядом, сбросила пальто, скользнувшее подкладкой, прямо на руки своему спутнику, который поспешно его подхватил.

Петька наконец догадался бросить рюкзак.

— Прощу вас, — сказала Зинаида Константиновна и повела ладонью в сторону столовой.

Гости расселись в знаменитых сушилинских креслах, обитых белой кожей с цветочками (Лялино черное сверкание на белой коже было ослепительно).

— Мама! О чем мы думаем?! — закричала Инга. — Он ведь голодный!

И она кинулась на кухню. За ней удалилась и хозяйка дома.

Всеволод и Петька поздоровались глазами. Если бы они были одни, им было бы о чем поговорить, но они были не одни. Коробов сел удобно, заложив ногу за ногу, а потом переменял позу и сел еще удобнее. Ляля откинулась на спинку кресла.

— Господи! — сказала она с глубоким облегчением. — До чего же я замучилась с этим треклятым процессом! Просто завшивела вся...

А Петька помнил свою новую жизненную философию — относиться отныне к людям так, словно они скоро умрут. Он постиг ее тогда, в тюремной камере, и вышел с твердым намерением ее придерживаться. Ведь только когда человек умирает, мы начинаем по-настоящему понимать, кем он был для нас, и вообще — каким он был. Не проще ли понять это, не дожидаясь его смерти? И вот теперь он добросовестно постарался представить себе, что Ингины гости, оба, скоро умрут. Коробов ему не представился, но красавица Ляля лежала в гробу вся в цветах, недвижимая и холодная.

Петька рад был, что она жива, и с удовольствием на нее смотрел.

— Просто завшивела! — повторила она.

— Зато люди, которых вы защищаете, вас никогда не забудут, — сказал он горячо, от всего сердца.

Она удивилась. Навострила уши. Скосив глаза так, что синие ресницы почти легли на розовую щеку, она бросила на него женский взгляд.

«О господи!» — подумал он и вдруг сообразил, что ему не обязательно тут сидеть, что он может пойти на кухню.

На кухню, где сейчас хозяйничает Инга,